ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. К. Зайцев

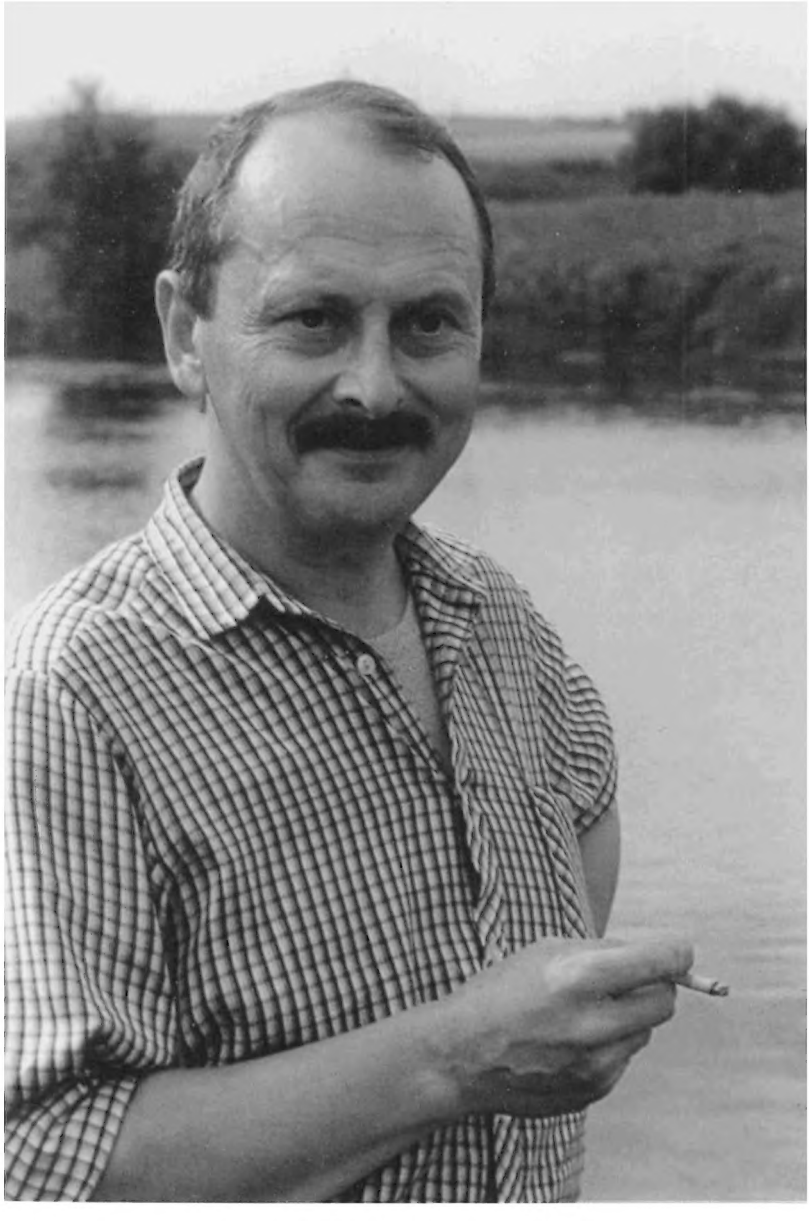
ЧЕРНИГОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО X–XIII вв.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Государственный Исторический музей

Государственный военно-исторический и природный
музей-заповедник «Куликово поле»

МОСКВА
Квадрига
2009



Алексей Константинович Зайцев
на раскопках в районе Куликова поля

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. К. Зайцев

ЧЕРНИГОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

X–XIII вв.

Избранные труды

МОСКВА
Квадрига
2009

УДК 94(47)“9/12”
ББК 63.3(2)412
З-17

Perseus & Grizli 973
сборка, очистка, редизайн

Зайцев А. К.

З-17 Черниговское княжество X–XIII в.: избранные труды / Алексей Зайцев. – М.: Квадрига, 2009. – 226 с.+карты. – (Историко-географические исследования).

ISBN 978-5-91791-006-2

Книга является наиболее полным и серьезным историко-географическим исследованием одного из крупнейших княжеств Древней Руси, охватывавшего земли от Чернигова на западе до Коломны и Рязани на востоке.

Книга включает неопубликованную диссертацию выдающегося специалиста по исторической географии (1976) А. К. Зайцева, а также статьи из малотиражных сборников по истории населенных пунктов, входивших в состав Черниговского княжения.

Издание содержит составленные автором карты и сводную итоговую карту, подготовленную В. Н. Темушевым, а также библиографию работ и краткую биографию А. К. Зайцева.

Книга выходит в год 70-летнего юбилея автора.

УДК 94(47)“9/12”
ББК 63.3(2)412

© Зайцев А. К., текст, 2009
© Зайцев А. К., карты 2–5, 2009
© Насонов А. Н., карта 1, 2009
© Темушев В. Н., карта 6, 2009
© Издательство «Квадрига», оформление, 2009
© Никулин А. Ю., дизайн переплета, 2009

ISBN 978-5-91791-006-2

Алексей Константинович Зайцев родился в Москве в 1939 г. В 1964 г. окончил исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова по специальности историк-археолог.

До 1966 г. работал преподавателем истории в средней школе. С 1966 по 1969 г. был научным сотрудником Государственного Исторического музея, откуда ушел в аспирантуру Института истории АН СССР. После окончания аспирантуры был зачислен в Институт истории на должность младшего научного сотрудника в сектор исторической географии. Защитил диссертацию и получил степень кандидата исторических наук в 1976 г. В 1983 г. перешел на работу в отдел картографии ГИМ. С 1986 – заведующий отделом картографии, с 2001 – ведущий научный сотрудник отдела. С 2008 г. – на пенсии.

В 1991 г. принимал участие в учредительной конференции Московского музейного союза и был избран членом его правления. В 1998 г. указом Президента РФ А. К. Зайцеву присвоено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

Во время учебы в университете Алексей Константинович специализировался по кафедре археологии под руководством Б. Н. Гракова. Проходил археологическую практику в экспедиции Б. А. Рыбакова (Раскопки древнерусского города Любеча).

Первоначально научные интересы Алексея Константиновича были сосредоточены на Тмутаракани под властью русских князей. А после поступления в аспирантуру темой диссертации (научный руководитель – В. Т. Пашуто) стало историко-географическое изучение Черниговского княжества.

С 80-х годов основным объектом исследования для Алексея Константиновича стало Куликово поле как регион чернигово-рязанского порубежья, очень приблизительно известного по письменным источникам. В изучении истории заселения Куликова поля (в широком, средневековом, понимании как лесостепного региона между верховьями Оки и Дона) Алексея Константиновича привлекали перспективы комплексного использования источников – археологических, письменных, картографических, данных топонимики. Алексей Константинович в том числе обратился к истории формирования летописных памятников Куликовского цикла, привел развернутую аргументацию в пользу датировки создания Летописной повести «О побоище иже на Дону» во второй

половине 1385 г. Итоги исследований на Куликовом поле и изучения знаменитого сражения подведены ученым в статьях сборника «Куликово поле и Донское побоище 1380 года» (Труды ГИМ. Вып. 150. М., 2005).

Основные положения диссертации А. К. Зайцева «Черниговское княжество X–XIII вв. Историко-географическое исследование», защищенной в Институте истории СССР АН СССР в 1976 г., опубликованы в серии статей 1974–1975 гг., 1981 гг.

Предлагаемая вниманию читателей публикация текста диссертации и нескольких более поздних статей историко-географической тематики дают цельное и наиболее полное представление о научных взглядах исследователя на географию Черниговского княжества в исторической динамике.

* * *

Книга выходит в год 70-летнего юбилея А. К. Зайцева, позволяя осознать актуальность результатов его исследований.

ЧЕРНИГОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО X–XIII вв.

ДИССЕРТАЦИЯ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

МОСКВА, 1976 г.

ВВЕДЕНИЕ

К настоящему времени в ходе развития советской исторической науки сложилась, достаточно четко определив свои задачи, историческая география как наука, имеющая свой предмет. Историческая география как отрасль исторических знаний изучает географию исторического прошлого человечества и имеет основные разделы: историческая физическая география, историческая география населения, историческая география хозяйства и историческая политическая география. Она сохраняет и свои вспомогательные функции, считавшиеся буржуазными исследователями основной задачей историко-географических изысканий. Такое понимание, данное В. К. Яцунским, является результатом тщательного анализа историко-географических приемов в исследованиях В. И. Ленина и глубокого изучения длительного пути западноевропейской и отечественной исторической географии[1].

Хотя историческая география населения и экономики Древней Руси в исследованиях археологов и делает существенные попытки выйти за рамки этапа накопления материала (в изучении заселенности территорий, географии сельского хозяйства и ремесел, торговых связей), важной задачей историко-географического исследования Древней Руси остается изучение сложения государственной территории. Это объясняется не столько наличием и степенью изученности источников, сколько значительностью проблемы, тесно связанной с исследованием становления феодальной формации и образования Древнерусского государства. Проблема истории формирования государственной территории Древней Руси (с учетом существенного отличия этой территории от родо-племенных и этнических областей) была впервые поставлена в советской историографии и возникла в связи с общей задачей изучения образования и развития феодального

[1] *Яцунский В. К.* Историко-географические моменты в трудах В. И. Ленина // ИЗ. Т. 27. М., 1948. С. 3–17; *Он же.* Историческая география как научная дисциплина // ВГ. Сб. 20. М., 1950. С. 13–41; *Он же.* Историческая география. История ее возникновения и развития в XIV–XVIII веках. М., 1955. С. 9–10; *Он же.* Историческая география // СИЭ. Т. 6. С. 514–517; *Никитин Н. П.* Виктор Корнельевич Яцунский. Жизнь и научная деятельность // ВГ. Сб. 83. М., 1970. С. 7–11.

Древнерусского государства, на основе строго научной методологии. Эта проблема справедливо считается одной из труднейших по конкретному исполнению и самых сложных в теоретическом отношении[2].

«Государство – это есть машина для поддержания господства одного класса над другим»[3]. Данное определение раскрывает сущность, по выражению В. И. Ленина, «государства в собственном смысле слова». Известно, что «по сравнению со старой родовой организацией государство отличается, во-первых, разделением подданных государства по *территориальным делениям*... Вторая отличительная черта – учреждение *публичной власти*, которая уже не совпадает непосредственно с населением... Для содержания этой публичной власти необходимы взносы граждан – *налоги*»[4]. Исходя из основных положений историко-материалистического учения о государстве, А. Н. Насоновым было дано определение понятия государственной территории, которое можно передать следующим образом. Под государственной территорией в собственном смысле слова понимается разделенная по административному признаку территория, население которой в *интересах господствующего класса* подчинено публичной власти, имеющей особый аппарат насилия, творящей суд и устанавливающей разного рода поборы-налоги (выделено А. Н. Насоновым)[5]. Рассматривая расширение государственной территории как распространение по населенной территории функций государственного аппарата принуждения (дани и суда), А. Н. Насонов в книге «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства» поставил и в основном разрешил принципиально новую задачу: выяснение процесса сложения государственной территории «Русской земли» и древнерусских княжеств-земель в ходе общественного развития «Древней Руси»[6]. На основании тщательного анализа материала источников А. Н. Насонов показал, что территория Древнерусского государства складывается в результате внутреннего процесса, с развитием нового способа производства и с распадом родо-племенных связей. Она складывается там, где появляется феодализирующаяся знать и как результат классовых противоречий – организация принуждения. Сложение древнерусской государственной территории следует рассматривать как результат борьбы господствующего класса за расширение власти и доходов, что проявляется в распространении из «Русской земли» (политического и территориального ядра Древнерусского государства)

---

[2] Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 3.

[3] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 39. С. 73.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 170–171.

[5] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 5, 6.

[6] Там же. С. 3–6, 25.

княжеской дани и суда (аппарата насилия). Формирование государственной территории закономерно связано с развитием феодального способа производства на Руси и выступает как одно из важных проявлений процесса феодализации[7]. Такой подход к изучаемой проблеме позволил историко-географическому исследованию занять существенное место в изучении социально-экономического развития Древнерусского государства[8].

Важнейшее значение работы А. Н. Насонова состоит в том, что подлинно научный подход к изучаемой теме привел исследователя к рассмотрению государственной территории Руси в *процессе* ее формирования, что и сделало географию Древней Руси действительно исторической[9]. Буржуазные исследователи занимались преимущественно локализацией летописных географических названий и определением границ княжеств, причем их выводы, их исторические карты были суммарны, вне динамики, как бы вне исторического развития, не учитывалось качественное отличие племенных территорий от государственных, данные X в. использовались для определения территорий XII в. и т.п.

Сложение сплошной территории Древней Руси как государственной в собственном смысле этого слова завершалось уже в условиях начавшейся феодальной раздробленности, когда в конце XI – начале XII в. границы земель-княжений пришли в соприкосновение[10]. Изучение последующего развития древнерусской государственной территории, процесса формирования земель-княжений в период феодальной раздробленности, изменений и усложнений их структуры, дальнейшей динамики границ, выявление внутренних границ, возникших в результате дробления земель-княжений, не входило в задачу исследования А. Н. Насонова. Если в отношении некоторых земель эти вопросы и затрагивались, то только попутно, в интересах решения основной задачи.

Учитывая основные выводы исследования А. Н. Насонова, указанные проблемы целесообразно первоначально рассмотреть в рамках отдельных земель-княжений Древнерусского государства, т.к. в XII–XIII в. можно в известной мере говорить об относительной самостоятельности их исторического развития, с другой стороны – к этому походу вынуждает и сравнительно большой объем исторического материала для изучения отдельных земель Древней Руси.

---

[7] *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 5–9, 24, 216–220.

[8] *Смирнов И. И.* Очерки социально-экономических отношений Руси XII–XIII вв. М.; Л., 1963. С. 7–13.

[9] И. И. Смирнов, высоко оценивая значение книги А. Н. Насонова для социально-географического изучения Руси, слова «историко-географическое исследование» по отношению к этой работе брал в кавычки, что, очевидно, отражает новизну понимания А. Н. Насоновым задач исторической географии Древней Руси: *Смирнов И. И.* Очерки социально-экономических отношений Руси XII–XIII вв. С. 7–13.

[10] *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 219, 220.

Всякая постановка отдельной научной проблемы является так или иначе механическим извлечением ее из общего круга взаимосвязанных научных проблем, отражающих реальный естественно-исторический процесс. Такое изъятие неизбежно для углубленного изучения отдельных проблем, но это изучение будет односторонним, если не видеть связи исследуемой проблемы, ее места в общей исторической проблематике – с одной стороны, и с другой – места изучаемого предмета в существовавшей исторической действительности.

Сложение территории Черниговского княжества, одного из крупнейших княжеств Древней Руси, является важной частью общей проблемы формирования и роста государственной территории Руси. Чернигов на всем протяжении истории Древнерусского государства был одним из его ведущих центров и, пожалуй, на всех этапах древнерусской истории не опускался ниже второго места по своей политической значимости. Начальный этап формирования Черниговской земли, ее зарождение (образование территориального и политического ядра) происходит еще в условиях относительно единой Киевской Руси, она завершает в основном свое формирование во второй половине XI – середине XII в.; во второй половине XII – первой половине XIII в. Черниговское княжество достигает своего расцвета, активно борется за общерусское господство, стремясь использовать киевский стол как инструмент достижения этой цели. В этот период, несмотря на появление ряда второстепенных княжеских столов Черниговской земли, она выступает в течение полувека как относительно единое политическое целое и вскоре после монгольского вторжения Черниговская земля распадается на ряд удельных княжеств.

Такая периодизация не только логична (зарождение – формирование – дальнейшее развитие), она соответствует реальному ходу событий в Черниговской земле – с одной стороны, и общей периодизации развития феодализма Древней Руси (X – первая половина XI в.: вторая половина XI – середина XII в.; вторая половина XII – середина XIII в.)[11] – с другой.

В настоящее время советские исследователи уделяют большое внимание истории периода феодальной раздробленности, проблемам политической иерархии (соответствующей расчлененному характеру земельной собственности), изучению вопроса о характере и форме Древнерусского государства[12]. При рассмотрении проявлений феодальной раздроблен-

---

[11] *Черепнин Л. В.* Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма: (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 165, 187, 193–194.

[12] *Пашуто В. Т.* Историческое значение периода феодальной раздробленности на Руси; *Черепнин Л. В.* Пути и формы политического развития русских земель XII – начала XIII в. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши в XII–XIV вв. М., 1974.

ности историко-географическое исследование имеет первостепенное, хотя и не решающее значение, оно было бы односторонне без социально-экономического изучения процесса феодальной раздробленности, способного определить сущность этого исторического явления. О единстве или раздробленности здесь говорится как о политических явлениях, ибо в силу замкнутого, натурального характера феодального хозяйства об экономическом единстве не может быть речи. Речь идет о проявлявшемся наиболее отчетливо в состоянии государственной территории, единстве или раздробленности государства, т.е. организации классового господства феодалов в целях получения феодальной ренты.

В историко-географическом исследовании, посвященном отдельной области, при рассмотрении данных о деятельности публичной власти более или менее широкие социально-экономические выводы могут иметь лишь предварительный или даже гипотетический характер, ибо нет достаточных оснований считать древнерусские земли-княжения полностью обособившимися, вышедшими из системы социально-экономических связей Древнерусского государства. Общие выводы о состоянии земель-княжений (как в целом на Руси, так и в отношении отдельных земель) можно будет сделать лишь на основании сопоставления, сравнительного анализа состояния приблизительно в равной степени изученных земель-княжений Древнерусского государства.

Основные выводы историко-географического исследования суммируются в исторических картах. В данной работе пути и цели исследования во многом обусловлены важной практической задачей – подготовкой карт Атласа истории СССР. Картографирование феодальной раздробленности относится к числу наиболее сложных проблем в разработке Атласа[13]. Академический характер Атласа предполагает строгий отбор, группировку и анализ исторических фактов для отображения результатов исследований на картах[14]. Карты периода феодальной раздробленности нуждаются в ряде серьезных уточнений. Это относится и к карте Черниговской земли.

Опыт показывает, что до настоящего времени на картах сохранились ошибочные локализации исторических географических названий, выполненных в прошлом ориентировочным и условно-топонимическим способами. От правильности приурочения исторической географической номенклатуры зависит не только определение направления путей, пределов территории, но и правильность выводо об этническом и социально-экономическом развитии этих территорий. На материалах истории Черни-

---

[13] *Бескровный Л. Г.* Атлас истории СССР // Материалы к семинару-совещанию по преподаванию исторической географии в высшей школе. М., 1974. С. 90.

[14] Там же. С. 99.

говской земли это хорошо видно при локализации Домагоща, позволившей надежно определить границы «Вятичей» XII в.

Вместе с тем на исторических картах Руси можно найти ошибочные, ставшие традиционными границы территорий. Это объясняется тем, что дореволюционные историки часто определяли границы восточнославянских «племен» IX–X вв. по упоминаниям их названий в летописании середины XII в. или же, наоборот, отождествляли границы «племен» с пределами княжеств XII–XIII вв. Историко-географическое изучение Черниговской земли позволяет выявить такого рода ошибки в определении территории «Вятичей» XII в., в соотношении границ «Дреговичей» XII в. и Туровского княжества.

Поскольку большинство карт по истории Древней Руси носит суммарный характер, постольку в них часто не находит отражения динамика границ периода феодальной раздробленности. Для карт Черниговской земли особенно показательно положение Курского княжества, в течение почти 100 лет переходившего от Переяславля к Чернигову и обратно, прежде чем закрепиться в Черниговской земле.

Получившие в настоящее время широкое развитие топонимические исследования позволяют уточнить локализацию, а также транскрипцию исторических географических названий. Лингвистические данные позволяют убрать с исторической карты ошибки типа «р. Ражня» (правильно: Порохный лес)[15].

Ошибочно представления такого рода были, с одной стороны, результатом некритического использования данных источника, отсутствия строгой методики историко-географических изысканий, с другой стороны – следствием недостаточного внимания к исторической географии, считавшейся лишь дисциплиной вспомогательной. Однако в самой основе историко-географических ошибок, сделанных дореволюционными исследователями, лежит неправильность методологических установок, в некоторых случаях усугубленная буржуазно-националистической концепцией. На основе современной методологии и новой историко-географической методики, на базе достижений современного источниковедения, археологической науки и данных смежных дисциплин возможны значительные коррективы исторических карт, посвященных Древней Руси.

Таким образом, предлагаемая работа является попыткой специального историко-географического исследования одной из крупнейших земель-княжений Древней Руси – Черниговского княжества и связана с разработкой карт по истории Древней Руси Атласа истории СССР. Задачи исследования:

---

[15] См.: Приложение № 68.

на основе сравнительного анализа летописных источников и привлечения археологических данных, а также ретроспективного применения материалов XIV–XVII вв. проследить на протяжении X–XIII вв. зарождение, возникновение и развитие территории Черниговского княжества как процесс, протекавший в результате борьбы господствующего феодального класса за расширение власти и доходов. Особое внимание уделяется вопросу государственного освоения территорий племенных союзов и сопоставлению «племенных» границ с государственными, а также проблеме образования в земле-княжении территориально-административных единиц – волостей, а следовательно, и образованию внутренней структуры Черниговской земли как феодальной государственной территории. С последним вопросом тесно связана сложная проблема возникновения и развития феодальной раздробленности Древней Руси. Здесь приходится ограничиться выявлением отдельных фактов, имеющих отношение к этой большой проблеме, разрешение которой возможно лишь в более широких хронологических и территориальных, общерусских рамках.

Следует отметить одну особенность Черниговской земли: ее история – достояние трех братских народов. Это единственное княжество Древней Руси, которое одновременно включало в свои пределы значительные части будущих территорий белорусского, украинского и русского народов. Так как исторические карты широко привлекаются для исследования лингвистических и этнографических проблем, то можно надеяться, что историко-географическое исследование Черниговской земли будет в некоторой мере способствовать решению этих задач[16].

[16] Ср., например, с предлагаемой здесь картой Черниговской земли лингвистические карты статьи: *Хабургаев Г. А.* Этнический состав древнерусского государства и образование трех восточнославянских народностей // СЭ. 1972. № 1. Трудно судить, не имея специальной подготовки, но совпадения лингвистических областей с уточненными границами западной и юго-западной части Черниговской земли, возможно, не случайны.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЧЕРНИГОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Начало изучения территории Черниговского княжества связано с именем В. Н. Татищева. Историческим исследованиям В. Н. Татищева присущ синкретизм, свойственный любой науке, находящейся на первых этапах своего развития. В них он выступает как историк-исследователь и политический деятель-публицист, как последний сводчик летописных текстов и источниковед, есть в его трудах элементы этнографии, лингвистики, хронологических, генеалогических исследований и др. Преувеличенное внимание к той или иной черте этого исследования, «выпячивание» ее может исказить общее представление о труде В. Н. Татищева. Учитывая это, можно говорить о значительном внимании замечательного ученого к пространственному элементу исторического исследования. «Гистория или деесказания и летописи без землеописания (географии) совершенного удовольствования к знанию нам подать не могут», – писал В. Н. Татищев в «Предложении о сочинении истории и географии российской»[1].

Важна не только постановка задачи, но и конкретные исследования и замечания В. Н. Татищева, касающиеся в первую очередь локализации летописных географических названий. Исследователь достаточно осторожен в своих выводах, во избежание ошибок он «именно двояко и трояко, яко же и границы положил»[2]. С такой осторожностью он, например, подошел к названию города Бловь или Обловь[3]. В. Н. Татищев широко привлекает исторические данные и для своего «Лексикона». Для данной работы интересны многие замечания ученого. Он сообщает, что еще в XVIII в. сохранялось старое название территории северян: «Севери, которое имя доднесь хранится», но в той же статье есть и замечание с характерным

[1] *Татищев В. Н.* Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 77.
[2] *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 1. М., 1962. С. 350.
[3] Там же. Т. 4. С. 225.

для Татищева словом «мнится», свидетельствующее о том, что некоторые его суждения покоились на весьма незначительных основаниях: «Черная Русь нигде в гисториях не упоминается, и где была, не очень известно, однакоже, мнится, от Чернигова прозвалась»[4]. Некоторые традиционные ошибочные представления о границах княжеств, сохранившиеся до наших дней, восходят к «Истории» В. Н. Татищева. Например, этот историк положил начало ошибочному мнению о том, что в Туровское княжество входили в XII в. города Случеск и Клеческ[5].

Можно считать, что приурочения летописных географических названий, предпринятые В. Н. Татищевым, легли в основу русских историко-географических исследований, они принимались или оспаривались несколькими поколениями историков, уделявших внимание древнерусской географии. Пример внимания к историко-географическим трудам В. Н. Татищева – публикация с вводной статьей и комментариями цитированной выше «Руссии», предпринятая Н. И. Надеждиным, много сделавшим для развития исторической географии[6].

Ряд полезных наблюдений историко-географического характера можно найти в книгах И. Н. Болтина. Анализируя события 1146–1147 гг. в Черниговской земле, он заметил М. М. Щербатову, что «Вятичи не город, но великая область», что летописные известия 1146–1147 гг. позволяют определить эту территорию, что нельзя принимать за достоверные сообщения Никоновской летописи о Туле, Дубке, Рязани, как это делал М. М. Щербатов. Однако, принимая некоторые предположительные суждения В. Н. Татишева за доказанные, И. Н. Болтин ошибочно предлагал, например, вместо г. Обловь читать Белев[7] (такое прочтение до сих пор встречается в краеведческой литературе). Также, правильно отметив, что Леклерк путает хазарскую Белую Вежу с Беловежей в верховьях Остра, он настаивал на неправильной локализации хазарской Белой Вежи (на месте совр. г. Берислав Херсонской обл.), в осторожной форме («мнится») предложенной В. Н. Татищевым[8]. Вскоре А. Х. Лерберг, ученый очень тщательный в своих историко-географических исследованиях, подробно разобрался в причинах ошибки В. Н. Татищева. Следует заметить, что именно А. Х. Лерберг сумел убедительно доказать существование Белавежи в верховьях Остра, не только сославшись на упоминание городища в Книге Большому Черте-

---

[4] *Татищев В. Н.* Избранные труды по географии России. С. 110–111.

[5] См. главу третью.

[6] ЖМВД. 1839. № 6. С. 331–306.

[7] *Болтин И. Н.* Критические примечания генерал-майора Болтина на первый и второй томы истории князя Щербатова. Т. 2. СПб., 1794. С. 176, 185–186.

[8] *Болтин И. Н.* Примечания на историю древния и нынешния России г. Леклерка сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным. Т. 1. СПб., 1788. С. 357–359.

жу, но и дав описание валов городища, указав на древние находки (судя по изложению – древнерусские шиферные пряслица)[9].

Известно, что и в трудах географов XVIII в. присутствует исторический элемент, частью «землеописания» были археологические наблюдения[10].

Ряд исторических заметок, посвященных территории отдельных частей Черниговского княжества, находится в топографических описаниях, сделанных по время генерального межевания, главным образом в конце XVIII в. По территории Черниговского княжества опубликованы пять топографических описаний (Калужская, Курская губернии, Тульское, Черниговское и Новгород-Северское наместничества[11]). Исторические очерки сопровождают два описания: Курской губернии и Черниговского наместничества. Составитель обширной исторической записки по Курской губернии С. Ларионов в своем очерке использовал не только опубликованные документы, но и собрание рукописей помещика И. П. Анненкова[12].

Большой интерес представляет работа А. Ф. Шафонского. Человек широко образованный, он в своем описании обращал большое внимание на сохранившиеся древности Черниговщины. Например, именно он первый точно указал местонахождение летописного Сновска: «Местечко Седнев, в древности Сновейск город называемое». Отметил существование городища и обширного курганного некрополя с указанием числа больших и малых курганов[13].

Мало исторических сведений в Описи Новгород-Северского наместничества, однако есть интересные данные, например, упоминание древнего названия г. Погар: «...сотенный город Погар, в древнем времени называющийся Радогость»[14].

Отдельные наблюдения историко-географического характера можно найти в описаниях путешествий по России XVIII – начала XIX в. Особенно

---

[9] *Лерберг А. Х.* Исследования, служащие к объяснению древней русской истории / Пер. Д. Языков. СПб., 1819. С. 383–386.

[10] *Формозов А. А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961. С. 36–37.

[11] *Рубинштейн Н. Л.* «Топографические описания наместничеств и губерний XVIII в.» – памятники географического и экономического изучения России // ВГ. Сб. 31. М., 1953. С. 39–89; *Федоренко П.* Опис Новгород-Сіверського намістництва (1779–1781). Київ, 1931. См. также: Генеральний опис Лівобережної України 1765–1769 р. / Покажчик нас. пунктів підгот.: Л. А. Попова і К. Г. Ревнівцева. Київ, 1959.

[12] *Ларионов С.* Описание Курского наместничества, из древних и новых разных о нем известий вкратце собранное Сергеем Ларионовым, того наместничества Верхней расправы прокурором. М., 1786. С. 1–33; *Рубинштейн Н. Л.* «Топографические описания наместничеств и губерний XVIII в.» С. 76.

[13] *Шафонский А. Ф.* Черниговского наместничества топографическое описание. Киев, 1851. С. 317; *Бережков М. Н.* А. Ф. Шафонский и его труд: Черниговского наместничества описание. (Заметки к истории Черниговской губернии и Малороссии). Нежин, 1910.

[14] *Федоренко П.* Опис Новгород-Сіверського намістництва. С. 108.

показательны карты, приложенные к «Путешествию» К. М. Бороздина 1811 г. Целая серия карт по истории Черниговского княжества состояла из плана древнего Чернигова («Опыт чертежа древнего Чернигова»), карты его окрестностей («Опыт древнего чертежа окружностей Чернигова»), карты Черниговского княжества («Опыт чертежа владений князей черниговских до нашествия татар»), а также плана городища Белавежи и схемы сражения под Любечем 1016 г. К сожалению, как и труд А. Ф. Шафонского, эти карты были опубликованы несколько десятилетий спустя после их создания[15]. Кроме того, что это был первый опыт исторической картографии Черниговского княжества, необходимо подчеркнуть, что карты довольно точны и представляют некоторый дополнительный материал. Например, в окрестностях Чернигова указана речка Лыбедь (лев. приток Десны), приток Боловеса – р. Ольговка. Первая интересна совпадением с названием речки в Киеве, вторая уточняет нахождение Ольгова поля. Следует также заметить, что пределы Черниговской земли, очерченные К. М. Бороздиным, на картах последующих исследователей лишь незначительно варьировались.

Историко-географические исследования в XVIII – начале XIX в. идут, с одной стороны, в русле исторических исследований и с другой – в собственно географических работах; зарождается местный, краеведческий интерес к прошлому курских, черниговских земель.

Сравнительно большое количество историко-географических наблюдений сделал в своей работе Н. М. Карамзин, и его наблюдения впоследствии были развиты Н. С. Арцыбашевым[16], причем в работе последнего историко-географические наблюдения составляют основную ценность труда.

Новый источник исторического и историко-географического изучения указал Зориан Доленга-Ходаковский (Адам Чарноцкий). Круг исторических источников Ходаковский расширил привлечением вещественных исторических источников (исследование городищ, курганов), этнографического материала, топонимики. Ходаковский в своих исследованиях использовал как источник карты Генерального межевания. И если в области славяно-русской археологии Ходаковский признан ученым, впервые рассматривавшим вещественные памятники как полноправный исторический источник и создавший «первый широкий план археологических исследований в России»[17], то оценка его значения в области исторической географии несколько занижена. В. К. Яцунский отмечал, что Ходаковский «под-

---

[15] *Погодин М. П.* Древняя русская история домонгольского ига. Т. 3. Атлас исторический, географический, археологический. М., 1871. Л. 84–87.

[16] *Арцыбашев Н. С.* Повествование о России. Т. 1. М., 1838.

[17] *Формозов А. А.* Очерки по истории русской археологии. С. 57, 66.

верг систематическому изучению направления торговых путей древней России... расширил содержание исторической географии, введя в нее элементы историко-экономического характера»[18]. Еще в 1950 г. историки полемизировали с Ходаковским о волоках из бассейна Ловати к Днепру[19]. Однако, говоря о фантастичности некоторых построений Ходаковского, плохом знании источников, неверно считать, что «труды Ходаковского оказали сравнительно небольшое влияние на развитие исторической географии России»[20].

Ходаковский не имел систематической подготовки, но и в области изучения письменных источников у него можно найти ценные суждения. По мнению М. Н. Тихомирова, Ходаковский первый правильно датировал «Список русских городов дальных и ближних»[21]. Главная ошибка Ходаковского (мнение о том, что все городища были в древности святилищами) была подвергнута критике еще его современниками, материалы же использовались довольно широко в сводных историко-географических исследованиях М. П. Погодина, Н. И. Надеждина и К. А. Неволина[22], а также и в работах Н. П. Барсова[23]; часть сведений Ходаковского использовалась и по Черниговскому княжеству. «Историческая система Ходаковского»[24] противопоставлялась в его время «Истории государства Российского», и исследователи связывали имя Ходаковского с прогрессивной декабристской критикой Карамзина[25].

Историко-географические исследования занимали большое место в трудах М. П. Погодина. Во второй части своих «Розысканий о городах и пределах древних русских княжеств», касающейся Черниговского княжества и сопровожденной комментариями и уточнениями Н. И. Надеждина и К. А. Неволина, М. П. Погодин дает (опираясь на наблюдения Н. М. Карамзина и Н. С. Арцыбашева) довольно полную сводку летописной географической номенклатуры. Это была первая систематическая работа по локализации большинства древнерусских городов. М. П. Погодин отметил

---

[18] Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М., 1955. С. 569.

[19] *Бернштейн-Коган С. В.* Путь из варяг в греки // ВГ. Сб. 20. М., 1950. С. 256–257.

[20] Очерки истории исторической науки. Т. 1. С. 569.

[21] *Тихомиров М. Н.* Список городов русских дальних и ближних // ИЗ. Т. 40. М., 1952. С. 215.

[22] *Погодин М. П.* Розыскания о городах и пределах древних русских княжеств с 1054 по 1240 г. Ч. 2. Черниговское княжество. СПб., 1848.

[23] *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.): материалы для историко-географического словаря России. Т. 1. Вильна, 1865; *Он же.* Очерки русской исторической географии: география Начальной (Несторовой) летописи. 2-е изд. Варшава, 1885.

[24] Основные труды Ходаковского собраны в кн.: *Chodakowski Z. D.* O słowiańszyźnie przed chrześcijaństwem. Warszawa, 1967.

[25] *Формозов А. А.* Очерки по истории русской археологии. С. 60.

наличие определенных территориальных волостей в XII–XIII вв., признаки устойчивости границ «земель-волостей», т.е. княжеств-государств, но он считал, что эти границы совпадали с племенными территориями и что они существовали уже с середины IX в.[26] Эта точка зрения оказала большое влияние на последующие работы, ибо книга М. П. Погодина использовалась во многих историко-географических исследованиях.

Черниговскому княжеству отведено довольно значительное место в монографии И. Д. Беляева, посвященной географическим сведениям о Руси IX–XV вв.[27] Ведущееся в хронологической последовательности сухое перечисление фактов, несмотря на ряд ошибочных чтений и трактовок источников, дает довольно ясное представление об уровне историко-географических знаний в середине XIX в. Есть несколько замечаний, сохранивших интерес до настоящего дня. И. Д. Беляев на основании наблюдений за генеалогией карачевских князей, сделал предположение о принадлежности подмосковного Звенигорода черниговским князьям[28]. Позже эта мысль была развита Р. В. Зотовым, а в наше время Б. А. Рыбаковым.

Большую исследовательскую и обобщающую работу провел в конце 60-х гг. XIX в. Н. П. Барсов. По инициативе И. И. Срезневского и по его плану он создает «Материалы для историко-географического исследования России». Он опирается на широкий круг литературы: работы Карамзина, Арцыбашева, Погодина, Надеждина, Неволина, Ходаковского, Срезневского; использует лексиконы Татищева, Щекатова, рукопись Бороздина, географический словарь Семенова. Широко применяется топонимический материал. Результатом его работы были «Очерки Русской исторической географии», получившие широкую известность[29]. Исследования Н. П. Барсова и в настоящее время довольно широко используются в археологических и исторических работах, однако некоторые наблюдения (например, определение южной границы «Вятичей» XII в.) незаслуженно выходят из поля зрения современных историков.

Если работу А. Ф. Шафонского можно считать первой работой по историческому краеведению Черниговщины, то следующие исследования связаны с именем директора черниговских училищ М. Е. Маркова. Им издана работа: «О городах и селениях в Черниговской губернии, упоминаемых

---

[26] *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции. Т. 4. М., 1850. С. 328–330; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 11.

[27] *Беляев И. Д.* О географических сведениях в древней Руси // Записки РГО. Кн. 6. СПб., 1852. С. 96–111.

[28] Там же. С. 110. Эта точка зрения была признана А. К. Зайцевым ошибочной – см.: Приложение. № 97. – *Прим. ред.*

[29] *Майков Л.* Заметки по географии Древней Руси. По поводу сочинения Н. П. Барсова // ЖМНП. 1874. Февраль.

в Несторовой летописи»[30], затем «О достопамятностях Чернигова», которая дважды переиздавалась[31] и получила разгромную критику П. В. Голубовского[32]. Однако эта работа и поныне используется в литературе, ибо в ней дано описание Чернигова до его перепланировки[33]. Кроме этих двух работ сохранились черновики его исторических занятий[34]. Нежинский профессор М. Н. Бережков, изучивший наследие М. Е. Маркова, считал, что Марков был знаком с А. Ф. Шафонским, пользовался его работой в рукописи.

Книжка М. Е. Маркова «О городах и селениях в Черниговской губернии» хотя и написана на дилетантском уровне, содержит некоторые интересные наблюдения и сведения. Вот как рассматривает черниговский краевед сложный вопрос о местонахождении летописного Сновска: «Господа Татищев и Болтин Сновейском приняли нынешний город Городню..., но Городня стоит на речках Городне, Чибриджи и Брутовке в 18 верстах от Снова, при Городне не только нет курганов, кроме малого числа, но ниже знаков какого-либо укрепления» и далее пишет, что Сновск находился на месте современного Седнева.

В середине XIX в. в Чернигове и Киеве печатаются несколько небольших работ, посвященных истории Черниговщины. Это краткие очерки В. Ф. Домбровского, С. Котлярова, Н. А. Маркевича, безымянное описание кафедральных черниговских монастырей[35], выходит вторично книга М. Е. Маркова. История Черниговского княжества в этих работах занимает незначительное место, исследователей преимущественно интересуют XVII–XVIII вв. Однако сам факт появления этих книг свидетельствует о росте исторического краеведения.

Несомненно, наиболее крупной работой черниговского исторического краеведения является «Историко-статистическое описание Черниговской епархии»[36] архиепископа Филарета (в миру Д. Г. Гумилевский). Выходец

---

[30] *Марков М. Е.* О городах и селениях в Черниговской губернии, упоминаемых в Несторовой летописи. Чернигов, 1814; *Он же.* О городах и селениях в Черниговской губернии, упоминаемых в Несторовой летописи // Периодические сочинения Министерства народного просвещения за 1815 г. № 40.

[31] *Марков М. Е.* О достопамятностях Чернигова // Периодические сочинения Министерства народного просвещения за 1815 г. № 41; *Он же.* О достопамятностях Чернигова // ЧОИДР. 1848. Т. 1; *Он же.* О достопамятностях Чернигова. Чернигов, 1882.

[32] Киевская старина, 1883. Т. VI. С. 742–744.

[33] *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова // МИА. № 11. М.; Л., 1949. С. 8.

[34] Бережков *М. Н.* М. Е. Марков и его рукописный сборник о черниговской старине. Нежин, 1902.

[35] *Домбровский В. Ф.* Очерк города Чернигова и его области в древние и новейшие времена. Киев, 1846; *Котляров С.* Описание города Чернигова. Чернигов, 1851; *Маркевич Н. А.* Чернигов. История и статистическое описание. Кафедральные черниговские монастыри Ильинский, Елецкий и Борисоглебский. Киев, 1860.

[36] *Филарет (Гумилевский).* Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 1–7. Чернигов, 1873–1874.

из семьи бедного тамбовского священника, он был известным в то время историком церкви. В Чернигове он прожил с 1859 по 1866 г. До работы над описанием Черниговской епархии им было в Харькове составлено «Историко-статистическое описание Харьковской епархии».

Из семи томов рассматриваемого труда – три (5, 6, 7) носят в основном исторический характер. Описание каждого селения Гумилевский начинает с исторической справки. Им используются: летописные данные, актовый материал (изданный или имеющийся в подлинниках), местные предания, археологические наблюдения (если известно о существовании городища, курганов, какой-либо находки, он их указывает со ссылкой на источник); приводит собственные лингвистические соображения. Ему известны основные работы того времени, он использует книгу А. Ф. Шафонского. Критикует М. П. Погодина. Гумилевский первый использовал и до сих пор недостаточно изученный ценный для генеалогии черниговских князей источник – Любецкой синодик и другие синодики черниговских князей, бывшие в его распоряжении. (Любецкой синодик затем исследовался Р. В. Зотовым[37], который внес некоторые существенные поправки в генеалогию черниговских князей.) В качестве примера можно привести сведения Гумилевского о Седневе-Сновске. Отвергая указания Ходаковского на городище при впадении Снова в Десну он пишет: «Брусиловский городок сам по себе, а Сновск сам по себе. Седнев даже в дипломатической переписке Литвы с Москвою 1494–1618 г. не иначе назывался как Сновском»[38]. Кроме описания седневского городища и «замка» Гумилевский упомянул вслед за Шафонским курганы[39]. Он отметил, что Святослав Ольгович в 1149 г. «называет Сновскую тысячу (верховье Снова) своею вотчиною»[40], заметив впервые, что в данном случае речь шла об определенной территории. Некоторые выводы Гумилевского недостаточно обоснованы, например, он считает, что Новгород-Северский был основан Ярославом только на том основании, что в городе есть «Ярославова криница»[41]. В целом работа Гумилевского и по сей день наряду с книгой А. Ф. Шафонского представляет большой интерес для историко-географического исследования. Она как бы подводит итог дореформенного изучения Черниговской территории, многие

---

[37] *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892; То же в: ЛЗАК за 1882–1884 гг. Спб., 1893.

[38] Сб. РИО. Т. 35. СПб., 1882. С. 399, 638, 708, 744; Т. 59. СПб., 1887. С. 126, 180, 303, 325, 408, 412, 511; Т. 71. СПб., 1892. С. 478, 490, 726, 730. Договор 1503 г. за Москвой оставляет в числе прочих волости Сновеск, Хоробрь: АЗР. Т. 1. № 192. С. 288; Сб. РИО. Т. 35. № 75. С. 399

[39] *Филарет (Гумилевский).* Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. С. 110–111.

[40] Там же. Кн. 6. С. 3.

[41] Там же. С. 19.

наблюдения Гумилевского послужили отправным пунктом в исследованиях историков, уделявших значительное внимание Черниговской земле: Д. Я. Самоквасова, Д. И. Багалея, П. В. Голубовского, М. С. Грушевского, А. М. Андрияшева.

В изучении истории Черниговского княжества две линии – общеисторическая и краеведческая – соединяются в исследованиях Д. Я. Самоквасова, Д. И. Багалея и П. В. Голубовского.

Д. Я. Самоквасов начал свои исследования Черниговщины в 70-х гг. XIX в., обратив свое внимание на городища и связанные с ними работы Ходаковского. Опираясь на предшествующую критику теории Ходаковского о происхождении городищ (Уваровым, Грабовским, Даниловичем, Срезневским, Котляревским, Корсаковым) Д. Я. Самоквасов по собственным наблюдениям, по описаниям Гумилевского и другим данным составил список городищ, которые все, по его мнению, были либо доревнерусскими домонгольскими, либо послемонгольскими городами. Он исследует замечательные Черниговские курганы: Черную Могилу, Гульбище и др.[42] Интересна попытка Д. Я. Самоквасова определить территорию волостей (их появление он датировал IX–X вв.) Северской земли по группировкам городищ, однако эти 10 волостей выделены очень искусственно, не подтверждены анализом летописных данных[43].

Исследования Д. Я. Самоквасова оказали влияние не только на археологическую науку, но и на историко-географические исследования. После его работ при локализации черниговских городов усилилось внимание к городищам, существовавшим в районе предполагаемого нахождения города. Наблюдения Д. Я. Самоквасова использовались в исследованиях М. С. Грушевского[44], Д. И. Багалея и П. В. Голубовского.

В 1881 и 1882 гг. вышли в свет две одноименные работы «История Северской земли до половины XIV столетия» П. В. Голубовского и Д. И. Багалея[45]. Обе работы писались студентами киевского университета, и оба автора удостоились золотой медали. Д. И. Багалей вскоре получил по этой работе еще и магистерскую степень.

Исследование П. В. Голубовского более самостоятельно, чем работа Д. И. Багалея, но последний более обстоятельно рассматривает фактический материал, привлекает более широкий круг исторических исследований. Анализ исследования затруднен курьезным случаем: Д. И. Багалей

---

[42] *Самоквасов Д. Я.* Северская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908.

[43] Там же. С. 28–32.

[44] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. Львів, 1905. С. 603–605.

[45] *Голубовский П. В.* История Северской земли до половины XIV ст. Киев, 1881. *Багалей Д. И.* История Северской земли до половины XIV ст. Киев, 1882.

в процессе работы смешал свои записки с выписками из книг Н. П. Барсова, Гумилевского и других. Поэтому ссылки на труд Д. И. Багалея нельзя давать без учета рецензии И. Линниченко, где можно найти обширный текстологический анализ диссертации[46].

Исследования П. В. Голубовского и Д. И. Багалея несамостоятельны в историко-географическом отношении. И тот и другой под Северской землей понимают Черниговскую землю за исключением северных ее окраин. В концепции образования Черниговского княжества они исходят из понятия «колонизации». Эта теория, по мнению А. Н. Насонова, восходит к С. М. Соловьеву, который видел в колонизации «особенную форму распространения русской государственной области... которую мы замечаем с самого начала», «мысль эта поработила не одно поколение историков», – писал А. Н. Насонов[47]. В труды Д. И. Багалея и П. В. Голубовского эта концепция проникла через работы Н. П. Барсова. В изложении политических событий в Черниговском княжестве преобладает описательный элемент, особенно у Д. И. Багалея. Отсутствует сравнительный анализ летописных текстов.

Спустя несколько лет П. В. Голубовский написал ряд исследований, связанных с историей Черниговского княжества и его степных окраин[48]. Особо интересна его «Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г.»[49]. Эта работа была предпринята П. В. Голубовским по инициативе известного украинского ученого Л. М. Лазаревского, который на XII Археологическом съезде говорил о необходимости создания исторических карт Украины, и, в частности, Черниговщины. П. В. Голубовский провел глубокое исследование по локализации городов Черниговского княжества, учитывая археологические наблюдения Д. Я. Самоквасова, тщательно анализируя политические события по летописным данным, привлекая актовые материалы XVI–XVII вв. Недостатком этой работы, так же как и трудов Д. Я. Самоквасова, было ограничение пределами Черниговской губернии. Число ошибок и неточностей незначительно, часть их устранена А. Н. Насоновым.

Для состояния русской исторической географии конца XIX в. очень показательно прямо связанное с темой данной работы следующее суждение П. Н. Милюкова. Констатируя, что со времени М. П. Погодина вопрос

---

[46] *Линниченко И. А.* Рецензия на книги Д. Багалея и П. Голубовского // ЖМНП. 1883. № 5. С. 163–203; *Багалей Д. И.* Ответ И. А. Линниченко на критическую оценку книги «История Северской земли до половины XIV ст.». Харьков, 1884. // Отд. оттиск из Записок Харьковского университета.

[47] *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 11.

[48] *Голубовский П. В.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX–XIII в. Киев, 1884; *Он же.* Где находились существовавшие в домонгольский период города: Воргол, Глебль, Зартый, Оргощь, Сновск, Уненеж, Хоробрь? // ЖМНП. 1903. № 5. С. 111–135.

[49] Труды XIII археологического съезда. Т. 2. М., 1908. С. 1–50.

«под каким влиянием сложились земли и княжества» остается нерешенным, он указал три возможных элемента влияния: расселение этнографических групп, влияние географических условий, завоевания городов. «Для уяснения роли этих элементов в образовании княжеств, весьма важно то обстоятельство, что, как оказывается, дреговичи (и радимичи) не дробились между соседними волостями, а целиком примыкали к одной из них (дреговичи к Киевской, радимичи к Черниговской), и что это сохранение этнографической целости племен стоит в связи с географическим расселением их в полости одного водного бассейна»[50]. Действительно летописные сведения о дреговичах, радимичах и, можно добавить, вятичах дают ценнейший материал для изучения территориальной истории земель-княжеств. Изучение же этих свидетельств и сопоставление их с археологическими наблюдениями показывает ошибочность установления сообщаемых П. Н. Милюковым «фактов» и соответственно его выводов.

Своеобразный итог изучения Черниговской земли буржуазной наукой был подведен в работах крупного украинского буржуазного историка и видного лидера украинского буржуазно-националистического движения – М. С. Грушевского. В своей основной работе «Истории Украины-Руси» этот исследователь уделял большое внимание истории Черниговского княжества и его географии. Однако наиболее четко он сформулировал свои взгляды в статье «Чернигов и Северщина в украинской истории». М. С. Грушевский называл Чернигов «Украинской Равенной» и «Северщину» рассматривал как «великий культурный резервуар украинской жизни на протяжении целого тысячелетия, источник украинской культуры»[51]. Предполагая без достаточных оснований присутствие в Чернигове X в. «украинско-варяжской дружины», он считал этот город одним из важнейших политических центров «украинского расселения». М. С. Грушевский ставил вопрос: «В чем лежал секрет силы главных центров и их влияния на периферию, особенно северную..., как далеко заходило украинское расселение на север?»[52] (речь идет о древнерусском периоде в истории Черниговского княжества. – *А. З.*), но видел раскрытие этого «секрета» не в развитии социально-экономических отношений, не в классовом по своей сущности процессе государственного основания территории, а в расплывчато понимаемой «колонизации» или в декларируемой «широкой экспансии черниговского империализма»[53].

---

[50] *Милюков П. Н.* Русская историческая география и атлас проф. Замысловского // Русская мысль. 1888. № 8. С. 133.

[51] Чернігів і Північне Лівобережжя // Записки історичної секції ВУАН. Т. XXIII. Київ, 1928. С. 101, 116.

[52] Там же. С. 103–105, 110.

[53] Эта экспансия по М. С. Грушевскому имела два периода: 1024–1073 гг. и около 1127 – сер. XIII в.: Там же. С. 106–107.

Проследить на фактических данных «колонизацию» М. С. Грушевский не мог, его географические наблюдения были статичны и, как следствие этого, – в ряде случаев ошибочны. Колонизационная теория образования государственной территории у М. С. Грушевского, как и у многих других буржуазных исследователей, была лишь иллюстрирована неоднородными примерами. Фактическую основу этой теории в приложении к Черниговской земле ему выявить не удалось.

Недостатки, присущие буржуазному исследованию, усугублялись в трудах М. С. Грушевского известной националистической концепцией. Очень внимательный к фактической стороне исследования, историк вынужден был обходить факты, не укладывающиеся в рамки его представлений, механически изолировать друг от друга взаимосвязанные проблемы[54]. Иногда высказывались необоснованные суждения: в Черниговском княжестве слабо проявляются по летописным сведениям выступления городского веча против князя, и на этом основании М. С. Грушевский сделал странный вывод – вече было сильно и могло руководить любым князем[55].

Следует, однако, заметить, что исследование М. С. Грушевского до сих пор интересно обилием зорко замеченных фактов, которые историк не мог научно реализовать, увидеть их закономерную связь в силу ошибочности предвзятой концепции и буржуазной методологии.

К трудам М. С. Грушевского близко по концепции стоит работа А. М. Андрияшева. Автор, акцентируя внимание на «слабости и некультурности» вятичей и радимичей, проводил идею колонизации их территорий северянами[56]. В разделе, посвященном древнерусскому периоду, А. М. Андрияшев в локализациях следовал за П. В. Голубовским, но есть некоторые неточности. Ценнее вторая часть исследования, где он, продолжая работы Филарета и П. В. Голубовского, дал список населенных мест Черниговщины XV–XVI вв. В целом работа А. М. Андрияшева интересна как опыт исследования Северской земли на большом отрезке времени, но следует оговорить то, что размеры «Северщины» заметно преувеличены.

Нет необходимости останавливаться на месте «теории колонизации» в исторических исследованиях и в общих историко-географических курсах[57] – это сделано достаточно обстоятельно А. Н. Насоновым. Исследователь обоснованно считал, что, зная воззрения буржуазных историков

---

[54] См.: главу третью

[55] Там же. С. 110.

[56] *Андрияшев А. М.* Нарис історії колонізації Сіверськоі землі до початку XVI віку // Записки історично-філологічного відділу ВУАН. Т. XX. Київ, 1928. С. 96, 108.

[57] *Любавский М. К.* Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909; *Кузнецов С. К.* Русская историческая география. М., 1910; *Середонин С. М.* Историческая география. Пг., 1916; *Спицын А. А.* Русская историческая география. Пг., 1917.

на образование древнерусского государства, «мы не вправе ожидать, чтобы проблема образования государственной территории во всей ее сложности была поднята в общих трудах по исторической географии, а равно и в трудах по истории отдельных древнерусских «областей»[58].

Вместе с тем следует отметить, что при изучении исторической географии Черниговского княжества дореволюционные исследователи уже во второй половине XIX в. – начале XX в. пользовались всеми основными категориями письменных источников (Филарет Гумилевский, П. В. Голубовский), хотя не всегда был строго критическим подход к их анализу. В это же время делаются попытки широкого привлечения топонимических данных (Н. П. Барсов). Четко было сформулировано признание археологических источников исторической географии как материала «реального и точного, а иногда единственного»[59], имеющего огромное значение (А. А. Спицын), но древнерусские городища почти не раскапывались. Обширный историко-географический материал рассматривался «преимущественно в статическом плане»[60], отмечалась эскизность, незаконченность историко-географических исследований, их подсобный, часто справочный характер.

Советские историки некоторое время не уделяли внимания историко-географическому изучению Древней Руси, не появлялись и монографические исследования по истории отдельных областей. Этому были свои причины, и в первую очередь – необходимость разработки коренных методологических проблем истории Руси.

Как первое советское монографическое исследование отдельной области можно рассматривать работу В. В. Мавродина «Очерки истории Левобережной Украины»[61], поскольку в ней основное внимание уделено Черниговскому княжеству. Автор описывает историю Левобережья, начиная с палеолита, рассматривает этногенез славян, разложение первобытно-общинного строя и возникновение феодализма и т.д. до монгольского владычества включительно. Исследование интересно обилием использованного в работе фактического материала, изучена обширная литература по истории данной территории.

С историко-географической точки зрения работа В. В. Мавродина несамостоятельна. В представлении автора все Левобережье – Северская земля: «Северская земля... охватывала почти всю бывшую Черниговскую

---

[58] *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 11–17.

[59] *Спицын А. А.* Русская историческая география. С. 2.

[60] *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 15.

[61] *Мавродин В. В.* Очерки истории Левобережной Украины: (с древнейших времен до второй половины XIV века). Л., 1940.

губернию, часть Минской, Могилевской, Смоленской, Орловской, Курской, Харьковской, Полтавской губерний»[62]. Таким образом, автор следует за А. М. Андрияшевым и его предшественниками. Однако в работе есть ряд существенных наблюдений над экономическим развитием Черниговской земли. В. В. Мавродин справедливо считает, что «покорение северян, радимичей и вятичей Олегом и Святославом... следует рассматривать не как одноактный факт включения этих племен в стройную единую государственную систему Киева, а как включение их в орбиту влияния Киева, которое прежде всего выражалось в даннических отношениях примитивного подданства, буквально означавших «быть под данью»[63] и далее, исследователь видит сложный процесс распространения государственной власти.

Достоинство рассматриваемой работы снижается отсутствием сравнительного критического анализа летописных текстов. Несмотря на отмеченные недостатки, работа сохраняет свою ценность как практически единственное советское исследование, рассматривающее историю Черниговского княжества на всем протяжении его существования.

В статьях В. А. Пархоменко, затрагивающих раннюю историю Черниговщины, не содержится достаточно обоснованных новых суждений по нашей теме. В наблюдениях этого ученого есть методическое противоречие. С одной стороны, при аргументации обособленного от Киева положения Чернигова X в. В. А. Пархоменко привлекает легенды XIX в., с другой – в статье, опубликованной в 1941 г., проявляет чрезмерный критицизм к летописным «преданиям и сказаниям» о событиях конца IX – начала XI в. и ограничивает размеры «Владимировой державы» лишь ближайшей к Киеву территорией, исключая Чернигов[64]. М. Д. Присёлков, наоборот, слишком широко определял «основное ядро... называвшееся Русью, Русской землею», считая, что оно в середине X в. состояло «из трех княжеств – Киевского, Черниговского и Переяславского», причем существование двух последних в середине X в. этот исследователь не мог обосновать, ибо для такого суждения нет достаточных данных[65].

---

[62] Там же. С. 10; *Андрияшев А.* Нарис історії колонізації Сіверської землі до початку XVI віку. С. 109.

[63] *Мавродин В. В.* Очерки истории Левобережной Украины. С. 117.

[64] *Пархоменко В. О.* Питання про слов'янську колонізацію Лівобережжя в домонгольску добу // Записки Дніпропетровського Інституту народної освіти. Т. 1. 1927. С. 369–372; *Он же.* Князь Чорний: (до питання про добу сіверянської колонізації Подесення) // Юбілейний збірник на пошану акад. Д. Багалія. Т. 1. Київ, 1927. С. 379–382; *Он же.* Характер и значение эпохи Владимира принявшего христианство // Ученые записки Лен-го гос. университета. № 73. Вып. 8. Л., 1941. С. 208–209.

[65] *Присёлков М. Д.* Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // УЗ ЛГУ. № 73. Вып. 8. Л., 1941. С. 235–236. Характеристику взглядов В. А. Пархоменко

Нет сомнения в том, что раздел книги А. Н. Насонова «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства», посвященный Черниговской земле, является этапным в ее историко-географическом изучении. С одной стороны, в приложении «Поселения, урочища и реки Черниговской земли» А. Н. Насонов фактически подвел итог предшествующему историко-географическому изучению Черниговского княжества, критически проанализировав и уточнив местонахождения черниговских летописных географических названий, результатом чего была карта Черниговской земли до середины X в. (карта и «Приложение» А. Н. Насонова нуждаются в отдельных коррективах и дополнениях)[66]. С другой стороны, в разделе, посвященном Черниговской земле, А. Н. Насонов поставил и, в основном, разрешил, новые задачи: выявление политического и территориального ядра, первоначальной основы Черниговского княжества, направлений процесса сложения территории этого княжества, определения его основных границ. Однако А. Н. Насонов не преследовал задачи выявления черт внутреннего деления территорий этого государственного образования, дробления его целостности. Работа А. Н. Насонова является и в настоящее время основополагающим, наиболее полным историко-географическим исследованием Черниговской земли.

Территориальное ядро Черниговского княжества первоначально было частью «Русской земли», активно взаимодействовавшей в IX–X вв. с другими территориями восточных славян. Поэтому необходимо коротко остановиться на оценке значения «Русской земли»[67] в становлении Древнерусского государства и характеристике ее связей с территориями восточнославянских объединений, которые даются современными исследователями.

Советские историки рассматривают формирование Древнерусского государства как результат длительного процесса социально-экономического развития восточных славян. Возникновение его трактуется как большой качественный сдвиг, переход от первобытно-общинного строя к новой, более

и М. Д. Присёлкова на формирование территории Древнерусского государства см.: *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 14, 20–21.

[66] Там же. С. 57, 64, 221–233. На карте, вероятно по ошибке картографа, поменялись местами Синин мост и Радощ, неверно указан Гуричев (в тексте они определены правильно). В списке пропущены: Болдыж лес, Брын, Вятичи, Задесенье, Лесная земля, р. Ока, р. Осётр, Подесенье, р. Псел, Радимичи, Рыльск, Серенск, р. Сновь, р. Угра. Необходимо в этот список включить Муром и Рязань, принадлежавшие до 1127 г. Черниговскому княжеству. Уточненные локализации исторических географических названий Черниговской земли см. в «Приложении» к данной работе. О необходимости включения в этот список Дреговичей, Рогачева, Случеска и Клеческа см. главу третью.

[67] Кроме исследования А. Н. Насонова, к числу наиболее значительных работ, посвященных «Русский земле», следует отнести статьи М. Н. Тихомирова и Б. А. Рыбакова: *Тихомиров М. Н.* Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // СЭ. 1947. № 6–7; *Рыбаков Б. А.* Древние русы // СА. Вып. 17. 1953.

прогрессивной формации – к феодализму. Установление основных черт формирования «Русской земли» справедливо рассматривается как «выдающееся открытие советских ученых 1950-х годов»[68]. Было выявлено, что до возникновения единого Древнерусского государства у восточных славян в IX в. существовали отдельные ранние государственные образования – южное с центром в Киеве, а также северное, возглавляемое ильменскими словянами[69].

Другим важным для данной работы является замечание о характере положения в Древнерусском государстве вошедших в его состав территорий восточнославянских племенных союзов, бывших «в свое время высшим пределом организационной структуры родо-племенного строя»[70]. Б. А. Рыбаков справедливо рассматривает их как своего рода «форму административного деления Киевской Руси», не исчезнувшую «при появлении феодальной формации»[71]. Ряд исследователей, в том числе и А. Н. Насонов, считают, что государство первоначально поддерживало выработанные жизнью нормы»[72]. Однако вопрос о соотношении «племенных» территорий с образовавшимися в конце XI – начале XII в. землями-княжениями относится к числу спорных[73].

В последние десятилетия ведущая роль в изучении истории Черниговского княжества и его географии принадлежит археологии. Эта наука по специфике своего предмета исследования неизбежно рассматривает исторические явления в пространственном отношении, и практически любая археологическая работа по изучаемому периоду содержит элементы историко-географических наблюдений и выводов или предоставляет важный материал для исторической географии.

Количество археологических работ, посвященных изучаемой территории (преимущественно ее отдельным памятникам), очень обширно. Достаточно сказать, что библиография археологического изучения междуречья Десны и Днепра насчитывает свыше двухсот наименований[74]. Поэтому необходимо указать лишь основные направления археологических исследо-

---

[68] *Шаскольский И. П.* О начальных этапах формирования Древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 55, 58.

[69] Там же. С. 59–61, 62–66.

[70] *Рыбаков Б. А.* Спорные вопросы образования Киевской Руси // ВИ. № 9. 1960. С. 25.

[71] *Там же.*

[72] *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII в.: очерки и исследования. М., 1969. С. 78.

[73] *Рыбаков Б. А.* Спорные вопросы образования Киевской Руси. С. 23–26. См. также: *Ловмяньский Г.* Основные черты позднеплеменного и раннегосударственного строя славян // Становление раннефеодальных славянских государств. С. 13–14; *Королюк В. Д.* Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народностей славян Восточной и Центральной Европы // Там же. С. 222–223.

[74] Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. I. Археологическая карта. II. Погребальные обряды // Археология СССР. САИ. Д1–12. М., 1962. С. 42–47.

ваний, их наиболее важные результаты, а также охарактеризовать степень археологической изученности Черниговской земли в целом и отдельных ее территорий в частности.

Важнейшим направлением, и здесь сделаны наиболее существенные достижения, является изучение расселения восточнославянских племен и определение границ племенных союзов. Начало такому изучению было положено еще трудами А. А. Спицына[75], классическими, основанными на марксистской методологии, стали работы А. В. Арциховского «Курганы вятичей» и Б. А. Рыбакова «Радимичи»[76]. Особо существенной для изучения проблемы формирования территориального ядра Черниговской земли является статья Б. А. Рыбакова «Поляне и северяне»[77], в которой впервые был поставлен вопрос о наличии полян на левом берегу Днепра и приведена аргументация в пользу главного тезиса. Эта статья легла в основу тщательного исследования И. П. Русановой[78], подтвердившего основные положения Б. А. Рыбакова о пределах и соотношении ее с северянской территорией. Важной является попытка определить границы племен, составляющих вятический и радимический союзы, предпринятая Г. Ф. Соловьевой[79]. Интересна она и с той точки зрения, что если нет оснований считать, что границы племенных союзов сохранились в период феодального Древнерусского государства в качестве границ княжеств, то этого нельзя сказать решительно в отношении несомненно более компактных и имеющих, вероятно, более прочные внутренние экономические связи территорий «малых» племен, их границы могли сохраняться уже в новом качестве более длительное время.

В изучении расселения восточнославянских племен на Левобережье большое значение имеют исследования памятников роменско-боршевской культуры VIII–X вв., причем особенно важны исследования и обобщающие работы И. И. Ляпушкина[80], бывшего крупнейшим специалистом в этой

---

[75] *Спицын А. А.* Расселения древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. 1899. № 8. Отд. 2. С. 301–340.

[76] *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930; *Рыбакоў Б. А.* Радзімічы // Працы сэкцыі археолоёгіі. Т. 3. Менск, 1932.

[77] *Рыбаков Б. А.* Поляне и северяне: (к вопросу о размещении летописных племен на Среднем Днепре) // СЭ. 1947. № 6–7. С. 81–106.

[78] *Русанова И. П.* Курганы полян X–XII вв. // Археология СССР. САИ. Вып. Е1–24. М., 1966.

[79] *Соловьева Г. Ф.* Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII–XIV вв. н.э.: (вятичи, радимичи, северяне) // СА. Вып. 25. 1956. С. 137–170.

[80] *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства // МИА. № 74. М.; Л., 1958; *Он же.* Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа // МИА. № 104. М.; Л., 1961; *Он же.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.). Историко-археологические очерки // МИА. № 152. Л., 1968.

области. Трудам этого замечательного исследователя присущи строгая методика исследований, почти предельный критицизм и осторожность в выводах.

Большую важность имеют для историко-географических исследований результаты археологического изучения городов Черниговской земли. Первостепенное значение здесь имеют труды Б. А. Рыбакова и в разработке полевой методики и в принципе исследования. Им были изучены Чернигов, Любеч, Вщиж, Путивль и другие города. В большой монографической статье «Древности Чернигова» автор ставит важную задачу «собрать и исторически обобщить весь обильный и разнородный материал по истории Чернигова с древнейших времен до XIII в.»[81], однако не только разрешает ее, но и пополняет этот материал данными новых раскопок (1946–1947 гг.) и широкого историко-топографического исследования города и его окрестностей. Такой подход позволяет исследователю сделать важные выводы о сравнительно высоком уровне развития феодальных отношений в Чернигове X – начала XI в. Строгая методика раскопок позволила точно датировать три основных слоя г. Вщижа, отметить его существенную перестройку в середине XII в., во время правления в нем Святослава Владимировича, и дальнейший, вплоть до монгольского вторжения, расцвет города[82]. Исследованиям в Черниговской земле посвящено большое количество статей Б. А. Рыбакова[83].

В исследованиях Б. А. Рыбакова археологический материал рассматривается в тесной связи с данными этнографии, письменных источников (летописных, византийских, арабских и др.), данных русской и западноевропейской картографии XVI–XVIII вв. Большое внимание историк уделяет собственно историко-географической работе и созданию большого ряда карт по русской истории.

Не со всеми выводами Б. А. Рыбакова можно согласиться, ряд положений выдвинут им в заостренно дискуссионной форме, но такой подход

---

[81] *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. МИА. № 11. М.; Л., 1949. С. 7–93.

[82] *Рыбаков Б. А.* Вщиж – удельный город XII в. // КСИИМК. Вып. 41. М., 1951. С. 57–58.

[83] *Рыбаков Б. А.* Раскопки в Чернигове // КСИИМК. М., 1947. Вып. 21. С. 40–42; *Он же.* Розкопки в Чернігівському дитинці в 1946 р. // АП УРСР. Т. 1. Київ, 1949. С. 26–29; *Он же.* Древнерусский город по археологическим данным // Изв. АН СССР. Серия ист. и филос. 1950. Т. 7. № 3. С. 239–249; *Он же.* Раскопки во Вщиже в 1948–1949 гг. // КСИИМК. М., 1951. Вып. 38. С. 34–41; *Он же.* Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж // По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953. С. 75–120; *Он же.* Раскопки в Любече в 1957 г. // КСИИМК. М., 1960. Вып. 79. С. 27–34; *Он же.* Любеч – феодальный двор Мономаха и Ольговичей. КСИА. 1964. Вып. 99. С. 21–23; *Он же.* Тезисы докладов советской делегации на международном конгрессе славянской археологии (сентябрь 1965 г.). М., 1965. С. 33–38; *Он же.* Раскопки в Путивле // АО 1965 г. М., 1966. С. 154–156.

несомненно способствует изучению важных проблем. Пример тому – постановка вопроса о левобережной территории полян, не нашедшая поддержки, например, у А. Н. Насонова. Однако последующие исследования подтвердили основные тезисы Б. А. Рыбакова, и теперь факт существования полянской левобережной территории является уже ключом к рассмотрению процесса формирования политического и территориального ядра Черниговской земли.

Возвращаясь к вопросу изучения городов Черниговского княжества, следует остановиться на планомерном археологическом исследовании северо-восточных городов Черниговской земли Верхнеокской экспедицией ИА АН СССР, нашедшем отражение в ряде статей руководителя экспедиции Т. Н. Никольской[84]. Очень интересны для социально-экономического изучения малых городов результаты раскопок Серенска, Корачева, городища Слободка и других городищ. Исследовательница уточняет локализации летописных городов, с которыми можно согласиться (Спаш) или спорить (Девягореск, Домагощ)[85].

В дореволюционной археологии совершенно не уделялось внимание изучению древнерусских селищ и их географии. Советскими археологами в этом направлении проделана уже значительная работа, наиболее полным является исследование сельских поселений центральной части Смоленской земли, их география и классификация В. В. Седова[86]. Такого рода работ по территории Черниговского княжества, к сожалению, нет. Северо-восточная часть ее охвачена довольно обстоятельной сводкой «Очерков по истории русской деревни»[87], фундаментального исследования, которое ведется с 1951 г. коллективом сотрудников Государственного исторического музея. Для южных районов Черниговской земли особенно интересны разведки и раскопки Д. И. Блифельда по р. Белоус (летописный Боловос)[88],

---

[84] *Никольская Т. Н.* Древнерусские городища на территории Вятичей // АО 1965 г. М., 1966. С. 171–173; *Она же.* К вопросу о феодальных «замках» в земле вятичей // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 118; *Она же.* К истории древнерусского городка Серенска // КСИА. Вып. 113. М., 1968. С. 108–118; *Она же.* Древнерусский Серенск – город вятических ремесленников // КСИА. Вып. 125. М., 1971. С. 73–81; *Она же.* О летописных городах в земле вятичей // КСИА. Вып. 129. М., 1972. С. 3–13; *Она же.* К исторической географии земли вятичей // СА. № 4. 1972. С. 158–170.

[85] См.: главу третью.

[86] *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли // МИА. № 92. М., 1960.

[87] *Успенская А. В., Фехнер М. В.* Поселения Древней Руси; Указатель к карте «Поселения и курганные могильники Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X–XIII вв. // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. // Труды ГИМ. Вып. 32. М., 1956.

[88] *Блифельд Д. И.* Славянские памятники Черниговщины по исследованиям последних лет // КСИА АН УССР. Вып. 2. Киев, 1953; *Он же.* Деснянська археологічна експедиція 1949 р. // АП УРСР. Т. 5. Київ, 1955.

выявляющие ряд древнерусских селищ как раз там, где летопись указывает княжеские села, «всю жизнь» черниговских князей.

Территория Черниговского княжества неравномерно обследована археологами[89]. Есть районы, являющиеся своего рода белыми пятнами, – не изучена территория черниговского Задесенья (междуречье Остра и Десны), недостаточно изучена территория между Сеймом и верховьями Сулы (летописные города Вырь, Вьяхань, Попаш). Не исследованы многие города, например Стародуб, Новгород-Северский, Седнев-Сновск, Козельск, Чечерск и др. Основательной причиной в ряде случаев являются значительные повреждения культурного слоя.

Несомненно, однако, что при всей неравномерности археологической изученности Черниговской земли данные этой науки являются для историко-географического изучения весьма существенными наравне с материалами письменных источников.

Изучение русского летописания дореволюционными исследователями нашло свое высшее выражение в системе, разработанной А. А. Шахматовым. На новой методологической основе оно сделало существенный шаг вперед в трудах советских ученых, и здесь достаточно назвать имена авторов больших систематических исследований, посвященных русскому летописанию, М. Д. Присёлкова, Д. С. Лихачева, А. Н. Насонова[90].

Советские исследователи изучают внутреннее движение русского летописания в тесной его зависимости от общих исторических условий социально-экономического развития Руси как источник, отражающий преимущественно интересы господствующего феодального класса в целом и его отдельных группировок в отдельности.

Устные и письменные изображения исторической действительности, предшествовавшие и затем и сопутствовавшие летописанию, воспроизводили не историю народа или государства, а деятельность героев или же – отдельные события. «Появление летописных сводов означало появление таких письменных исторических произведений, которые содержали опыт средневекового построения истории государства, народа или народов, опыт построения исторического процесса, как его понимали современники...

---

[89] Наиболее полным и систематичным является свод «Древности железного века в междуречье Десны и Днепра». По этому своду можно судить наглядно о степени изученности этой территории. Ср. табл. 1. «Маршруты археологических разведок, проведенных исследователями»; Табл. 2. «Схема расположения исследованных и датированных селищ и городищ...». См. также: *Штыхов Г. В.* Археологическая карта Белоруссии. Памятники железного века эпохи феодализма. Вып. 2. Минск, 1971.

[90] *Присёлков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940; *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947; *Насонов А. Н.* История русского летописания.

Реальный ход развития Древнерусского государства не мог не отразиться на русском летописании»[91].

Еще в работе «Русская земля» А. Н. Насонов заметил совпадение главных этапов древнерусского летописания с этапами процесса сложения Древнерусского государства, что было затем развито и убедительно доказано на примере Древнейшего свода времени Ярослава Мудрого и Повести временных лет. Составление первого было обусловлено «потребностью осмыслить образование и историю *«Русской земли»* в период нараставших противоречий в развитии Древнерусского государства». Повесть временных лет, в свою очередь, явилась первым летописным памятником, «в котором с полной ясностью утверждалось и осмысливалось понятие *Руси в широком значении* как совокупности разных (не только южнорусских) восточнославянских этнических групп, или «племен» (выделено. – *А. З.*)[92]. Следующий этап развития Древнерусского государства нашел свое отражение в «областном» летописании. Это летописание представлено в основных источниках данной работы – Ипатьевском (южнорусском) и Лаврентьевском (северо-восточном) сводах.

Главным источником историко-географических сведений о Черниговской земле является так называемый Киевский свод 1198 г. в составе Ипатьевской летописи. И Повесть временных лет и Галицко-Волынский свод конца XIII в. в составе этой летописи приводят преимущественно отрывочные сообщения, касающиеся истории Черниговской земли, и еще более случайны там географические данные о ней. Материалы Киевского свода 1198 г. зачастую служат отправным пунктом для нисхождения к данным XI в. при ретроспективных построениях или для восхождения к сведениям XIII в. при реконструкции историко-географической картины, постольку-поскольку при отдельных противоречиях и неясных местах свод 1198 г. позволяет все же достаточно конкретно и очевидно, по сравнению со сведениями X–XI и XIII–XIV вв., восстановить историческую обстановку в Черниговской земле.

По сравнению с другими Киевский свод 1198 г. дает подавляющее большинство упоминаний городов и урочищ Черниговского княжества, причем в основном они приходятся на середину XII в. Это обилие географических данных объясняется наличием в Ипатьевской летописи третьего, по А. А. Шахматову, источника этой летописи – черниговского летописания[93]. А. Н. Насонов на основе систематического сопоставле-

---

[91] *Насонов А. Н.* История русского летописания. С. 12–13.

[92] Там же. С. 19, 45–46, 68.

[93] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 72; *Присёлков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. С. 47, 72.

ния текста Лаврентьевской летописи с Ипатьевской выявил зависимость переяславского летописания от киевского великокняжеского источника и указал конкретно на ряд обширных черниговских фрагментов, которые отчетливо выявляются в статьях 6654 (1146), 6655 (1147) (?), 6657 (1149), 6658 (1150), 6659 (1151), 6660 (1152), 6661 (1153), 6662 (1154) (?), 6663 (1155) гг. Ипатьевской летописи[94]. Резкое сокращение южнорусских известий Лаврентьевской летописи с 6665 (1157) г. не позволяет столь же конкретно выявить другие черниговские сообщения, которые включены в текст Ипатьевской летописи почти на всем протяжении XII в.

Очень важен обстоятельно рассмотренный А. Н. Насоновым вопрос о летописании Переяславля Русского, которое легло в основу владимирского летописания в составе Лаврентьевской летописи. Основным источником летописи Переяславля Русского была киевская летопись, но она систематически сокращалась переявлавским летописцем[95]. Особенно интересно то, что киевская «редакция, использованная переяславским составителем, несколько отличалась от той, которую мы имеем в Ипатьевской, т.е. в своде 1198/99 г.»[96].

Эту точку зрения оспаривает автор интересного исследования владимиро-суздальского летописания Ю. А. Лимонов. «А. Н. Насонов, – пишет этот исследователь, – пришел к выводу, что во Владимире был использован один памятник – княжеский летописец Переяславля Русского»[97], что неточно: «южно-русской свод привлекался на Северо-Востоке по крайней мере дважды в разновременных редакциях», – писал А. Н. Насонов[98]. Ю. А. Лимонов считает, что во владимирском летописании была использована летопись Переяславля Русского, созданная с использованием киевской великокняжеской летописи в 80-х гг. XII в. Поскольку же в ней следовало бы ожидать следы киевских редакций 80-х гг. Печерского монастыря и Святослава Всеволодовича (чего нет в Лаврентьевской летописи), то Ю. А. Лимонов приходит к выводу, что первым южнорусским источником владимирского летописания был Киевский великокняжеский свод 70-х гг., а уже затем, в конце 80-х гг. XII в. был привлечен Летописец Переяславля Русского[99].

---

[94] *Насонов А. Н.* История русского летописания. С. 99–107. Б. А. Рыбаков полагает, что эти фрагменты принадлежат руке киево-печерского архимандрита Поликарпа, бывшего в молодости летописцем князя новгород-северского и черниговского Святослава Ольговича. (*Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 36–59.)

[95] *Насонов А. Н.* История русского летописания. С. 80–97.

[96] Там же. С. 99 и далее.

[97] *Лимонов Ю. А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967. С. 69.

[98] *Насонов А. Н.* История русского летописания. С. 82.

[99] *Лимонов Ю. А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. С. 15, 70–73.

Переяславская принадлежность фрагментов статей 6677 (1169), 6693 (1185), 6695 (1187) гг., на которую ссылается Ю. А. Лимонов, вызывает вполне основательные сомнения у Б. А. Рыбакова[100]. Суждение Ю. А. Лимонова требует более веской аргументации, ибо южнорусские источники владимирского летописания – не побочный сюжет его темы, кроме того, необходимо опровергнуть доводы А. Н. Насонова, что весьма сложно, ибо в основе их лежит система фактов, а не отдельные наблюдения. Есть у А. Н. Насонова некоторые аргументы, которые нельзя принять, но их анализ не только не разрушает его системы доказательства, но свидетельствует против мнения Ю. А. Лимонова.

Речь идет о пропущенных в Ипатьевской летописи упоминаниях о Курске, приходящихся на ту пору, когда в нем сидели Изяслав Мстиславич (1127 г.), Глеб Ольгович (1136–1138) и Святослав Ольгович (1139). В трех случаях упоминания Курска Лаврентьевской летописью, в текстологически совпадающих фрагментах Ипатьевской летописи этот город не упомянут (соответственно: статьи 6635 (1127), 6636 (1128), 6647 (1139) и 6648 (1140) гг.) А. Н. Насонов считал, что в статье 6635 (1127) г. Лаврентьевской летописи упоминание о Курске вписано «рукой переяславца»[101], но вполне очевидно, что, наоборот, в Ипатьевской летописи была сделана купюра (анализ этой и других указанных статей см. ниже в гл. третьей). Эти исключения из киевского текста могли быть сделаны в последние годы правления Юрия Долгорукого, ибо после его смерти Курск окончательно вошел в состав Черниговской земли, и в 70-х гг. (т.е. во время заимствования владимирским летописанием известий великокняжеской киевской летописи – по Ю. А. Лимонову) ни у кого не могла возникнуть потребность ликвидировать в киевской летописи известия о том, что Курск некоторое время принадлежал Изяславу Мстиславичу, а позже – Ольговичам.

С этими наблюдениями следует связать известия киевского текста о подробностях борьбы за Переяславль вскоре после смерти Мстислава Великого, сохранившиеся в Лаврентьевской и в неумело или небрежно сокращенном виде (так же небрежно, как и в случаях с Курском) в Ипатьевской летописи (соответственно статьи 6640 (1132)–6643 (1135) и 6641 (1133)–6643 (1135) гг.)[102]. Такие сокращения, очевидно, выгодны Юрию,

---

[100] *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы... С. 10-12.

[101] *Насонов А. Н.* История русского летописания. С. 98.

[102] ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Стб. 301-302; СПб., 1908. Т. 2. Стб. 294–295. А. Н. Насонов характеризует указанные фрагменты несколько противоречиво. В одном случае он истолковывает сохранившиеся в Лаврентьевской летописи детали как переяславские дополнения к киевскому тексту. В свою очередь, этот переяславский текст «не полностью и не совсем удачно» был использован в Киевском своде. В другом случае, говоря о тех же деталях, А. Н. Насонов более справедливо

имевшему первоочередной целью – захват Переяславля и Курска. Эти наблюдения позволяют в предположительной форме датировать киевский источник переяславского летописания временем последних лет жизни Юрия – серединой 50-х гг. Переяславская летопись не редактировалась при Юрии в соответствии с его редакцией киевской летописи, а лишь пополнялась из нее.

Таким образом, редакция киевской великокняжеской летописи, которая была использована при составлении переяславского свода, отразившегося в Лаврентьевской летописи, отличалась от редакции, сохранившейся в Ипатьевской летописи, не только отсутствием поздних черниговских вставок и наличием вытесненных ими текстов, но и сохранностью ряда важных деталей, условно говоря, вычеркнутых Юрием Долгоруким из киевского летописания в середине 50-х гг. XII в.[103]

Известия киевского летописания первой половины XII в. о Курске, сохранившиеся во владимирском летописании (в составе Лаврентьевской летописи) существенно пополняют те сведения, которые сохранились в черниговских фрагментах свода 1198 г.

Ряд сведений Киевского свода 1198 г., интересных для данной работы, но отсутствующих в Ипатьевской летописи, сохранился, как показал А. Н. Насонов, в великокняжеском Московском летописном своде 1479 г.[104]

Несмотря на все увеличивающееся внимание исследователей к русскому летописанию XII в.[105], остается нерешенным ряд вопросов, возникающих при чтении свода 1198 г., т.е. свода, составленного Моисеем игуменом Выдубицким для киевского князя Рюрика Ростиславича.

В последнее время этот свод иногда рассматривается как некое законченное произведение, не получившее более или менее значительных дополнений или исправлений в XIII в. Отмечались преимущественно лишь пропуски и утраты текста. Б. А. Рыбаков считает, что количество материалов, включенных позднейшими летописцами и сводчиками XIII–XIV вв. в свод 1198 г. «крайне незначительно»[106].

считает, что переяславский текст (лаврентьевские фрагменты) сохранил (в сокращенном виде) известия, которые читались в киевском своде времени правления Ярополка Владимировича (1132–1139 гг.): *Насонов А. Н.* История русского летописания. Ср.: С. 84, 115–116.

[103] Ср.: *Насонов А. Н.* История русского летописания. С. 89, 92, 95, 99, 101, 111.

[104] Там же. С. 288–293.

[105] *Буганов В. И.* Отечественная историография русского летописания. М., 1975. С. 247–269.

[106] *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы... С. 183. Впрочем, Б. А. Рыбаков указывает на три известия Ипатьевской летописи под 1193 г. и одно под 1197 г. как на включенные в текст свода 1198 г. уже в начале XIII в. фрагменты владимиро-суздальского происхождения (Там же. С. 176–177. Примеч. 3.) Эти факты нельзя считать незначительными.

Н. Г. Бережков в своих хронологических комментариях к текстам Ипатьевской летописи за вторую половину XII в. неоднократно объяснял нарушения летописной хронологической сетки деятельностью «южно-русского сводчика XIV в.», который не только перемещал отдельные тексты, но и делал большие «вставки» из «владимирского свода» в текст свода конца XII в.[107] В некоторых случаях иное объяснение пока что трудно представить.

Говоря о северо-восточных известиях, занимающих значительное место в описании Ипатьевской летописью событий второй половины XII в., М. Д. Присёлков считал, что они попали в южнорусское летописание в составе северо-восточного «свода 1237 г.». А. Н. Насонов не давал определенной даты привлечения северо-восточного источника южнорусского летописания, предполагая, что он использовался «на исходе XII или в XIII в.». Ю. А. Лимонов считает, что на юге «использовалась владимирская летопись неоднократно и различных редакций»[108].

В южнорусских текстах Ипатьевской летописи за XII в. также можно обнаружить данные, заставляющие предполагать некоторую переработку свода 1198 г., проведенную после его завершения.

Текстуальное сличение и исторический анализ крупных фрагментов статей 6698 (1190) и 6701 (1193) гг. Ипатьевской летописи, рассказывающих о нападении Ростислава Рюриковича с черными клобуками на половцев, показывают их текстологическую зависимость друг от друга и совпадение основных фактов, сообщаемых в этих отрывках[109].

В обоих рассказах действие происходит во время разногласий между Святославом Всеволодовичем и Рюриком Ростиславичем, каждый из них оставил Киев ради своих дел. Инициатива в обоих случаях принадлежит черноклобуцкой знати, Ростислав принимает решение без согласия отца, и сам поход содержит два основных момента – захват стад и пленников (в их числе и представители княжеских родов) и неудачную попытку половцев отбить добычу Ростислава Рюриковича. В обоих отрывках одинаково указано место, близ которого произошло сражение с половцами, – р. Ивля. Последствием похода в обоих текстах были нападения половцев на южные границы Руси. И в том, и в другом рассказе сообщается о несостоявшемся намерении Рюрика идти на Литву, и его сын Ростислав, возвратившись из похода, отправился к отцу во Вручий.

---

[107] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 169–170, 172, 175, 180, 183, 186, 191, 195 и др.

[108] *Присёлков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. С. 95–96; *Насонов А. Н.* История русского летописания. С. 114–115, 135, 150, 157; а также С. 137, 144–146, 148–151, 153; *Лимонов Ю. А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. С. 90–91.

[109] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 670–672, 676–678. (Ср. от: «Тое же зимы сдумаша лѣпшии мужи в Черныхъ Клобучехъ…» до «…в борзѣ еха къ отцю въ Вручии, отець бо его пошелъ на Литву»).

Совпадает и хронология событий. Оба похода приходятся на начало зимы. В первом случае во время похода произошла непредвиденная оттепель, а затем всю зиму шла борьба с половцами, пришедшими «Ростиславлею дорогою». Во втором случае указана дата завершения похода Ростислава Рюриковича – Рождество.

При всем сходстве событий имеются и различия в описании походов, но они допустимы в различных изложениях одного события.

Заметим, что в первом рассказе поход на Литву прервала неожиданная оттепель, во втором – Рюрика отозвал Святослав. Если в статье 6698 (1190) г. Рюрик обвиняет Святослава в небережении Русской земли, то в статье 6701 (1193) г. – Святослав Всеволодович обвиняет в том же Рюрика Ростиславича. Окончание статьи 6698 (1190) г. как бы полемизирует с предшествовавшим походу Ростислава Рюриковича обвинением, предъявленным Святославу. Именно Святослав Всеволодович и его сын Глеб защищают всю зиму Русь, а не Рюрик Ростиславич и его предприимчивый сын. Завершение статьи 6701 (1193) г. говорит весьма невнятно о совместном отражении половцев Святославом и Рюриком.

Лишь одно замечание во втором отрывке свидетельствует, на первый взгляд, довольно категорично против того, что оба рассказа описывают одно событие. Это – замечание второго известия о том, что Ростислав победил половцев «другое», т.е. вторично. Однако это слово находится в текстологически совпадающем с первым текстом отрывке и может рассматриваться как вставка сводчика. Некоторые текстологические совпадения изучаемых текстов при гиперкритическом подходе могут быть названы литературными штампами, но данный отрывок не может так расцениваться. Оба рассказа содержат слишком много фактических, вплоть до датировки, совпадений, чтобы можно было предполагать случайность текстуальных параллелей.

Трудно выявить взаимозависимость и время включения в так называемый свод 1198 г. каждого из рассматриваемых рассказов. Учитывая отдельные неясности и непоследовательность в изложении первого текста (например, захватив добычу, дружина Ростислава возвратилась «восвояси», т.е. в пределы Руси, но затем идет сообщение о сражении на Ивле, «реке половецкой», по свидетельству второго текста), можно предполагать, что для обоих известий использовался более точно повествующий о событиях протограф.

Дублирующие друг друга известия статей 6698 (1190) и 6701 (1193) гг. – факт, ставящий под сомнение вхождение одной из них в состав свода 1198 г., написанного близким к семье Рюрика Моисеем Выдубицким. Если можно допустить, что читатель конца XII – начала XIII в. не замечал хронологическую путаницу, дублирующие друг друга известия в статьях

60-х и 70-х гг. XII в., то составитель реально существовавшего свода 1198 г. не мог допустить хронологическую ошибку в описании событий пятилетней давности. Эта ошибка могла содержаться уже в киевском своде 1238 г., вопрос о котором был поставлен В. Т. Пашуто, но еще не решен нашими историками[110].

В данном историко-географическом исследовании анализ основных источников опирается на сплошное текстологическое сличение свидетельств Ипатьевской и Лаврентьевской летописей за XII в. В работе рассматриваются также сведения Новгородской I летописи, Летописца Переяславля Суздальского, Московского свода 1479 г., отдельные известия Типографской, Львовской, Никоновской и других летописей. Основным источниковедческим пособием для изучения летописных текстов служит капитальный труд А. Н. Насонова «История русского летописания XI – начала XVIII века». При анализе событий учитываются выводы и наблюдения фундаментального исследования Н. Г. Бережкова «Хронология русского летописания», в соответствии с которым приведена датировка. Некоторые данные для историко-географических наблюдений по Черниговской земле содержатся и во внелетописных письменных источниках – в киево-печерском Патерике, уставной грамоте Ростислава Мстиславича и некоторых других.

В качестве вспомогательных источников в работе использованы опубликованные актовые материалы XIV–XVII вв., данные посольских книг, писцовые документы, украинские летописи XVII в., Книга Большому Чертежу, а также картографические источники XVI–XIX вв., списки населенных мест XIX–XX вв. и другие данные.

В работе привлекаются и материалы лингвистических исследований, главным образом ономастические. К сожалению, число исследований по древнерусской ономастике невелико. Важнейшей для данной темы является монографическая работа С. Роспонда. Историко-географические примечания этого ученого довольно странны («Стародуб, город возле Чернигова», «Путивль – Киевская обл.», «Девягорск (1147) – Псковская обл.» – и т.п.)[111], но его исследование ценно тем, что охватывает лингвистическим анализом почти все древнерусские географические названия. Впрочем, этой работе присущ частый в ономастической литературе недостаток – данные берутся не из первоисточника, а из вторых рук (исследования историков, словари имен и т.п.). Например, справедливо не приняв

---

[110] *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 55 и др.; *Он же.* Образование Литовского государства. М., 1959. С. 12–13, 22–23.

[111] *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнословянская ономастика. М., 1972. С. 53, 64–65 и др.

этимологию Ю. С. Виноградского (Болдыж – от «болдыга» – каменная глыба), С. Роспонд относит это название к числу неясных. Однако Новгородская I летопись знает (под 6776 (1268) и 6778 (1270) гг.) братьев бояр Ратислава и Романа Болдыжевичей, и название Болдыжь следует отнести к «посессивам на – jь»[112].

Топонимические данные, а также сведения поздних источников особенно важны при локализации летописных географических названий. Здесь необходимо заметить, что для приурочения исторических географических названий ученые XIX в. в большинстве случаев пользовались способом, состоявшим из двух последовательных приемов. Их можно охарактеризовать как ориентировочный и условно-топонимический приемы. При отсутствии прямого указания на местоположение по данным источника приблизительно определялся район нахождения города и затем по карте или спискам населенных мест XIX–XX вв. находился топоним, созвучный или тождественный летописному. Условность такой методики заключалась в подразумеваемой преемственности существования летописного топонима вплоть до новейшего времени, не подтвержденной указанием промежуточных звеньев.

Еще с конца XVIII в. в отдельных случаях некоторые исследователи (например, А. Ф. Шафонский) обращали внимание на существование в искомом месте городищ и курганов, к началу же XX в. указания на них, а также и привлечение источников XIV–XVII вв. стали довольно часты (П. В. Голубовский). Однако только в советское время, благодаря широкому археологическому изучению городищ, а также разработке методики ретроспективного анализа и комплексного привлечения источников в исторической географии[113], появилась возможность достаточно надежных локализаций летописной географической номенклатуры. Ориентировочный способ сохраняет свое значение лишь как необходимый первый этап в поиске местоположений древних населенных пунктов, урочищ и рек. Кроме этого, необходимо для населенных пунктов выявить их археологические следы, а также проследить преемственность летописного топонима по данным источников последующего времени вплоть до новейшего. Впрочем, не все

---

[112] Там же. С. 74; ср.: *Виноградський Ю. С.* Назви міст, сіл та річок Чернігівщини // Мовознавство. Вип. 14. Київ, С. 38–39; НПЛ. М.; Л., 1950. С. 86, 88, 317, 319, 322.

[113] *Витов М. В.* Приемы составления карт поселений XV–XVII вв. по данным писцовых и переписных книг // Проблемы источниковедения. Т. 5. М., 1956; *Бескровный Л. Г.* Специфика методов исследования по исторической географии // Материалы МФГО СССР. История географических знаний и историческая география. Этнография. Вып. 5. М., 1971. С. 48–51; *Бескровный Л. Г., Гольденберг Л. А.* О предмете и методе исторической географии // ИССР. № 6. 1971; *Лаппо Ф. И.* Карты и планы XVIII в. как историко-географический источник (по материалам Курской губернии) // Там же. С. 54–56.

названия удается локализовать надежно. По недостатку данных некоторые пункты наносятся на карты условно[114].

Приурочение исторических географических названий является важнейшей из вспомогательных задач историко-географического исследования. Локализация сохранившихся в письменных источниках названий служит исходной точкой и основой изучения историко-географической проблематики Древнерусского государства вообще и Черниговского княжества в частности.

В интересах изложения результаты анализа локализаций более ста географических названий Черниговской земли суммированы в приложении. За этим исключением, изложение работы соответствует пути исследования, сочетая географическую (территориальную) и историческую (хронологическую) последовательность рассмотрения данных источников. Выявление и группировка фактов каждого периода истории Черниговской земли ведется по территориальному признаку: от ядра княжества – к его периферии. Исследование группы фактов в зависимости от полноты данных идет либо в исторической последовательности, либо путем ретроспективного анализа, установлением обратной связи явлений. Географический и исторический пути исследования объединяются историко-географическим обобщением по каждому из трех периодов в отдельности и по рассматриваемой теме в целом.

[114] *Седов В. В.* Смоленская земля // Древнерусские княжества. М., 1975. С. 250–251.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ФОРМИРОВАНИЕ ЯДРА ЧЕРНИГОВСКОЙ ЗЕМЛИ И ЕГО МЕСТО В ПРОЦЕССЕ ОБРАЗОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Территория Черниговского княжества занимала обширные (около 220 тыс. кв. км) пространства в двух физико-географических зонах: лесостепной – на юге и юго-востоке и лесной – на севере и северо-западе. Основная часть ее располагалась в бассейне Днепра и его важнейшего притока – Десны. Восточную половину Черниговской земли занимала Среднерусская возвышенность, почти полностью входившая в пределы изучаемой территории. На ней берет свое начало одна из главных рек волжского бассейна – Ока, на южных отрогах возвышенности – истоки рек бассейна Дона.

Основные почвы в западной части изучаемой территории – песчаные и супесчаные подзолы, местами (например, в Подесенье) – дерновоподзолистые. На юго-востоке, в Посемье, – обильные типичные черноземы, большую же часть восточной половины земли занимают серые лесные почвы. Преимущественную массу лесов представляют широколиственные и сосново-широколиственные (обширные и ныне Брянские леса)[1].

Начало освоения человеком исследуемой территории было положено в эпоху палеолита (Посемье, Подесенье). В изучаемый период здесь обитало восточнославянское древнерусское население, основным занятием которого было пашенное земледелие с сохранением важного значения охоты, рыболовства, бортничества.

Черниговская земля имеет свою историю, вместе с тем она – существенное звено в системе древнерусских земель-княжений и, чтобы выяснить процесс формирования государственной территории Черниговского княжества, необходимо выяснить связь его с процессом территориального раз-

[1] *Потулов А. А.* Почвенная карта территории находок пахотных орудий; *Он же.* Ретроспективная карта залесенности территории Северо-Западной и Северо-Восточной Руси // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. // Труды ГИМ. Вып. 32. М., 1956. С. 14.

вития Древнерусского государства. Эта связь очевидна, так как Чернигов находился в пределах политического и территориального ядра Древнерусского государства – «Русской земли». Важнейшим же в проблеме возникновения Черниговской земли является, в свою очередь, вопрос о сложении политического и территориального ядра Черниговского княжества.

Государственная территория приходит на смену родо-племенным территориям, поэтому важно выяснить их соотношение. Проблема формирования ядра Черниговской земли тесно связана с вопросом о роли северян в сложении Черниговского княжества и месте этнической северянской территории в этом княжестве.

В дореволюционной литературе под Северской землей (землей северян) традиционно подразумевалась вся территория Переяславского княжества и почти вся территория Черниговского княжества[2]. Подобное широкое понятие Северской земли встречается и в советской историографии[3]. Однако наблюдения Б. А. Рыбакова, подтвержденные работой И. П. Русановой «Курганы полян»[4], показали, что значительная часть левобережья Днепра в X–XII вв. была занята полянами. Поэтому следует рассматривать вопрос о роли как северян, так и полян в сложении изучаемой территории.

При определении «племенных» территорий (территорий союзов племен) Левобережья и, в свою очередь, их соотношения с государственной территорией можно выделить несколько взаимосвязанных вопросов. Они рассматриваются в следующем порядке: термин «северяне – севера» и его значение; территория левобережных, или черниговских, полян и соотношение ее с территорией северян; восточные и западные северяне и время включения их территории в состав «Русской земли» и Древнерусского государства; северо-восточная часть «Русской земли» – ядро Черниговской земли-княжения.

ТЕРМИН «СЕВЕРА». В Повести временных лет термин «сѣверяне, сѣверены» встречается лишь дважды – под 884 и 885 гг., причем в Ипатьевском списке он вовсе отсутствует[5]. В обеих редакциях Повести под 1024 г. есть термин «сѣверянинъ»[6]. В остальных случаях употребляется «сѣверъ», «сѣверо»[7]. За исключением известия 1024 г., которое, по мнению

---

[2] *Рыбаков Б. А.* Поляне и северяне: (к вопросу о размещении летописных племен на Среднем Днепре) // СЭ. Вып. 6–7. 1947. С. 81–82; Там же. С. 83, см. карту I («Размещение полян и северян по данным Самоквасова, Середонина, Нидерле, Грушевского и Готье»).

[3] *Мавродин В. В.* Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940. С. 10.

[4] *Рыбаков Б. А.* Поляне и северяне; *Русанова И. П.* Курганы полян X–XII вв. // САИ. Вып. Е1–24. М., 1966.

[5] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 24; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 17, варианты 10 и 11.

[6] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 149; Т. 2. Стб. 136.

[7] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6, 10, 11, 13, 19, 30, 148–149; Т. 2. Стб. 5, 8, 10, 21, 135–136 (вводная часть Повести и 859, 884, 885, 907 и 1024 гг.).

А. А. Шахматова, относится к Начальному своду, все упоминания о севере-северянах появились в летописи при создании Повести временных лет[8]. А. А. Шахматов в реконструкции Повести счел необходимым под 884 и 885 гг. исправить «сѣверяне», «сѣверены» на основное – «сѣверъ»[9].

Термин «Сѣвера» для обозначения территории, прилегающей к Десне и Сейму, часто применялся наравне с термином «Северская земля» еще в летописании XVI–XVII вв. и посольских книгах[10]. Распространен он и в украинских источниках XVII в., причем в «Летописи Самовидца» употребляется только «Сѣверъ»[11]. Интересно, что Лазарь Баранович, архиепископ Черниговский (1657–1693 гг.), в подражание патриарху «всея Руси» титулуется «милостью божию православный архиепископ Черниговский, Новгородский и всего Севера»[12]. Следует также иметь в виду и указанную Б. А. Рыбаковым надпись «Severia» на иностранных картах России XVI–XVII вв.[13] В начале XVII в. встречается даже термин «сѣверяне», утративший, конечно, свое племенное содержание. Этим термином названы в посольском донесении войска И. И. Болотникова[14].

Объяснение племенного названия «сѣвера», стоящего несколько особняком в ряду полян, кривичей, бужан и др., по созвучию со стороной света неудовлетворительно[15]. Другие объяснения, как показал Х. Ловмяньский, также неубедительны[16].

Наиболее приемлемым представляется объяснение этого термина, данное В. В. Седовым, который, отмечая, что славяне в процессе расселения застали в области днепровского Левобережья балтское (к северу от Десны и Сейма)

---

[8] *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания // ЛЗАК. Вып. 29. Пг., 1916. С. 6, 19, 24, 29, 188–189.

[9] *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. С. 24. Прим. 9.

[10] См., например, в Никоновском своде и Новом летописце: ПСРЛ. Т. 11. С. 172 (1399 г.); ПСРЛ. Т. 13. С. 142 (1542 г.); ПСРЛ. Т. 14. С. 59, 62, 71, 77, 136, 140; Сб. РИО. Т. 71. СПб., 1892. С. 38, 40, 42–43, 61, 234, 240–241, 266, 267, 292, 513, 532, 561, 683 (1561–1563, 1570 гг.).

[11] Літопис Самовидця (вид. підгот. Я. І. Дзира). Київ, 1971. С. 57, 65, 89, 95, 123–124, 151, 162, (1649, 1652, 1663, 1664, 1666, 1667, 1690, 1698 гг.).

[12] Цит. по публ.: *Филарет (Гумилевский)*. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 3. С. 132, 137, 139. В 1667 г. предполагалось образование особой епископии «в Севере» (ДАИ. Т. 5. С. 491).

[13] Эта территория по сравнению с XII в. сдвинулась к северу, «но западная ее граница точно совпадает с границей XII в. и так же далеко на восток отстоит... от Чернигова» (*Рыбаков Б. А.* Поляне и северяне. С. 87). См. также: *Рыбаков Б. А.* Русские карты Московии XV – начала XVI в. М., 1974. Рис. 12, 13, 17, 19б.

[14] Сб. РИО. Т. 137. С. 360.

[15] *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА. № 163. 1970. С. 130; *Łowmiański H.* Początki Polski. T. 2. Warszawa, 1963. S. 102–103.

[16] Х. Ловмяньский считает это название более архаичным и обобщающим, нежели названия других восточнославянских союзов, и полагает даже, что поляне некогда входили в состав большого племени северян (Там же. С. 102–105).

и ираноязычное (к югу от них) население, считает этот термин иранским по происхождению. Исследования лингвистов показали, что слово «север», как и гидронимы этого района Сев и Сава, может восходить к иранскому «seu» – «черный»[17]. В. В. Седов поддерживает это мнение лингвистов, анализируя археологический и антропологический материал, подтверждающий наличие ираноязычного субстрата на территории северян XI–XII вв.[18] Он считает, что в V–VII вв. днепровское лесостепное Левобережье было занято и ираноязычными (сармато-аланскими) племенами, значительная часть которых была вытеснена славянами в бассейн Дона в самом начале VIII в.[19]

Это заключение позволяет считать, что племенной союз левобережных славян, сложившийся на основной территории распространения романской культуры VIII–X вв.[20], получил наименование «северо» по дославянскому названию местности, заселенной носителями этой культуры. Некоторые племенные союзы славян (древляне, поляне, дреговичи и др.), как известно, получили наименование по названию местности («прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на котором мѣстѣ»[21]). Отличие в данном случае лишь в том, что это иноязычное, древнее название местности, сохранившее свой отличительный характер от других племенных названий (север, севера, а не северяне). Длительное, до конца XVII в., бытование этого географического термина на изучаемой территории, устойчивость его, несмотря на то, что северяне утратили свои этнографические особенности ранее большинства других племен, свидетельствуют в пользу приведенного мнения.

ПОЛЯНЕ, ЗАПАДНЫЕ И ВОСТОЧНЫЕ СЕВЕРЯНЕ. А. Н. Насонов считал, что первоначальным ядром Черниговского княжества было междуречье нежней Десны и Днепра, являвшегося, по его мнению, северянским.

---

[17] *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. С. 130.

[18] Там же. С. 130–131. Рис. 38.

[19] Там же. С. 131. Весьма заманчиво для полной аргументации привести цепь совпадения названий, локализуемых большинством исследователей в лесостепном Левобережье, от известных со времени Геродота меланхленов-черноризцев (савдоратов), саваров Птолемея (II в. н.э.), Саврики Пейтингеровых таблиц (III в.) до летописных Северы, Чернигова и Черной могилы. Однако взаимная связь этих и некоторых других названий нуждается в специальном исследовании и доказательстве. Наиболее полно это совпадения приведены В. В. Мавродиным (*Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 185–187).

[20] До недавних пор большинство исследователей считало носителей роменской культуры северянами (*Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. С. 126–131), но И. И. Ляпушкин был против такой точки зрения, считая роменскую культуру однородной для всего Левобережья и сходной с боршевской культурой верхней Оки и Дона (*Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // МИА. № 152. Л., 1968. С. 88–89). Не имея возможности специально исследовать этот вопрос, можно лишь заметить, что наиболее компактная группа роменских памятников находится именно в пределах, отведенных летописью «севере».

[21] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6; Т. 2. Стб. 5.

Не принимая мнения Б. А. Рыбакова о существовании полян на Левобережье, А. Н. Насонов, однако, учитывал отмеченное там Б. А. Рыбаковым наличие двух обрядов погребения и по отношению к населению территории, лежащей к востоку от Десны, применял термин «восточные северяне»[22]. Основываясь на известии Повести временных лет под 1024 г., указывающем «сѣвер» в «челе» полка Мстислава Владимировича Черниговского в сражении при Листвене, А. Н. Насонов связывал северян с Черниговом, считая, что отвести показания этого текста можно лишь в случае, «если бы нашлись археологические данные о том, что в Чернигове жили поляне или какое-либо другое племя»[23]. Исследования И. П. Русановой показали, что в X–XII вв. правобережная территория полян и левобережная территория лесостепи вплоть до устья Сейма являлись единой областью с однородным населением, с полным тождеством погребального обряда и инвентаря погребений[24]. Если не для всего X в., то для второй его половины это не вызывает сомнения. И. П. Русановой отмечено также, что пределы указанного единства археологического материала на левом берегу Днепра почти полностью совпадают с границами «Русской земли», выявленными А. Н. Насоновым на основании анализа летописных известий[25].

В связи с этим представляет значительный интерес замеченное С. С. Ширинским совпадение западной границы ареала второго периода распространения диргема (833–900 гг.) в Восточной Европе с восточной границей «Русской земли»[26]. Исследователь справедливо связывает почти вековое исключение юго-западной области восточного славянства из сферы распространения куфических монет с появлением на этой территории раннегосударственного образования, противостоящего Хазарскому каганату, который изолировал зарождающееся государство от контактов с Востоком. На рубеже IX и X вв. наступает третий период распространения диргема, когда эти монеты вновь обнаруживаются по всей восточнославянской территории[27].

---

[22] *Насонов А. Н.* «Русская земля...». С. 22, 61.

[23] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 148–149. Т. 2. Стб. 135–136; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 21–22.

[24] *Русанова И. П.* Курганы полян X–XII вв. С. 25.

[25] Там же. Табл. 18.

[26] *Ширинский С. С.* Объективные закономерности и субъективный фактор в становлении Древнерусского государства // Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970. С. 204; *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1957. С. 86. Рис. 5. С. 102. Рис. 17.

[27] С. С. Ширинский, отмечая, что «запад территории северян» отделен от «восточных районов северянской земли» и вятичей, где сохраняется распространение диргема, считает, что эти восточные районы в IX в. входили в зону хазарского влияния (*Ширинский С. С.* Объективные закономерности... С. 203–206).

Приведенные соображения подтверждают мнение А. Н. Насонова о сложении «Русской земли» в IX в.[28] Вместе с тем восточная граница «Русской земли», совпадающая с границей территории полян X–XII вв. (по И. П. Русановой) и с границей распространения диргема (с 833 по 900 г.), делит на две части основную область распространения роменской культуры, совпадающую с территорией, носившей до XVII в. название «Севера». Таким образом, мы приходим к выводу, что в IX в. территория племенного союза оказалась рассеченной политической границей на западную часть, вошедшую в состав «Русской земли», и восточную, находившуюся, вероятно, в зависимости от Хазарского каганата до конца IX в.

Необходимо заметить, что установленная И. П. Русановой граница полян с северянами[29] противоречит свидетельству Повести временных лет о том, что северяне населяли территорию по Десне, Сейму и Суле[30]. На карте И. П. Русановой северян от Десны отделяют южные отроги брянских лесов. Нижнее Посемье – полянское и только самое верховье Сулы у северян. В начале XII в., когда население Левобережья до нижнего Сейма включительно имело выявленный археологически единый этнографический облик, составителю Повести временных лет известно было, что северяне («сѣверъ») жили не только по Сейму, но и по Десне и Суле. Определение территорий славянских племен для летописцев не было случайной задачей[31], поэтому нет основания не доверять в данном случае историку конца XI – начала XII в. Вместе с тем несомненно, что отмеченная И. П. Русановой этнографическая граница существовала в середине X в. Поскольку есть основания считать, что она отражает политическую границу, разделившую в IX в. Северу на две части, этническую границу западных северян и черниговских полян IX – начала X в. следует искать в пределах формировавшейся в ту пору левобережной территории «Русской земли», т.е. между средней Десной и Днепром.

Попытка Г. Ф. Соловьевой определить этнические границы северян IX–X вв. по обряду трупосожжения на стороне встретила возражения со стороны В. В. Седова, по мнению которого, этот обряд не может служить этнографическим признаком[32]. Однако, рассматривая трупосожение как ар-

---

[28] *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 25, 41, 44–45.

[29] *Русанова И. П.* Курганы полян X–XII вв. Табл. 19.

[30] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6; Т. 2. Стб. 5.

[31] «Во время составления Повести временных лет намечалось образование новых княжеств по «землям» – «областям», новых епископий, что не могло не возбуждать интереса к этим землям и их прошлому...» (*Насонов А. Н.* История... С. 74).

[32] *Соловьева Г. Ф.* Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII–XIV вв. С. 140–141; *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. С. 127.

хаичный славянский обряд, сохранившийся у северян[33], С. С. Ширинский на основе изучения рядовых и дружинных погребений Черниговщины пришел к выводу, что границей северян и полян до середины X в. была р. Сновь. Картографирование погребальных памятников левобережных (черниговских) полян, проведенное С. С. Ширинским, свидетельствует, что «на протяжении второй половины X в. они успевают расширить свою территорию за счет восточных соседей – северян от Седнева на р. Снови (летописный Сновск. – *А. З.*) до Новгорода-Северского, и, судя по вооруженности седневской дружины, это расширение происходило отнюдь не мирным путем»[34].

Вряд ли следует рассматривать этот процесс как расширение племенной территории полян вооруженным путем. В нем ведущую роль играли не «поляне» (вооруженные общинники), а именно седневская, сновская дружина, т.е., вероятнее всего, летописная сновская тысяча, упомянутая лишь в XII в. Письменные известия XI в. о воеводах – тысяцких и их дружинах свидетельствуют о ближайшем отношении их к организации суда и дани[35], т.е. о вхождении в раннегосударственный административный аппарат.

Рассматриваемый процесс характеризует завершение государственного освоения территории западных северян в X в., приведшее, как следствие, к принятию западными северянами общего для «Русской земли» «полянского» этнографического облика[36]. В то же время восточные северяне в результате своей обособленности от «Русской земли» выработали к концу X в. иной, собственно северянский этнографический облик, известный по трупоположениям на горизонте и спиральным височным кольцам.

Полянский этнографический облик «Русской земли» X–XII вв. (включавший в себя и западную часть северянской и юго-восточную часть древлянской территорий) свидетельствует о ведущей роли полянских дружин в процессе сложения «Русской земли», а также и о том, что подчинение западных северян предшествовало государственному освоению земель восточных северян.

С ослаблением Хазарского каганата на рубеже IX и X вв. арабские диргемы вновь появляются в «Русской земле». Судя по этому, летописное предание о том, что в 884 г. Олег возложил на северян «дань легъку» и за-

---

[33] *Ширинский С. С.* Курганы X в. у дер. Пересаж // КСИА. Вып. 120. М., 1969. С. 106.

[34] *Ширинский С. С.* Объективные закономерности... С. 208.

[35] *Насонов А. Н.* «Русская земля...». С. 61–65.

[36] «Нельзя считать, что распространение курганов с погребениями в ямах в XI–XII вв. было связано непосредственно с прямым переселением полян. Но, возможно, этот обряд распространялся под влиянием полян, которые в известной мере были проводниками и распространителями центральной власти» (*Русанова И. П.* Курганы полян X–XII вв. С. 27). Несомненно, это замечание можно отнести и ко второй половине X в.

претил им платить хазарскую дань[37], подразумевает северян восточных. Начало государственного освоения их территории можно довольно надежно датировать временем около рубежа IX–X вв.

Подчинение Киеву племенных союзов восточных славян не было одноактным событием. Обычно в подтверждение этому приводятся свидетельства о неоднократных походах киевских князей на древлян и вятичей[38]. В процессе образования государственной территории[39] можно выделить начальный и завершающий этапы. Смена этих этапов хорошо прослеживается в земле древлян. Начальным этапом ее освоения было возложение дани в ее архаической форме, при сохранении местной знати. Ее сменяет около 945 г. новая, регулярная форма отчуждения прибавочного продукта, «обеспеченная целой системой административных мер, отражающая создание раннефеодального государства»[40]. Полулегендарный летописный рассказ об установлении княгиней Ольгой «погостов и даней», «уставов и уроков»[41], несомненно, отмечает начало завершающего этапа государственного освоения территории. Реформы Ольги получили дальнейшее развитие в деятельности Владимира Святославича[42].

Вероятно, завершающий этап государственного освоения территории восточных северян начался при Игоре или почти одновременно с деятельностью Ольги в земле древлян, но не позже, ибо ямный обряд трупоположения появляется за восточными пределами основного ареала его распространения несколько ранее (X–XI вв.), чем в земле древлян (XI–XII вв.)[43].

Государственное освоение земель восточных северян, как затем радимичей и вятичей, отличалось по своей социальной природе от покорения территории западных северян. Присоединение в IX в. западных северян происходило в условиях зарождения раннегосударственного образования «Русской земли». Слияние к середине X в. западносеверянской территории с полянской можно рассматривать как основной факт сложения террито-

---

[37] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 24; Т. 2. Стб. 17.

[38] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 24, 42, 58–59, 65, 81–84, 248; Т. 2. Стб. 31–32, 46–48, 53, 69, 71.

[39] Под государственной территорией (в собственном смысле слова) здесь подразумевается, вслед за *А. Н. Насоновым*, разделенная по административному признаку территория, население которой в интересах господствующего класса подчинено публичной власти, имеющей особый аппарат насилия, творящей суд и устанавливающей разного рода поборы – налоги (*Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 6).

[40] *Щапов Я. Н.* О социально-экономических укладах в Древней Руси XI – первой половины XII в. // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970. С. 101.

[41] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 59–60; Т. 2. Стб. 48–49.

[42] О значении реформ Ольги и Владимира в сложении феодального Древнерусского государства подробнее см.: *Зимин А. А.* Феодальная государственность и Русская Правда // ИЗ. Т. 76. 1965. С. 240–244.

[43] *Русанова И. П.* Курганы полян X–XII вв. С. 24.

риального политического ядра Древнерусского государства. Завершение освоения земель восточных северян происходило в условиях реформ Ольги и Владимира, которые «решительно отграничивали последующую эпоху от порядков первобытно-общинного строя»[44], что свидетельствует о создании раннефеодального государства.

Левобережная часть «Русской земли» была активной силой в покорении киевскими князьями территорий восточных северян, радимичей и вятичей, о чем свидетельствуют крупные дружинные центры в Левобережье в X–XI вв.

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ЯДРО ЧЕРНИГОВСКОЙ ЗЕМЛИ. Впервые в Древнейшем своде Чернигов назван лишь в 1024 г. Столь позднее упоминание объясняется тем, что Древнейший свод, судя по его сохранившимся фрагментам, носил «характер местной, киевской «областной» истории»[45]. Однако упоминание Чернигова на втором после Киева месте в договорах Руси с греками, включенных в летопись под 907 и 945 гг., при составлении Повести временных лет, а также сообщение о нем Константина Багрянородного в середине X в. свидетельствуют о Чернигове как о важном центре, имеющем значительную долю в общих доходах «Русской земли»[46]. Раскопки выявили в нескольких местах города, в том числе и на детинце, славянские слои и остатки землянок VIII–IX вв., что позволяет предполагать возникновение Чернигова из «нескольких небольших родовых укрепленных поселков»[47].

Археологические исследования Чернигова и курганов X в. в его окрестностях выявляют значительную имущественно-социальную дифференциацию населения, заметную роль дружинного элемента в жизни этой территории[48]. Эти данные свидетельствуют и о важном значении в X – начале XI в. Сновска, Стародуба и Новгорода-Северского, которые впервые упомянуты лишь в известиях второй половины XI в. (Сновск в статье 1068 г.[49], Стародуб и Новгород в «Поучении» Мономаха в связи с событиями конца 1078 – начала 1079 г.[50]).

Географическое положение Сновска свидетельствует о его тесной связи с Черниговом: он расположен на правом берегу р. Снови, на расстоянии

---

[44] *Зимин А. А.* Холопы на Руси: (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973. С. 49.

[45] *Насонов А. Н.* История... С. 44–46.

[46] *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 47, 50.

[47] *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова // МИА. № 11. М.; Л., 1949. С. 10; *Богусевич В. А.* Археологічні розкопки в Чернігові в 1949 та 1951 рр. // АП УРСР. Т. 5. Київ, 1955. С. 5–11.

[48] *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова. С. 51–52.

[49] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 172; Т. 2. Стб. 161.

[50] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 248; ПВЛ. Ч. 2. С. 443.

дневного пешего перехода от Чернигова (менее 30 км), не отделен от него естественными рубежами. О значении этого города как военного центра свидетельствует обширнейший курганный некрополь, материалы которого в значительной мере связаны с дружинным обиходом. При наличии трупоположений в яме в некрополе преобладает ранний обряд – сожжение. Северянский архаичный обряд трупосожжения на стороне представлен группой курганов, составляющей около половины всех трупосожжений[51], что свидетельствует о значительном количестве северян в Сновской тысяче. К сожалению, городище Сновска не изучено, подъемный материал неукрепленной его части относится к «раннеславянской и древнерусской поре»[52].

Курганы в окрестностях Стародуба изучены менее полно, и из-за малого количества раскопанных курганов в древнейшей группе (с. Левенка) трудно судить о преобладании того или иного обряда. В трех других курганных группах близ Стародуба (с. Мериновка) представлен только «полянский» обряд погребения[53]. Стародуб находится за пределами основной области распространения ямных погребений. Однако сходство инвентаря погребений с материалами курганов древнего Сновска, наличие срубного погребения, встречающегося только в крупных дружинных центрах (Киев, Чернигов и его окрестности, Сновск), близость Стародуба к верховьям Снови позволяют предполагать непосредственную связь Стародуба со Сновском[54].

Новгород-Северский и его окрестности изучены недостаточно. Известны главным образом ямные погребения, причем одно из них твердо датировано X–XI вв.[55]

Для выявления восточных пределов ядра Черниговской земли необходимо рассмотреть земли восточных северян, входившие в XII в. в Черниговское княжество. Здесь известен в настоящее время один значительный могильник с преобладанием обряда трупоположения в яме – близ Липинского городища (в 35 км западнее Курска). Однако курганы почти полностью распаханы, и возможно, что значительная часть северянских трупоположений на материке уничтожена. Для юго-восточной северянской окраины харктерны курганные группы со смешанным обрядом погребе-

---

[51] Древности железного века... С. 65; *Ширинский С. С.* Курганы полян у с. Седнев // АО 1967 года. М., 1968. С. 239–240.

[52] *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. С. 76.

[53] Древности железного века... С. 62, 63.

[54] Точные данные о локализации Стародуба и других населенных пунктов Черниговской земли см. в Приложении.

[55] *Русанова И. П.* Курганы полян X–XII вв. С. 37. Табл. XI.

ния (Броварки, Петровское, Ницахи, Гочево, Липино). В них есть хорошо датированные ямные погребения рубежа X и XI вв.[56] Эти некрополи оставлены разноплеменными гарнизонами крепостей Владимира Святославича[57], и нет сомнения в том, что государственное освоение Посемья было завершено в конце X – начале XI в.

Ранее других на этой территории упомянут г. Курск. В Повести временных лет он назван впервые под 1095 г., а также в «Поучении» Мономаха в связи с событиями 1068 г.[58] Однако в житии Феодосия Печерского есть данные о Курске первой половины XI в. Курск в это время управляется посадником, «властелином града», причем родители Феодосия были переведены в Курск из Василева, города Киевской земли[59]. Неизвестно, тянул ли Курск к Чернигову до того, как Мстислав Владимирович в 1024 г. подчинил себе Левобережье (1024–1036). Факт перевода боярской семьи из киевского города в Курск свидетельствует в пользу того, что управление северянской (восточной) территорией контролировалось (с 1036 до 1054 г.) непосредственно Киевом. Курское Посемье окончательно вошло в Черниговскую землю лишь в середине XII в., и это ретроспективно свидетельствует о том, что оно не входило в ядро изучаемой территории.

Обращает на себя внимание расположение основных, известных по Повести городов территориального ядра – ни один из них не является географическим центром этой территории: Сновск стоял на границе черниговских полян и западных северян. Стародуб – близ северной границы «Русский земли» с радимичами, Новгород-Северский – по соседству с восточными северянами и вятичами. Линии Чернигов – Сновск – Стародуб и Чернигов – Сновск – Новгород как бы указывают основное направление распространения политической власти Чернигова. Очевидно, эти города были форпостами государственного основания пограничных областей радимичей (Стародуб), вятичей и восточных северян (Новгород-Северский), так же как Сновск был ранее форпостом освоения территории западных северян.

ТЕРРИТОРИЯ «ПЛЕМЕН» И ЧЕРНИГОВСКАЯ ЗЕМЛЯ. Территории «племен», как правило, осваивались из двух или трех центров, что убедительно доказано на общерусском материале А. Н. Насоновым. Именно поэтому они оказались поделенными между различными княжествами. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что завершающий этап государственного освоения достаточно отстоял по времени от включения «племен» в состав Киевской Руси.

---

[56] Там же. С. 13, 36. Табл. XI.

[57] *Там же.* С. 13; *Рыбаков Б. А.* Поляне и северяне... С. 91.

[58] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 229, 247; Т. 2. Стб. 220.

[59] Патерик киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 16–20.

Соотношение земель племенных союзов (радимичских, вятичских, северянских и др.) с государственной территорией Черниговской земли является очень важной частью общей проблемы соотношения племенной и государственной территорий, тесно связанной с изучением феодальной раздробленности в древней Руси.

Классификация материалов древнерусских курганных захоронений и соотношение их ареалов с летописными известиями о расселении восточнославянских племен, предпринятые А. А. Спицыным и разработанные для отдельных племен в трудах А. В. Арциховского и Б. А. Рыбакова[60], вызвали еще в конце 30-х гг. возражения со стороны П. Н. Третьякова. Основная трудность заключается в том, что границы «племен» прослеживаются по данным преимущественно XI–XII вв., когда уже формировались феодальные области. Строгий критический разбор истории этой проблемы привел И. И. Ляпушкина к подтверждению выводов А. А. Спицына. В результате славянского расселения VI–VII вв. особенности материальной культуры отдельных племен «не только не закреплялись, но должны были стереться. Формирование этнографических особенностей и их закрепление могли происходить лишь в условиях мирной жизни, когда в ходе расселения произошло территориальное обособление этих групп... и у каждой группы стал слагаться свой устойчивый жизненный уклад. Все это могло начаться, по-видимому, сравнительно поздно, не ранее VIII–IX в., и получило свое завершение в X–XI вв.»[61].

Нет оснований для коренной ревизии «племенных» границ, выявленных археологически, ибо в IX–X вв., когда формировались специфические этнографические признаки, «племенные» территории были в силу социально-экономических причин еще обособлены, на них распространялась лишь дань. Государственное влияние было значительным лишь в центрах освоения этих своего рода провинций «Русской земли». Возможна и некоторая местная негативная реакция на господство Киева, способствовавшая устойчивости этнографических отличительных черт. Ориентировочные границы восточнославянских «племен», определенные по археологическим данным преимущественно XI–XII вв., можно признать отражающими в основном и состояние территории на X в.

При сопоставлении карты «племен», вошедших в состав Черниговского княжества, с его границами XII в. видно, что территория княжества включала в себя около половины известных восточнославянских племенных

---

[60] *Спицын А. А.* Расселение древнерусских племен // ЖМНП. 1899. № 8. С. 301–304; *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930; *Рыбакоў Б. А.* Радзімічы // Працы. Т. 3. С. 81–151.

[61] *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. С. 118–124.

союзов: полян, северян, вятичей, радимичей, дреговичей. Однако ни один из них не вошел в эти пределы полностью. За границей изучаемой территории остались, например, вятичи Москвы, радимичи Прупоя (пещанцы), минские и туровские дреговичи и т.д. (см. карту 2). «Этническая» карта Черниговской земли, таким образом, убедительно противоречит мнению исследователей, считающих, что именно по рубежам племенных союзов раскололась Русь в XII в.[62] Ликвидация этих рубежей была наиболее ярким проявлением завершения формирования феодальной государственной территории. Нельзя согласиться и с тем, что «начало раздробленности было положено распадом пришедших на Днепр славян на отдельные союзы племен»[63]. Подобное мнение высказывалось в XIX в. Н. И. Надеждиным, М. П. Погодиным и рядом других историков. Еще В. И. Сергеевич привел ряд фактов, убедительно опровергающих эту точку зрения[64].

Для X в. рассмотренные выше факты свидетельствуют о процессе политической консолидации «Русской земли» и активном участии левобережной знати в подчинении киевскими князьями территорий восточных северян и южных районов земель вятичей и радимичей. Лишь к середине XI в. складываются предпосылки раздела «Русской земли».

КНЯЖЕСКИЙ СТОЛ В ЧЕРНИГОВЕ. На основании летописной статьи 968 г., относящейся к Древнейшему своду, А. Н. Насонов справедливо отрицал существование в Чернигове второй половины X в. княжеского стола и тем более князя, подобного древлянскому Малу или вятическому Ходоте[65]. В рассказе 968 г. об осаде Киева печенегами (в отсутствие Святослава Игоревича) приводятся слова воеводы Претича, свидетельствующие о том, что левобережные дружины непосредственно подчинялись киевскому князю и обязаны были защитить Киев и выручить княгиню Ольгу с внуками: «...аще ли сего не створимъ, погубити ны имать Святославъ»[66].

Источники не содержат сведений о борьбе левобережной местной знати X в. с киевским князем. Зная полянскую принадлежность Чернигова второй половины X в. и то, что полянская династия была уничтожена до X в., нельзя предполагать правление в этом городе князя местной династии. Чернигов

---

[62] *Рыбаков Б. А.* Спорные вопросы образования Киевской Руси // ВИ. № 9. 1960. С. 24–25.

[63] *Алешковский М. Х.* Структура отчин трех Ярославичей: (по данным «Повести временных лет» и археологии) // Тезисы докладов научной сессии Государственного Эрмитажа (Ноябрь 1967 г.) Л., 1967. С. 43.

[64] *Надеждин Н. И.* Предначертание исторически-критического исследования древнерусской системы уделов // Труды и летописи общества истории и древностей российских. Ч. 5. Кн. 1. М., 1830. С. 97; *Погодин М. П.* Исследования, замечания, лекции. Т. 4. М., 1850. С. 329; *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. Т. 1. СПб., 1890. С. 8–10.

[65] *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 62–63.

[66] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 66; Т. 2. Стб. 54.

входил в состав «Русской земли» и, судя по более раннему, в сравнении с древлянской территорией, появлению «полянского» обряда в восточно-северянской земле, опережал древлян в социальном развитии. Продолжая сравнение с древлянской землей, нельзя полностью отрицать возможность существования княжеского стола (новой, не местной традиции) в Чернигове первой половины X в. (до 968 г.), ибо известно, что после «уставления» земли древлян, там в Овруче существовал новый княжеский стол, занимаемый Олегом Святославичем (970–977 гг.)[67]. Однако неизвестны даже вероятные претенденты из «дома Рюриковичей» на черниговский стол.

Как доказательство существования в середине X в. местных черниговских князей иногда приводятся материалы кургана Черная могила, датируемого византийской монетой 945–959 гг. (раскопки Д. Я. Самоквасова, 1872–1873 гг.). Анализ данных раскопок позволил Б. А. Рыбакову сделать вывод, что общий характер обряда погребения и его инвентарь (величина кургана, расположение его вблизи валов Чернигова X в., наличие одновременно оружия и культовых предметов) свидетельствует о захоронении «одного из неизвестных нам черниговских князей эпохи Святослава»[68]. Однако такой же характер могло носить и погребение воеводы-боярина или «старейшины града» («градника», «властелина града»), функции которых во многом связаны с архаической, дофеодальной традицией и в X в. были многообразны – от военных и фискальных до жреческих. О последнем свидетельствует описание языческих жертвоприношений в честь победы над ятвягами в летописном (983 г.) и проложном сказаниях об убитых в Киеве варягах-христианах[69]. Поэтому и материалы Черной могилы не позволяют выйти из области предположений при попытке доказать существование черниговского княжеского стола в X в.

Остается несомненным отсутствие княжеского стола в Чернигове второй половины X – начала XI в. Черниговский стол возник в результате борьбы между братьями Ярославом Мудрым и тмутараканским Мстиславом Владимировичем, приведшей к временному (1024–1036 гг.) разделу «Русской земли» по Днепру[70]. Однако, как убедительно доказал А. Н. Насонов, и в это время значительными были силы единства «Русской земли» под властью Киева, что отчетливо прослежено в стремлении составителей Древнейшего летописного свода подчеркнуть исторические права и господствующее значение Киева в «Русской земле»[71]. Поэтому

---

[67] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69, 75; Т. 2. Стб. 57, 63.

[68] *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова. С. 34, 38–39.

[69] *Насонов А. Н.* История... С. 23–25.

[70] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 147–149; Т. 2. Стб. 134–137.

[71] *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 31–33.

после смерти Мстислава в Чернигове не был посажен князь, Ярослав стал «единовластцем Русской земли».

Вместе с тем временное обособление Левобережья способствовало возвышению Чернигова. О значительных экономических возможностях княжества свидетельствует развернувшееся в Чернигове первой половины XI в. каменное строительство. Мстислав заложил около 1036 г. церковь св. Спаса – одну из древнейших, сохранившуюся до наших дней. Неподалеку от нее находился построенный несколько ранее княжеский каменный терем[72]. Летопись отмечает, что Мстислав был «милостивъ, любяше дружину по велику, а имѣнья не щадяше»[73], что свидетельствует об укреплении княжеской администрации. Обособление Чернигова при Мстиславе способствовало созданию социально-экономических предпосылок обособления феодальной области-княжения Черниговской земли.

В истории Черниговской земли период X – первой половины XI в. был временем формирования важнейших раннефеодальных центров (Чернигов, Сновск, Стародуб, возможно, Новгород-Северский), временем сложения территориального и политического ядра княжества. Ядром земли-княжения стал северо-восточный сектор «Русской земли», опережавшей в развитии феодальных отношений другие древнерусские территории. Основным фактом формирования территории Черниговского княжества было подчинение государственной княжеской власти «племенных» территорий восточных северян, радимичей и вятичей в интересах формирующегося господствующего класса «Русской земли», и в первую очередь знати ее северо-восточной части. Однако необходимо учитывать и факт встречного процесса – классообразование в подчиняемых и подчиненных землях, иначе картина формирования государственной территории была бы неверна[74].

Подчинение значительных территорий, даннический по преимуществу способ изъятия части прибавочного продукта, оборона южных окраин – все это вызывало необходимость существования относительно единой политической организации, подчиненной киевским князьям, отражавшей общность экономических интересов складывающегося класса феодалов. Тенденцию же обособления Левобережья питали корни уже сложившихся

---

[72] *Холостенко Н. В.* Исследования Борисоглебского собора в Чернигове // СА. 1967. № 2. С. 189, 200, 209.

[73] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 150; Т. 2. Стб. 138.

[74] О социальной дифференциации за пределами «Русской земли» особенно наглядно свидетельствует факт существования отмеченных информатором Титмара Мерзебургского (умер в 1018 г.) «сервов-беглецов» (зависимые крестьяне или разного рода изгои), составлявших заметный процент населения «провинции» Киева («Русской земли»?) и, возможно, киевских дружин (*Свердлов М. Б.* Відомості про Київ у хроніці Тітмара Мерзебурзького // УІЖ. 1971. № 8. С. 78–80).

к середине XI в. раннефеодальных социально-экономических отношений. Временный раздел «Русской земли» в 1024–1036 гг. лишал Киев доходов, поступавших из Левобережья, в пользу Чернигова и тем самым не только способствовал сложению военного и административного аппарата черниговского княжеского стола, но и содействовал развитию особых, по отношению к киевскому столу, экономических интересов левобережной феодальной знати. Пережитки родо-племенной организации территории могли лишь в некоторой мере замедлить или ускорить начавшийся в середине XI в. процесс дробления территории Древнерусского государства, процесс, начало которого отразилось в «завещании» Ярослава заповедью – «не преступати предела братня».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ ЧЕРНИГОВСКОГО КНЯЖЕСТВА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XI – СЕРЕДИНА XII в.)

ЧЕРНИГОВСКИЙ СТОЛ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XI В. «Завещание» Ярослава[1] не содержит достаточных данных о размере волостей «триумвиров» «Русской земли» – Изяслава, Святослава и Всеволода Ярославичей. Оно было написано только в 70-х гг. XI в. и излагало взгляды печерских летописцев на княжеские усобицы того времени[2], не преследуя фактографических целей. Дальнейшее изложение событий до середины 90-х гг. также дает мало сведений о территории Черниговского княжества. Границы его определяются главным образом по данным конца XI и первой половины XII в., когда во время споров за волость часто употребляется аргумент отчинности[3]. Однако о владельческой принадлежности самого Чернигова в это время имеются данные, позволяющие проследить перемены на черниговском столе.

Святослав Ярославич, родоначальник черниговских князей, княжил в Чернигове с 1054 г. до 22 марта 1073 г., когда он при помощи Всеволода изгнал Изяслава и занял киевский стол[4]. Неизвестно, кто затем занимал черниговский стол до смерти Святослава 27 декабря 1076 г. Со времени В. Н. Татищева принято считать, что в Чернигове княжил Всеволод Ярославич[5], но это вызывает сомнения[6].

---

[1] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 161–162; Т. 2. Стб. 149–150. Ср.: НПЛ. С. 160, 181–182.

[2] *Насонов А. Н.* История... С. 48.

[3] А. Н. Насонов отмечал, что в Повести временных лет «общая идея – принцип «отчинности», провозглашенный в 1097 г., – проводится в тексте начиная с 1094 г. (1094, 1096, 1097 гг.)» (Там же. С. 59).

[4] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 182–183; Т. 2. Стб. 172–173.

[5] Обзор мнений по этому вопросу см.: *Мавродин В. В.* Очерки истории Левобережной Украины. С. 171.

[6] М. С. Грушевский считал, что Святослав, сев в Киеве, оставил Чернигов за собой (*Грушевский М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. Львів, 1905. С. 40). Из советских исследователей этой же точки зрения придерживался Б. Д. Греков (*Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953.

В 1077 и 1078 гг. черниговский стол был предметом спора между внуками Ярослава, с одной стороны, и Всеволодом – с другой. В мае 1077 г. Чернигов на восемь дней захватил Борис Вячеславич[7]. В том же году, 15 июля, Всеволод примирился с Изяславом Ярославичем, вновь занявшим киевский стол, и вокняжился в Чернигове. 25 августа 1078 г. Борис и Олег Святославич, придя из Тмутаракани, нанесли поражение Всеволоду и вошли в Чернигов. На Нежатиной Ниве 3 октября 1078 г. они были разбиты силами киевского Изяслава Ярославича и Всеволода; в бою погибли и Борис и Изяслав[8]. После этого, вокняжившись в Киеве (1078–1093 гг.), Всеволод «переима власть Русьскую всю и посади сына своего Володимера в Черниговѣ»[9]. В данном случае очевидно, что под всей Русью подразумевается «Русская земля». Сохранение княжеских столов в Чернигове и Переяславле (по известию 1093 г. так сидел второй сын Всеволода – Ростислав[10]) свидетельствует о том, что разделение по «завещанию» Ярослава и учреждение в «Русской земле» двух новых княжеских столов были вызваны не столько стремлением предотвратить усобицы среди Ярославичей, как писали печерские летописцы, сколько необходимостью укрепления государственной власти в центрах «Русской земли». В Черниговской земле в числе факторов, вызывавших потребность усиления власти, нужно отметить необходимость завершения освоения земли вятичей и обеспечения защиты от половецких набегов, ибо в конце 70-х гг. XI в. половцы доходили до Стародуба и Новгорода-Северского, чего впоследствии уже не случалось.

Всеволод, получивший «всю Русскую власть», не мог уже обходиться без помощи двух княжеских столов Левобережья. Вероятно, наряду с другими причинами борьба с местническими тенденциями как левобережной, так и правобережной феодальной верхушки заставляла Всеволода пренебрегать советами «смысленых» бояр, старой знати и искать опору в младшей дружине, у «уных», то есть у менее экономически и политически самостоятельной, а следовательно, и более надежной части дружины, за что его и осуждает составитель Начального свода[11].

С. 495–496). В пользу этого мнения можно привести известие из Жития Феодосия Печерского: после занятия Святославом и Всеволодом Киева «единому сѣдшу на столѣ томь брата и отца своего, другому же възвратившуся въспять въ область свою», то есть в Переяславль (Патерик… С. 49).

[7] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 199; Т. 2. Стб. 190.

[8] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 200–202; Т. 2. Стб. 193.

[9] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 204; Т. 2. Стб. 195.

[10] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 217; Т. 2. Стб. 208.

[11] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 216–217; Т. 2. Стб. 207–208. Позднее аналогичные явления наблюдались при Андрее Боголюбском на Северо-Востоке (*Насонов А. Н.* История… С. 55–56).

В 1094 г. Олег Святославич захватил Чернигов у Мономаха, но в 1096 г. был оттуда изгнан Владимиром Мономахом и киевским Святополком. В 1097 г. на Любечском съезде был принят «принцип династического разделения Русской земли между различными княжескими ветвями при соблюдении ее единства перед лицом внешней опасности»[12]. По этому решению черниговские владения Святослава Ярославича достались его сыновьям – Давыду, Олегу и Ярославу[13].

Примерное определение границ отчины Святославичей возможно при сопоставлении свидетельств второй половины XI в., с одной стороны, с преимущественно летописными данными первой половины XII в. – с другой, то есть при рассмотрении периода формирования государственной территории Черниговского княжества в целом (середина XI – середина XII в.) и сопоставлении данных этого времени с наблюдениями, относящимися к предшествующему периоду.

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ЯДРО. ЧЕРНИГОВ И ЗАДЕСЕНЬЕ. Для определения границ отчины Святославичей необходимо исходить из территориального ядра Черниговского княжества – «земли», «области», которое укладывалось в границы «Русской земли», и сопоставления его с прилегающими территориями. Территориальное ядро Черниговской земли состояло из двух частей – территории Чернигова и новгород-северской территории, лежавшей к востоку от Чернигова. Первая разделялась нижним течением Десны, и южная ее часть называлась в черниговских по происхождению известиях Задесеньем[14]. Об этой собственно черниговской территории, или «Черниговской волости в узком смысле», говорил в 1158 г. Святослав Ольгович: «Черниговъ съ 7-ю городъ пустыхъ: Моровиескъ, Любескъ, Оргощь, Всеволожь, а въ нѣхъ сѣдять псареве же и половци»[15]. Основными городами на собственно черниговской территории были[16]: Любеч (на Днепре), Оргощ (на р. Белоус), между Любечем и Оргощем – Лиственъ, Моровийск и Лутава (близ Десны); в Задесенье – Всеволож, Белавежа (у истока р. Осетр), Бахмач (на р. Борзне), Уненеж (на р. Остере), Глебль (на р. Бол. Ромен?) (здесь и далее см. карту 3).

Западнее Чернигова от устья Боловоса (современная р. Белоус) вверх по реке и далее до Любеча находилась «вся жизнь» черниговских князей –

---

[12] История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 1. М., 1966. С. 550.

[13] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 257; Т. 2. Стб. 231.

[14] *Насонов А. Н.* История русского летописания... С. 102, 107. «Изяславъ пришедъ землю нашю повоевал и по Задѣсньюю городы наша пожеглъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 377). Речь идет о событиях 1147 г. (Там же. Стб. 358), когда были сожжены города за Десной (Там же. Стб. 363).

[15] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 500; *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 328.

[16] *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 59.

княжеские села, которые часто сжигались киевскими князьями, стоявшими при осадах Чернигова «на Боловесе»[17]. Эти села на Белоусе обнаружены Д. И. Блифельдом[18]. Здесь же был случайно найден в 1821 г. золотой амулет-змеевик – знаменитая «черниговская гривна», принадлежавшая, предположительно, Владимиру Мономаху[19].

Задесенье было менее заселено, возможно, из-за значительного количества болот и солонцеватых почв[20]. Вероятно, здесь помещались черниговские «свои поганые» (например, ковуи) выполнявшие роль военного заслона[21]. Очевидно, стратегическое размещение этих городов. Центр обороны от нападений из Посулья – Всеволож, находясь в узком проходе между Остерскими и Придеснинскими болотами, контролировал юго-восточный путь к Чернигову. На расстоянии дневного пешего перехода (около 30 км) от Всеволожа находились: Уненеж, контролировавший переправу через р. Остер и проход между Смолежским и Остерским болотами; Белавежа и находившийся на расстоянии дневного перехода к юго-востоку от нее Глебль контровали путь из Посулья; Бахмач контролировал восточное направление (путь от Выря). Фактически указанные города были форпостами Всеволожа.

Стратегическое значение задесненских городов хорошо иллюстрируют события осени 1147 г., когда Изяслав Давыдович и Святослав Ольгович, будучи оставлены в Посулье половцами, узнавшими о намерении киевского Изяслава Мстиславича пойти «перекы к ним к Сулѣ, идеже стояхуть», поспешили отступить в Чернигов через Глебль и Всеволож. Шедшие на Сулу Изяслав и Ростислав Мстиславичи попытались перехватить отступавших, резко изменив свой путь в северо-восточном направлении[22], но опоздали: «...поидоша имъ перекы, не перестигоша ихъ до Всеволожа, уже бо бѣ Изяславъ Давыдовичь, и Святославъ Олгович, и Всеволодич Святославъ; ушли бяху мимо Всеволожь» к Чернигову. Узнав о падении Всеволожа, жители Уненежа, Бахмача и Белавежи пытались бежать «в поле», Глебль же смог выдержать осаду[23].

Расположение указанных городов определяет собственно черниговскую территорию. Западные и южные ее пределы совпадали с границами Черниговской земли, которые не вызывали споров в ту пору, вероятно, вследствие совпадения с естественными рубежами. Эти границы были отмечены уже

---

[17] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 361, 458, 474.

[18] Древности железного века... С. 34.

[19] *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова. С. 8.

[20] *Симоненко В. Д.* Чернігівська область. Київ, 1958. С. 29.

[21] *Рыбаков Б. А.* Политическое и военное значение южной «Русской земли» в эпоху «Слова о полку Игореве» // ВГ. Сб. 83. М., 1970. С. 77.

[22] *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 232.

[23] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 357–358.

К. М. Бороздиным в 1811 г. Западной границей служил Днепр. Южным пограничным пунктом на нижней Десне была черниговская Лутава, на противоположном берегу в устье р. Остер находился переяславский Остерский Городец. Западнее Лутавы граница Черниговской волости с киевской левобережной территорией шла к устью р. Тетерев по естественным рубежам (болота Выдра и Вершина). К востоку от Лутавы граница проходила по р. Остер[24] до Белавежи. Далее граница захватывала верховья р. Ромен с г. Глеблем. В середине XII в. граница Черниговской земли продолжалась восточнее, к городам Попаш, Вьяхань и Вырь, но не была устойчивой. В первой половине XII в. территория Выря была переяславской. Поэтому граница Задесенья, предположительно от Глебля, шла меридианально к Сейму, восточнее г. Бахмача. Можно напомнить, что Бахмач и Глебль находились близ границы области распространения ямных погребений, которая, как отмечалось, совпадала с пределами «Русской земли».

Северной границей собственно черниговской территории можно считать болота Перистое и Замглай – естественный рубеж с радимичами X–XII вв. У восточных пределов этой территории (р. Сновь), в 30 км от Чернигова, находился один из главных городов второй составной части территориального ядра Черниговского княжества – Сновск.

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ЯДРО. НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЙ И СНОВСКАЯ ТЫСЯЧА. Крупнейшими городами Новгород-Северской территории являлись Новгород-Северский, Стародуб и Сновск. Есть основания предполагать, что древнейшим из них был Сновск, а младшим – Новгород.

Приблизительно в 20 км к востоку от Сновска находился Березый, в 30 км к востоку от Березыя – Хоробор (на р. Мене). К юго-востоку от Березыя (приблизительно в 25 км) находился Блестовит и близ впадения р. Убеди в Десну – Сосница[25]. Ропеск на р. Ирпе, недалеко от ее впадения в р. Сновь, входил в состав рассматриваемой территории. Он не подчинялся непосредственно Чернигову, как это явствует из описания событий 1158 г. Здесь Ярослав, брат новгород-северского Святослава Всеволодовича, встречал княгиню Изяслава Давыдовича, враждебного черниговскому князю[26]. В 24 км к востоку от Стародуба, на левом берегу р. Вабли, находился городок Синин мост, южнее, на правом берегу Судости, находился Радощ (современный Погар)[27]. Синин мост и Радощ, вероятно, были пограничными

---

[24] *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 60.

[25] *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 221–222, 231, 233.

[26] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 502.

[27] *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 229, 231. На карте А. Н. Насонова, вероятно, по ошибке картографа Синин мост и Радощ поменялись местами. Возможно, по той же причине Гуричев, находившийся приблизительно в 20 км к востоку от Чернигова, на карте неверно указан между Сновском и Березыем (Там же. С. 222).

пунктами. В 1155 г. Святослав Ольгович встречал тут Юрия Долгорукого. От Брянска и Трубчевска эти города отделены обширными лесами междуречья Судости и Десны.

К северу от р. Вабли находилась компактная территория Подесенья, не входившая, судя по данным середины XII в., в территориальное ядро Черниговской земли. Находящийся в Посемье Путивль, как и Подесенье, был вне области ямного обряда погребения и в собственно новгородскую территорию не входил. Об этом также свидетельствует черниговского происхождения фрагмент Ипатьевской летописи под 1146 г. Претендовавшие на территорию Новгорода-Северского и впоследствии захватившие ее Давыдовичи – Владимир и Изяслав – после пленения Игоря Ольговича киевским Изяславом Мстиславичем потребовали у Святослава Ольговича отказа от Новгород-Северского: «...поиди из Новагорода (к – Х.) Путивлю, а брата ся Игоря лиши»[28].

Границы второй составной части территориального ядра Черниговской земли определяются таким образом: на западе – по р. Снови, включая правобережную полосу со Сновском и Ропеском; на севере – по р. Вабле, севернее Стародуба и Синина моста; на северо-востоке – по р. Судости, на востоке – приблизительно по границе распространения ямных погребений, указанной И. П. Русановой; на юге – по Сейму и Десне. Восточная граница образовалась еще во второй половине IX в. как предел «Русской земли», северные же границы складывались в X – начале XI в.

Важной частью рассматриваемой территории были земли Сновской тысячи. Филарет Гумилевский заметил, что под понятием «Сновская тысяча» подразумевается определенная область в течении Снови. П. В. Голубовский очертил границы ее нижним течением Снови и правобережьем Десны до устья р. Мены, что было принято М. С. Грушевским и А. М. Андрияшевым[29]. Существенный шаг вперед в определении территории Сновской тысячи был сделан А. Н. Насоновым, ометившим и доказавшим вхождение в нее г. Стародуба. Исследователь впервые показал важное значение Сновской тысячи в сложении территориального ядра Черниговской земли как образования более древнего, нежели созданное в 1097 г. Новгород-Северское княжество. Однако А. Н. Насонов ошибочно считал, что в состав Сновской тысячи XII в. входил и Новгород-Северский.

Данными для определения этой территории А. Н. Насонову послужили известия о феодальной войне между киевским Изяславом Мстислави-

---

[28] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 329.

[29] *Филарет (Гумилевский).* Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. С. 110–111; *Голубовский П. В.* Историческая карта... С. 43–48; *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. С. 327–328; *Андрияшев А. М.* Нарис історії колонізації Сіверської землі до початку XVI віку. С. 104.

чем и его дядей Юрием Долгоруким. Сновская тысяча упомянута лишь однажды – при изложении событий 1149 г. в Ипатьевской летописи. Разбив 23 августа под Переяславлем киевского князя, Юрий и его союзник Святослав Ольгович вступили в Киев. Черниговские Владимир и Изяслав Давыдовичи были союзны Изяславу Мстиславичу, поэтому Святослав Ольгович, как победитель в усобице, обратился к Владимиру со словами «держиши отчину мою» и тогда взя Курескъ и с Посемьемь, и Сновьскую тисячю у Ислава (Изяслава Давыдовича. – *А. З.*) и Случьскъ, и Кльчьскъ и вси Дрегвичѣ»[30].

Святослав Ольгович был лишен своей отчины в декабре 1146 – январе 1147 г. коалицией Изяслава Мстиславича и черниговских князей. Новгород-Северский, Стародуб и, очевидно, Сновск достались Изяславу Давыдовичу[31]. Ретроспектируя известие 1149 г. на события 1147 г., А. Н. Насонов пришел к выводу, что Стародуб и Новгород входили в состав Сновской тысячи. Подтверждением этому служили данные статьи 1155 г. в Ипатьевской летописи[32], свидетельствующие о том, что Святослав Всеволодович (племянник Святослава Ольговича) кроме Стародуба владел и Сновском. Однако эти известия, несомненно свидетельствующие в пользу владельческого единства Стародуба и Сновска, не говорят определенно о Новгороде-Северском в составе Сновской тысячи.

Можно уточнить представления о Сновской тысяче середины XII в., выявив звенья, связывающие известия 1149 и 1147 гг. В начале 1149 г. Святослав Ольгович владел Новгородом-Северским: «Ростиславъ Смоленьскии проси дчери у Святослава у Ольговича за Романа, сына своего, Смоленьску; и ведена бысть из Новагорода в неделю по водохрещахъ, мѣсяца геньваря въ 9 дѣнь»[33]. Полная дата свидетельствует о современности записи и достоверности известия. Другое сообщение, восходящее к черниговскому летописанию[34], свидетельствует, что Новгород был возвращен Святославу летом 1147 г. После успешного освобождения Святославом «Вятичей» и прилегающих территорий «Изяславъ Давыдовичь из Новагорода иде Чернигову» и Давыдовичи запросили мира у Святослава: «“будемы вси за одинѣ мужь... а отцину свою възми и, что есми взяли твоего, то ти възворотимъ” – и цѣловаша крест, и не управиша»[35]. Этот союз послужил поводом к убийству в Киеве 19 августа 1147 г. старшего Ольговича – Игоря, что и позволяет определить дату его заключения. Замечание летописца

[30] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 384.
[31] Там же. Стб. 342.
[32] Там же. Стб. 477, 479; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 58.
[33] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 368.
[34] *Насонов А. Н.* История русского летописания... С. 106.
[35] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 342–343. Ср.: ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 40.

Святослава Ольговича «и не управиша» перекликается с известием 1149 г. об отчинах и, вполне очевидно, не относится к Новгороду-Северскому. Территории к востоку от Десны Святослав возвратил себе в походе первой половины 1147 г. Изяслав тогда же оставил Новгород, следовательно, речь шла о городах к западу от Новгорода, то есть о Сновской тысяче. Рассмотренные известия не позволяют включать в состав Сновской тысячи Новгород-Северский, поскольку, возвращая ее себе в 1149 г., Святослав уже с лета 1147 г. владел Новгородом.

Рассмотрим свидетельствующие в пользу владельческого единства Стародуба и Сновска известия статьи 1155 г. Ипатьевской летописи.

После смерти киевских князей Изяслава Мстиславича (13 ноября 1154 г.) и Вячеслава Владимировича (декабрь того же года) в Киев вступил (в конце декабря 1154 г. – начале января 1155 г.) черниговский Изяслав Давыдович. Уже в январе 1155 г. Юрий Долгорукий вошел в Смоленскую землю и двинулся через Черниговскую землю на юг[36]. У Синина моста Юрия встретил союзный ему Святослав Ольгович. Тогда же из Стародуба к ним прибыл Святослав Всеволодович, который повинился перед своим дядей Святославом, и Юрий по просьбе Святослава Ольговича примирился с запутавшимся в своих политических расчетах князем[37]. После этого все трое пошли в Стародуб и оттуда к Чернигову. Изяслав Давыдович вынужден был вернуться в Чернигов, и Юрий 20 марта занял киевский стол. «Тогды приѣха къ Святославу Олговичю сыновець его Святославъ Всеволодичь и цѣлова к нему хрест. Тогда же прида ему 3 городы, а Сновескъ собѣ отъя и Корачевъ, и Воротинескъ, занеже бѣ его отступилъ, и поиде Святославъ Олгович Сновьску»[38]. Таким образом, имеются свидетельства одновременного владения Святославом Всеволодовичем в 1155 г. и Стародубом и Сновском[39]. Упоминание Стародуба Ипатьевской летописью под 1156 г. имеется в искаженном при переписке или редакции тексте (возможно, уже в XII в.) и не позволяет судить о его владельческой принадлежности[40].

Когда Святослав Всеволодович получил эти города? Прямых указаний на Сновск и Стародуб, кроме рассмотренных, в предшествующие годы нет. Косвенные свидетельства позволяют использовать ретроспективные построения. Б. А. Рыбаков, отметив, что уже зимой 1153 г., по свидетельству Ипатьевской летописи, Святослав Всеволодович имел «свою волость», справедливо предполагает, что в это время он владел Сновском, Старо-

[36] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 469–477; Т. 1. Стб. 342–344.

[37] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 477; Т. 1. Стб. 344.

[38] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 479.

[39] Нет сомнения, что ни Воротынск (на Оке, в «Вятичах»), ни Корачев (центр «Лесной земли») в Сновскую тысячу не входили.

[40] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 484–485; Ср. Т. 25. С. 61.

дубом, Корачевым и Воротынском, полученными при разделе 1151 г.[41] Правда, он считает, что Сновск был получен от черниговского Изяслава Давыдовича, что накладывало на Святослава Всеволодовича вассальные обязанности по отношению к этому князю. Вопрос об отношении Святослава Всеволодовича к черниговскому и новгород-северскому князьям в 1151–1155 гг. в данном случае существенный.

Изяслав Давыдович вокняжился в Чернигове после сражения на р. Руте (12 мая 1151 г.), где Юрий Долгорукий и его союзники Святослав Ольгович, Святослав Всеволодович и Владимир Давыдович потерпели поражение (последний погиб в этой битве). После поражения Юрия у Переяславля-Русского (17 июля 1151 г.) Святослав Ольгович и Святослав Всеволодович обратились к черниговскому князю с предложением мира на условии раздела по отчинному принципу: «отцинѣ межи нама двѣ: одина моего отца Олга, а другая твоего отца Давыда, а ты, брате, Давыдовичь, а я Олговичь, ты же, брате, прими отца своего Давыдово, а што Олгово, а то нама даи». Изяслав «отцину има узвороти, а свою к собѣ прия»[42].

После этого Святослав Всеволодович резко изменил ориентацию и повел самостоятельную, по отношению к Святославу Ольговичу, политику. Он активно участвовал в походе на Городец-Остерский против замешкавшегося в Руси и тем самым нарушившего условия мира Юрия Долгорукого. Святослав же Ольгович уклонился от непосредственного участия в походе и демонстративно оказал Юрию почтительный прием после его поражения. Последующие события в Черниговской земле показывают, что Святослав Всеволодович и далее ориентируется на Изяслава Давыдовича и киевского Изяслава Мстиславича, выступая против Святослава Ольговича. Осенью 1152 г. он поспешил на помощь Изяславу Давыдовичу для обороны Чернигова, осажденного Юрием Долгоруким и Святославом Ольговичем. Следует предположить, что основные владения Святослава Всеволодовича находились в западной части «отчины» Ольговичей (Сновск, Стародуб), иначе ему не удалось бы своевременно соединиться с Изяславом. Был он и в числе князей, пришедших в феврале 1153 г. с Изяславом Мстиславичем к Новгороду-Северскому, и после осады ушел «в свою волость»[43].

Наиболее вероятно, если не очевидно, что именно эти действия Святослав Ольгович рассматривал в марте 1155 г. как измену и в наказание за них лишил своего племянника Сновска и других городов. Сновская

---

[41] *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 111.

[42] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 444. Известие восходит к черниговскому источнику; *Насонов А. Н.* История русского летописания... С. 107.

[43] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 456–457, 460.

тысяча была отчиной Ольговичей, и союз ее владельца с черниговским князем был изменой князю новгород-северскому.

П. В. Голубовский считал «соединение» Сновской тысячи со Стародубом во владении Святослава Всеволодовича случаем единичным, хотя отмечал вхождение ее после 1149 г. «в состав удела Стародубского»[44]. Для такого утверждения нет оснований. Более того, вопрос о Стародубе как особой территории при переделах и отчинных спорах не поднимался. Речь шла о Сновской тысяче (1149 г.), о Сновске (1155 г.), обладание Сновском подразумевало и владение Стародубом.

Известия о Стародубской волости появляются лишь в конце 60-х – середине 70-х гг. XII в., но они не позволяют судить о ее соотношении со Сновской тысячей, ибо после известия 1155 г. Сновск упомянут лишь в статье 1203 г. Радзивилловской летописи и в статье 1234 г. Ипатьевской летописи[45]. После же сообщений о событиях 1174 г. Стародуб на два столетия исчезает со страниц летописей. Однако известия 60–70-х гг. XII в. о Стародубе могут служить для уточнения данных об отношении Сновской тысячи к Новгороду-Северскому и Чернигову.

В 1166/67 г. после смерти вщижского князя Святослава Владимировича черниговский Святослав Всеволодович отдал выморочный Вщиж сыну, а «лепшую»[46] волость дал своему брату Ярославу. Центром второй, лучшей волости вщижского князя был Стародуб[47]. Двоюродный брат Всеволодовичей – новгород-северский Олег Святославич, считая незаконным получение Ярославом Стародуба, потребовал у черниговского князя «в Правду наделения». Его поддерживали сами стародубцы. Киевский Ростислав Мстиславич также признал право Олега на Стародуб, «усмотривъ Правду… много же посыла Ростиславъ къ Святославу, веля ему у Правду надѣлити Олга». После военных действий Святослав дал Олегу четыре каких-то города[48]. Дальнейшие события показали, что новгород-северский князь не был удовлетворен этим наделением и в 1174 г. вновь попытался овладеть Стародубом.

---

[44] *Голубовский П. В.* Историческая карта… С. 47–48.

[45] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 419; Т. 2. Стб. 772.

[46] Отдельные волости были неравноценны в глазах князей: «лепшей» волостью представлялся Торческ в споре между волынским Романом Мстиславичем и киевским Рюриком Ростиславичем в 1195 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 683).

[47] Вероятно, Святослав Владимирович получил Вщиж в 1157 г. в связи с вокняжением Изяслава Давыдовича в Киеве. А. Н. Насонов ошибочно считал, что Святослав Владимирович сидел в 1158 г. в Новгород-Северском (последнему в ту пору было не более 13 лет: его отец женился в 1144 г.), однако летопись сообщает, что в 1157 г. Новгород достался Святославу Всеволодовичу (*Насонов А. Н.* «Русская земля»… С. 58–59; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 317, 490). Вщижский князь получил Стародуб, вероятно, от Святослава Ольговича, не ранее неудачной осады Вщижа и мира в начале 1160 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 508–509; Ср. Т. 1. Стб. 350).

[48] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 525–526.

В начале 1174 г., когда в Киеве вокняжился луцкий князь Ярослав Изяславич, черниговский Святослав Всеволодович потребовал у него наделения в Киевской земле. Ярослав ответил отказом, после чего Святослав взял «изъездом» Киев. Ярослав Изяславич, не успев «совокупиться с братьею» (то есть Ростиславичами), бежал из Киева. Святослав Всеволодович захватил имущество Ярослава, его семью, дружину и возвратился в Чернигов. Все это произошло в марте 1174 г.[49]

Вслед за этим новгород-северский Олег Святославич договорился со своими шуринами Ростиславичами (Рюриком и Давыдом) и Ярославом Изяславичем о совместных действиях. Вступив в Черниговскую землю, Ярослав и Ростиславичи сожгли Лутаву и Моровийск, однако Святославу Всеволодовичу удалось заключить с ними перемирие. Тем временем Олег «с братома» (т.е. Игорем и Всеволодом Святославичами) подошли к Стародубу, но, не взяв города, отступили. Последовало вторжение Святослава и Ярослава Всеволодовичей, осада Новгорода-Северского, и Олег вынужден был просить мира.

Это событие излагается в Ипатьевском своде дважды: в конце статьи 6682 (1174) г. и в конце статьи 6683 (1175) г. Первый вариант текстуально совпадает с рассказом статьи 6683 (1175) г. Лаврентьевской летописи. Местами совпадение неполное, есть разночтения, но важно отметить, что в Ипатьевской летописи опущено сообщение о походе Ярослава в Черниговскую землю: «...и много зла створивъ Кыеву поиде Чернигову»[50]. С восстановлением этого пропуска становится ясным совпадение основных фактов в двух указанных фрагментах: одновременное нападение Олега Святославича с востока и Ярослава с Ростиславичами с запада на Святослава Всеволодовича (в первом отрывке участие в походе Ростиславичей несомненно, ибо Ярослав в марте лишился дружины, более того – со своей дружиной и киевлянами, но без Ростиславичей он не сумел даже защитить в то время Киев); сепаратный мир правобережных князей со Святославом (то есть их фактическое предательство); тяжелое поражение Олега Святославича.

---

[49] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 578–579; Н. Г. Бережков (*Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 190) датировал это событие февралем–мартом 1174 г. В Типографской летописи в статье 1174 г. указан март, и о захвате Киева Святославом сообщено дважды. (ПСРЛ. Т. 24. Стб. 82). Об уникальности этого известия см.: *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 287.

[50] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 367; Т. 2. Стб. 579. Ср. стб. 599–600. До настоящего времени эти известия Ипатьевской летописи оценивались как два разных события (*Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. 190–193). Рассматриваемый текст находится в комплексе известий, совпадающих с Лаврентьевской летописью и попавших в южнорусское летописание, вероятно, из той северо-восточной летописи, которая, по мнению А. Н. Насонова, на исходе XII или в XIII в. служила источником для Ипатьевского свода, но порядок известий в Ипатьевской летописи несколько иной (*Насонов А. Н.* История русского летописания... С. 116, 157–158).

Рассматриваемые события в обоих случаях связаны с вокняжением Романа Ростиславича в Киеве, что позволяет уточнить хронологию событий.

В первом отрывке за военными действиями следует просьба Ростиславичей к Андрею Боголюбскому дать Киев их брату – смоленскому Роману. Во втором же говорится, что Ярослав Изяславич, узнав о намерениях Ростиславичей, оставил Киев, где в вокняжился Роман. Следовательно, описанная в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях борьба произошла между мартом (захват Киева Святославом) и 29 июня 1174 г. (гибель Андрея). Учитывая распутицу (конец марта – начало апреля) и время на сношения с Андреем (не позже июня), эту усобицу следует датировать концом апреля – маем 1174 г. Поскольку Роман Ростиславич вокняжился в Киеве не позже конца 1174 г. (в это время смоленский стол уже занимал его сын Ярополк, изгнанный из Смоленска в начале 1175 г.)[51], «вторую» усобицу можно датировать лишь 1174 г. Учитывая общую политическую обстановку, весьма трудно допустить, что в краткий отрезок времени (максимум полгода) на одной территории произошли два столь сходных события.

Упорное стремление новгород-северского князя возвратить себе Стародуб, подкрепленное ссылкой на законность («Правду»), показывает, что отделение Стародуба от собственно Новгород-Свеверской волости было явлением новым, и подчеркивает длительность, устойчивость административного подчинения Стародуба и всей Сновской тысячи Новгороду-Северскому. С 1160 г. до первых десятилетий XIII в. в Черниговской земле известны лишь две военные усобицы – столкновения именно из-за Стародуба в 1167 и 1174 гг.

С конца XI в., с установлением в Черниговской земле Новгород-Северского княжения, и до середины XII в. Сновская тысяча была в составе Новгородской волости. Поэтому при чтении источника и создается впечатление вхождения Новгорода-Северского в Сновскую тысячу, т.е. представление, противоположное действительному положению вещей. Игорю Ольговичу до его пленения в августе 1146 г. принадлежала не Сновская тысяча, а Новгород-Северский, и в его волость входил Сновск. Давыдовичи требовали от Святослава: «“поиди из Новагорода Путивлю, а брата ся Игоря лиши”. Святославъ же рече: “ни волости хочю, ни иного чего, развѣ толико пустите ми брата”»[52]. Изяслав Мстиславич делил, изгнав Святослава, не Сновскую тысячу, а Новгород, Путивль, Курск. Давыдовичи получили волость Игоря – Новгород-Северский и волость Святослава – Путивль. Курск отошел к Переяславлю[53]. О Сновской тысяче или о Стародубе при разделах 1146–1147 гг. не упоминалось вовсе.

---

[51] НПЛ. С. 34, 223; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 374; Т. 2. Стб. 598.

[52] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 329.

[53] Там же. Стб. 329, 337, 346–347.

Трудно выявить рубеж Сновской тысячи и Новгорода-Северского. П. В. Голубовский предполагал, что им была р. Мена, на которой находился г. Хоробор. В этом городе в 1153 г. был заключен мир между Изяславом Давыдовичем и Святославом Ольговичем, после чего они «разъѣхастася кождо въ свояси». П. В. Голубовский справедливо полагал, что для заключения мира чаще всего избирались пограничные города[54].

Итак, возникшая в X в. (судя по данным курганных могильников) раннефеодальная территориальная единица – «тысяча» стала в конце XI в. частью новой административной территориальной единицей (Новгород-Северского княжества) и отделилась от нее (в целом или своей северной частью – Стародубом) в середине XII в. уже как волость. Состоялся передел ядра земли-княжения: новгород-северская территория в конце 40-х гг. XII в. оказалась разделенной на две части, а с конца 60-х гг. ее западная часть стала тянуть к Чернигову.

ЧЕРНИГОВ И СНОВСКАЯ ТЫСЯЧА. Несомненна связь Сновской тысячи с Черниговом в X–XI вв. Об этом свидетельствуют и местоположение Сновска, и археологические материалы Седнева-Сновска[55]. Не вызывает возражений и указанная А. Н. Насоновым связь Сновской тысячи с распространением дани и княжеского суда, с государственным освоением значительной части территории будущего Черниговского княжества[56]. Важное военное значение Сновской тысячи для Чернигова подтверждают события 1068 г., когда Святослав Ярославич именно под Сновском разбил половцев, а также то, что изгнанный из Чернигова в 1096 г. Олег Святославич бежал в Стародуб, выдержавший 33-дневную осаду[57].

Сновская тысяча – более древнее образование, нежели Новгород-Северское княжество, возникшее после Любечского съезда, и до 1097 г., несомненно, существовало административное подчинение Сновска Чернигову, которое затем начало слабеть в связи с появлением княжеского стола в Новгороде-Северском.

Возникает вопрос: не дают ли свидетельства о том, что Новгород-Северский не входил в середине XII в. в территорию Сновской тысячи, основания считать Новгород вне пределов Сновской тысячи и в X–XI вв.? Дать определенный ответ на этот вопрос в настоящее время не представляется возможным. Географическое положение Новгорода-Северского аналогично положению Стародуба – на границе «Русской земли», что свидетельствует как будто в пользу первоначального вхождения Новгорода

---

[54] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 465; *Голубовский П. В.* Историческая карта... С. 42–49.

[55] *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 57–59, 66–67.

[56] Там же. С. 63–64.

[57] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 170, 230; Т. 2. Стб. 161, 220–221.

в состав Сновской тысячи в X–XI вв. По археологическим данным уже нельзя увидеть аналогию со Стародубом: древнейшие курганы окрестностей Стародуба дают материал, близкий к курганам Сновска, близ Новгорода такие курганы неизвестны. Правда, это может говорить лишь о более позднем возникновении города, подчеркнутом и самим его названием – Новый город. Дальнейшие археологические исследования смогут уточнить наши представления о Сновской тысяче X–XI вв.

Итак, можно лишь предполагать вхождение Новгорода-Северского в состав Сновской тысячи в X–XI вв. Возможно, что Новгород был избран Олегом как новый центр по той же причине, какая заставила позже Андрея Боголюбского перенести стол из Суздаля во Владимир. В старых центрах, Сновске и Стародубе, была сложившаяся феодальная знать, которая могла несколько сдерживать князя. В сравнительно молодом городе князь мог создать более надежную опору для своего стола. Если это предположение верно, то решающий шаг к ликвидации Сновской тысячи как территориальной единицы был сделан в конце XI в., когда Новгород-Северский перестал быть частью Сновской тысячи, а Сновская тысяча стала составной частью собственно Новгород-Северской волости. Эти соображения позволяют оставить в силе тезис А. Н. Насонова о двух частях древнего территориального ядра Черниговской земли. Именно к территории Сновской тысячи с востока и севера начиная с X в. постепенно «прирастали земли восточных северян, вятичей и радимичей»[58].

ПОСЕМЬЕ. КУРСК. Особое место в Черниговском княжестве первой половины XII в. занимало Курское Посемье, переходившее то к Чернигову, то к Переяславлю[59]. О первоначальной владельческой принадлежности Курска нет единого мнения. В. Г. Ляскоронский о принадлежности Курска писал неопределенно; П. В. Голубовский считал, что Курск был временно у Всеволода Ярославича, а в 1097 г. «был возращен Северской земле»; В. В. Мавродин, ссылаясь на указанных авторов, писал о принадлежности Курска по разделу Ярослава к Переяславскому княжеству, но не привел новых аргументов[60].

М. П. Погодин доказывал принадлежность Курска Переяславскому княжеству, выдвигая два основных довода: в 1096 г. Курском владел Изяслав Владимирович, сын Мономаха, и при Мстиславе и Ярополке Владимировичах он также был во владении Мономашичей[61]. С. М. Соловьев считал,

---

[58] *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 67.

[59] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 320; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 60.

[60] *Ляскоронский В. Г.* История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII ст. 2-е изд. Киев, 1903. С. 51, 290–291; *Голубовский П. В.* История Северской земли... С. 63, 100; *Мавродин В. В.* Очерки истории Левобережной Украины. С. 155–157.

[61] *Погодин М. П.* Разыскания о городах и пределах... С. 96–97.

что до 1127 г., когда в Курске был посажен Изяслав Мстиславич, город принадлежал Чернигову[62], но в полемике с М. П. Погодиным С. М. Соловьев высказал неаргументированное предположение, что в 1096 г. Курск был захвачен Изяславом у Святославичей.

Спор о принадлежности Курска в исторической литературе отражает противоречия источников о Курском Посемье. Поэтому проблему следует рассмотреть на протяжении длительного отрезка времени.

В Курске первой половины XI в. было посадническое управление, контролировавшееся, вероятно, непосредственно из Киева. В «Поучении» Мономаха есть свидетельство о принадлежности Курска Всеволоду Ярославичу[63]. С. М. Соловьев и (с дополнительными аргументами) И. М. Ивакин доказали, что первый «путь» Мономаха – «первое к Ростову идохъ сквозѣ Вятичѣ, посла мя отець, а самъ иде Курьску» – относится к осени 1068 г. Эта дата принята в настоящее время Д. С. Лихачевым и с дополнительными аргументами В. А. Кучкиным[64]. В условиях половецкого нападения, после киевского восстания 15 сентября 1068 г., Всеволод ушел от опасности в дальний Курск. Черниговский же Святослав разбил 1 ноября у Сновска численно превосходящих половцев[65]. Курск в данном случае действовал обособленно от Чернигова, активно выступающего против половцев. Естественно, что бегство Всеволода не описано дружественными ему и его сыну летописцами, оно лишь между прочим упомянуто в рассказе Мономаха о своем первом походе.

Следующее упоминание Курска в Повести временных лет связано с борьбой Изяслава и Мстислава Владимировичей против Олега и Ярослава Святославичей в начале 1096 г. Это известие – «в се же время приде Изяславъ, сынъ Володимерь ис Курска к Мурому, и прияша и Муромци, и посадника я Олгова»[66] – можно считать прямым указанием на принадлежность Курска Изяславу Владимировичу, сыну переяславского князя Владимира Мономаха, ибо, судя по «Поучению» Мономаха, сам Курск не вызывал споров в усобице 1096 г.[67]

Однако из статьи 6635 (1127) г. Лаврентьевской летописи, где содержатся следующие упоминания Курска, уже следует, что город принадлежал

---

[62] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 1. Т. 1. М., 1959. С. 277–278.

[63] *Голубовский П. В.* История Северской земли... С. 63. Примеч. 2.

[64] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 247; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. С. 695–696; *Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1: Поучение детям. Письмо к Олегу и отрывки. М., 1901. С. 146; ПВЛ. Ч. 2. С. 439–440; *Кучкин В. А.* Ростово-Суздальская земля в X – первой трети XIII в.: (Центры и границы) // ИССР. 1969. № 2. С. 66–67.

[65] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 170; Т. 2. Стб. 161.

[66] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 229; Т. 2. Стб. 220.

[67] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 254. Ср.: Стб. 236–240; Т. 2. Стб. 226–230.

до 1127 г. Черниговскому княжеству. Статья несколько сокращена, но почти дословно совпадает со статьей 6636 (1128) г. Ипатьевской летописи (исключая сообщение о смерти Брячислава Святополчича, отсутствующие в ипатьевском тексте)[68]. Причем и в первом рассказе (захват Чернигова Всеволодом Ольговичем и последовавшая усобица) и во втором (поход на Полоцк) упоминания о Курске в ипатьевском тексте отсутствуют. В первом случае, считал А. Н. Насонов, «рукою переяславца вписано, что Ярополк Переяславский посадил посадников по Семи, а в Курске – Изяслава Мстиславича», а во втором (фрагмент: «...и сына своего Изяслава ис Курьска с своим полком посла и на Логожескъ, а другаго...») – переписчик переступил строку[69].

Мнение о переяславской вставке недостаточно убедительно. Лаврентьевская летопись дает связный рассказ. В начале 1127 г. Всеволод Ольгович изгнал своего дядю Ярослава Святославича из Чернигова, после чего послал за половцами, готовясь отстоять захваченное. Половцы пришли «и сташа у Ратьмирѣ дубровы за Выремь, послали бо бяхуть послы ко Всеволоду. И не пропустиша их опять; Ярополчи бо бяхуть посадници по всеи Семи и Мстиславича Изяслава посадилъ Курскѣ». Не дождавшись посланцев, половцы бежали. В Ипатьевской летописи при текстуальном совпадении включительно до известия о том, что половцы направили послов ко Всеволоду, несомненно опущено, что половцев захватили на обратном пути, а также сообщения о посажении посадников и Изяслава Мстиславича, ибо совершенно неуместно сохранилось начало фразы о посадниках: «Ярополчи бо бяху посадничи...»[70]

Странно видеть в одной статье два случайных пропуска, касающихся именно Курска; здесь можно заподозрить умышленное, хотя и небрежное редактирование. Известно, что в Лаврентьевской летописи местами сохранились (в переяславском сокращении) фрагменты более раннего по сравнению с сохранившимся в Ипатьевской летописи киевского текста[71]. К их числу следует отнести и два интересующих нас упоминания о Курске.

То, что в августе 1127 г. Мстислав отправил в поход на Полоцк в числе других князей «Изяслава ис Курьска» и черниговского Всеволода Ольговича, свидетельствует о примирении последнего с Мстиславом Владимировичем, как считали М. С. Грушевский и А. Е. Пресняков, ценою Курска[72].

---

[68] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 296–298; Т. 2. Стб. 290–292.

[69] *Насонов А. Н.* История русского летописания... С. 98–100. Второй случай гаплографии отмечен там же А. Н. Насоновым ошибочно: текст «водя с собою и Брячислава...» сохранился и в Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 298; Т. 2. Стб. 292).

[70] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 296–297; Т. 2. Стб. 290–291.

[71] *Насонов А. Н.* История русского летописания... С. 99–101, 111.

[72] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 132. Примеч. 2; *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси. СПб., 1909. С. 76. Примеч. 3.

Дальнейшие события (конец 1132 г. – январь 1136 г.) подтверждают то, что Курск был отнят в 1127 г. у Чернигова. В это время произошла усобица из-за Переяславля, и Всеволод Ольгович был в союзе с внуками Мономаха Мстиславичами, претендовавшими на переяславский стол. Мстиславичи вышли из борьбы в конце 1134 – начале 1135 г. Всеволод же Ольгович продолжал борьбу до 12 января 1136 г., когда был заключен мир: «...и вда Ярополкъ Олговичемъ отчину свою (отчину свою ко Олговичем – Х.), чего и хотѣли»[73].

Чего же хотели Ольговичи? На то, что претензии Всеволода Ольговича были связаны с территорией Переяславского княжества, указывают его требования и последовавшие походы на Переяславль в 1135 г.: «...пакы Олговичи начаша просити у Ярополка: "что ны отець держалъ при вашемъ отци, того же и мы хочемъ"»[74]. В Левобережье известна лишь одна отчина Мономашичей, оказавшаяся впоследствии в Черниговской земле, – Курское Посемье. О том, что Ярополк отдал Ольговичам Курск, свидетельствует Новгородская I летопись: в 1137 г. в Новгород для помощи Святославу Ольговичу в борьбе со Всеволодом Мстиславичем, изгнанным новгородцами и закрепившимся в Пскове, прибыл Глеб Ольгович с курянами и половцами[75].

Обращает на себя внимание ссылка Ольговичей на то, что их отец, Олег Святославич (умер в 1115 г.) держал Курск при Мономахе (то есть не позже 1113–1115 гг.). Очевидно, это дало Святославу Ольговичу некоторое основание назвать в 1149 г. «Курск с Посемьем» первым в числе своих «отчин», взятых у Давыдовичей[76].

Из статьи 6647 (1139) г. Лаврентьевской летописи видно, что в Курске после Глеба княжил Святослав Ольгович. Однако это известие («...и тогда Всеволодъ приведъ брата ис Курьска Святослава и иде с ним /к – РА./ Переяславлю на Андрѣя...») отсутствует в текстологически одинаковом с лаврентьевским текстом фрагменте статьи 6648 (1140) г. Ипатьевской летописи[77]. В обоих отрывках сохранились, однако, слова сына Мономаха – Андрея: «...отец мои Курьскѣ не сѣдѣл, но вь Переяславли» («мой отец сидел не в Курске, а в Переяславле»). В рассматриваемой статье можно видеть то же механическое изъятие свидетельства о владельческой принадлежности Курска, что и в описании 1127 г.

---

[73] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 299–300.

[74] Там же. Стб. 296–297.

[75] НПЛ. С. 25, 210. Радзивилловская летопись сообщает дату смерти Глеба – осень 1138 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 306); *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. С. 277. *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 320.

[76] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 384.

[77] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 307–308; Т. 2. Стб. 304–305.

До конца 1146 г. Курск принадлежал Ольговичам. В 1146 г., после занятия киевского стола Изяславом Мстиславичем, Святослав Ольгович, вступив в союз с Юрием Долгоруким против Изяслава, дал Курск сыну Юрия – Ивану, о чем сообщает черниговское известие Ипатьевской летописи[78]. Однако вскоре после изгнания Святослава Ольговича Курск перешел к переяславскому Мстиславу, сыну Изяслава Мстиславича[79]. В 1147 г. при приближении к Курску Святослава Ольговича и Глеба Юрьевича, сменившего умершего брата Ивана, куряне будто бы сказали Мстиславу: «...оже се Олгович, ради ся за тя бьемъ и с дѣтьми, а на Володимире племя, на Гюргевича, не можемъ рукы подьяти»[80], – то есть сами куряне признавали власть Мономашичей, а не Ольговичей. После этого куряне послали к Глебу, и тот посадил в Курске и Посемье своих посадников. Известно также (из переяславского, по мнению А. Н. Насонова, известия), что Глеб уже тогда претендовал на Переяславское княжение[81].

Осенью 1149 г., когда Юрий Долгорукий впервые занял киевский стол, Курск, как мы видели, принадлежал уже Давыдовичам, у которых его «взя» Святослав Ольгович.

Последнее упоминание о Курске в связи с Переяславлем относится к 1151 г. В переговорах с Юрием Долгоруким его брат Вячеслав, бывший номинальным киевским князем при Изяславе Мстиславиче, обращается к Юрию: «...поѣди же у свои Переяславль и в Курескъ». В данном случае киевский летописный текст[82] свидетельствует о Курске и Переяславле как о двух территориях, находящихся в одном владении – владении Юрия. Вероятно, Святослав Ольгович, возвратив себе Курск, отдал его Юрию согласно прежней договоренности, по которой Курск принадлежал Ивану и Глебу Юрьевичам. Следующее упоминание о Курске сделано в статье 1161 г.[83], где сказано о том, что Олег – сын княжившего в Чернигове Святослава Ольговича – «нача ся просити у отца Курьску», то есть к этому времени Курск вошел в Черниговскую землю.

Рассмотренные известия позволяют сделать следующие выводы. Источники отражают спорность изучаемой территории в первой половине XII в., причем если о владении Сновской тысячей споры шли только между внуками Святослава и Давыдовичи признавали отчинные права Ольговичей, то о Курске спор шел между Ольговичами и Мономашичами, и в борьбе

---

[78] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 332; *Насонов А. Н.* История русского летописания... С. 105.

[79] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 330, 355.

[80] Там же. Стб. 355.

[81] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 319; Т. 2. Стб. 359–360; *Насонов А. Н.* История русского летописания... С. 85.

[82] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 430–431; *Насонов А. Н.* История русского летописания... С. 94.

[83] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 313.

с Мстиславичами Ольгович уступал Курск младшему Мономашичу. Население Курского Посемья недоброжелательно относилось к Ольговичам. Мономашичи, владевшие Курском, либо сидели на переяславском столе, либо претендовали на него, – и это свидетельствует о длительной связи Курска с Переяславлем. Эту связь можно объяснить не только участием переяславской знати в покорении восточных северян в X в., но и пограничным положением Курска, примыкавшего к возглавляемой Переяславлем системе обороны южных рубежей Левобережной Руси.

Владельческую преемственность Курска можно представить так: по «завещанию Ярослава» он входил в состав Переяславской земли. Не позже чем с 1113 г., а возможно, и с конца XI в. (после Любечского и Уветического съездов) по 1115 г. Курск принадлежал Олегу Святославичу и до 1127 г. входил в Черниговскую землю. В 1127 г. в Курске княжил Изяслав Мстиславич, а затем до 1136 г. в нем были посадники из Переяславля. С 1136 по 1138 г. в Курске княжил Глеб Ольгович, затем его брат Святослав, и до конца 1146 г. Курск входил в состав Черниговской земли, подчиняясь Новгороду-Северскому. В конце 1146 г. Курск получил ненадолго Иван Юрьевич; в 1147 г., до августа, в нем были посадники Мстислава Изяславича, затем, до осени 1148 г. – посадники Глеба Юрьевича. С осени 1148 г.[84] по июль – август 1149 г. в Курском Посемье были посадники Давыдовичей; затем Курск отошел к Святославу Ольговичу, но уже в начале 1151 г. он назван во владении Долгорукого. В 50-х гг. XII в. судьба Курска недостаточно ясна. Возможно, до весны 1152 г. в нем сидел Василько Юрьевич, оставленный отцом в помощь Святославу Ольговичу[85]. Затем там, видимо, правили посадники переяславского Мстислава Изяславича. Во второй половине 1154 г. на Левобережье появился и в декабре вокняжился в Переяславле Глеб Юрьевич. Вероятно, в это время Курск тянул к Переяславлю. Только в конце 50-х гг., скорее всего со смертью Долгорукого, Курск окончательно отошел к Черниговской земле. Итак, за сто лет (после смерти Ярослава) Курск принадлежал Черниговскому княжеству около 40, а Переяславскому – около 60 лет.

Рассмотрев историю владельческой принадлежности Курска, можно сделать следующее наблюдение: изъяв из текста Киевского свода в составе Ипатьевской летописи черниговские вставки, отмеченные А. Н. Насоновым, мы не найдем в нем указаний на владение Курском Изяславом Мстиславичем и черниговскими князьями. Вместе с тем такие указания были в более ранней редакции Киевского свода, сохранившейся (в сокращенных отрывках) в составе Лаврентьевской летописи.

---

[84] Изгнание Глеба связано со съездом в Городце Остерском осенью 1148 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 320; Т. 2. Стб. 366–367).

[85] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 339; Т. 2. Стб. 458–459.

На первый взгляд исключением представляется известие 6657 (1149) г. о Курском Посемье, которое А. Н. Насонов не указал среди черниговских вставок статьи 6657 (1149) г. Ипатьевской летописи[86]. Однако отнести это известие к числу бесспорно киевских или переяславских нельзя, ибо оно не отразилось в Лаврентьевской летописи. Трудно предполагать, что киевский или переяславский летописец включил в число отчин новгород-северского князя земли дреговичей, названные в 1142 г. волостью киевской (Клеческ)[87], а также Курск – отчину и дедину Мономашичей. В Киевской летописи следовало бы ожидать сообщение о том, что Юрий Долгорукий дал эти территории Святославу, но мы узнаем, что последний сам «взя» их. Более всего вероятно, что это текст летописца Святослава Ольговича. Он произвольно подвел под понятие отчины названные территории, воспользовавшись прецедентом держания его отцом Курска.

В первой половине XII в. на Курск претендовали Долгорукий с сыновьями, Изяслав Мстиславич и его сын Мстислав, а также черниговские князья. Поскольку кроме сообщений о Курске во владении черниговских князей были изъяты и известия о Курске во владении Изяслава, то, вероятнее всего, в такой редакции был заинтересован Юрий Долгорукий[88]. Можно предположить редакцию киевского летописания Юрием Долгоруким, проведенную в конце его правления и не нашедшую отражения в летописании Переяславля-Русского (отразившегося в Лаврентьевской летописи).

Каковы были границы Курского Посемья? Кроме Курска здесь упомянуты Ольгов и Рыльск, следовательно, западная граница проходила между Рыльском и Путивлем (западнее «гнезда» поселений вокруг Рыльска). Северная граница, вероятно, находилась в районе г. Крома, ибо известно, что в 1147 г. из Мценска Святослав Ольгович и Глеб Юрьевич «поиде къ граду /Крому – Х./ на Изяславича» Мстислава, который тогда владел Курском[89]. Впрочем, неясно, входил ли Кром в Курское княжество или только находился вблизи его границы.

Восточная и юго-восточная границы русских земель ориентировочно указаны С. А. Плетневой: от верховьев Сейма в направлении к верховьям Северского Донца и г. Донца (Донецкое городище на р. Уды близ современного Харькова). Северо-восточнее Донецкого городища обнаружены

---

[86] *Насонов А. Н.* История русского летописания... С. 106–107.

[87] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 310–311.

[88] Возможно, Юрий был заинтересован в изъятии сообщения 1132 г. (сохранившегося в лаврентьевском тексте и механически изъятого в ипатьевском фрагменте) о том, что Переяславль был завещан Мономахом Мстиславу и Ярополку и, что последний договорился с Мстиславом о передаче этого стола сыновьям последнего – Всеволоду и Изяславу (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 301–302; Т. 2. Стб. 294–295. Ср.: *Насонов А. Н.* История русского летописания... С. 84, 116).

[89] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 342. Ср. стб. 355.

древнерусские городища XII–XIII вв.[90] Отнесение их и территории между Пслом и р. Уды к землям Курского княжества возможно с учетом того, что при постоянной половецкой угрозе заселенность этих лесостепных окраин была невелика (С. А. Плетнева указывает три городища). Нужно предполагать, что характер освоения этих земель был схож с сезонным промысловым использованием лесных угодий того же района в виде «бортных ухожаев» жителями Путивля XVI–XVII вв.[91] Эта территория (курско-харьковский участок лесостепи) представляла собой клин, врезавшийся в степи с севера. За восточной границей Курского Посемья, указанной С. А. Плетневой, в районе рек Воронеж и Битюг известны неукрепленные поселения, связываемые исследовательницей с бродническими группами окраин лесостепи[92].

Устойчивой южной границей Курского Посемья, или собственно Курской волости первой половины XII в., было верхнее течение р. Псла. Если южная граница курских земель и отходила к северу, то не далее Псла. В разгар усобицы 1147 г. заняв Курск, «посажа посадникы свои Глѣбъ Гюргевичь по Посѣмью за полем» (Глеб – сын Долгорукого)[93]. Под «полем», вероятно, подразумевались безлесные земли междуречья Сейма и Псла. Крутой правый берег и дубравы вдоль течения Псла были удобны для обороны Посемья. Возможно, в районе современного г. Сумы, где течение Псла обращается к югу, шла граница Курского Посемья с территорией г. Вырь, куда беспрепятственно проходили половцы в 1113, 1127 гг. и во второй половине XII в.

ВЫРЬ. Город Вырь упомянут в Повести временных лет (1113 г.) и в «Поучении» Мономаха, когда к городу, осажденному половцами, поспешил только что севший на киевском столе Владимир, сюда же пришел на помощь и Олег Святославич[94]. Территория этого города и тянувших к нему городов (Зартый – на Сейме, выше устья р. Вир; Попаш – в верховьях Сулы и Вьяхань – на р. Терн)[95] располагалась между верховьями Сулы и Сеймом, западной границей соприкасаясь с Задесеньем. Под 1147 г. летопись упоминает

---

[90] *Плетнева С. А.* О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время // КСИА. Вып. 99. М., 1964. С. 24–28, 30. Рис. 11. Вероятно, г. Донец, отдаленный от черниговских и переяславских центров и близкий к половецким кочевьям, временами занимал особое положение по отношению как к половцам, так и к русским княжествам.

[91] *Шеломанова Н. Б.* Образование западной части территории России в XVI в. в связи с ее отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971. С. 26.

[92] *Плетнева С. А.* О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время. С. 30–31.

[93] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 356.

[94] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 276.

[95] *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 223, 225, 229.

вырские города как принадлежащие киевскому Изяславу Мстиславичу. Они отказались подчиниться захватившему Курск Глебу Юрьевичу и пришедшему к нему на помощь Изяславу Давыдовичу, заявив: «князь у нас Изяслав»[96]. Эта волость занимала важное место в системе обороны русских земель от нападений с юго-востока; и за окончательным присоединением к Черниговской земле Курского Посемья последовало присоединение Выря – в конце 50-х гг. здесь поневоле вокняжился изгнанный из Киева Изяслав Давыдович.

Вырь в дальнейшем тянул к Новгороду-Северскому, о чем косвенно свидетельствуют события 1185 г., последовавшие за поражением Игоря Святославича, героя «Слова о полку Игореве». В то время как Кончак выступил к Переяславлю, хан Кза напал на земли Игоря, направляя удар на Путивль («поидем на Семь, готовъ намъ полонъ собранъ, емлем же городы без опаса»). В этом походе он не мог миновать территорию г. Выря, которую Б. А. Рыбаков справедливо называет «воротами Русской земли»[97]. Территория Выря оказалась в результате гибели Игоревых дружин незащищенной, что свидетельствует в пользу того, что она тянула к Новгороду, а не к Чернигову; присоединение этой территории к черниговскому Задесенью неправомерно.

ПУТИВЛЬ. Географически расположенный в Посемье Путивль не входил в политическое территориальное понятие «Курск с Посемьем». Путивль, как отмечалось, находился за пределами области распространения ямных погребений, а следовательно, и «Русской земли». В 1146 г., отдав Ивану Юрьевичу Курск с Посемьем, Святослав оставил за собой Путивль[98]. Захватив земли Ольговичей, Изяслав Мстиславич Давыдовичам «изискалъ: ото Новгородъ и что Святославлѣ волости», то есть волости Игоря и Святослава; «а волости Святославли и Игоревѣ далъ вам есмь... Святослава прогналъ, а волость вам есмь изискалъ и далъ Новьгородъ и Путивль»[99]. Итак, Путивль – одна из волостей Святслава, и вполне очевидно, что во время нахождения Курска в Переяславском княжестве Путивль был в Черниговской земле.

Следует внимательно приглядеться к территории, прилегающей к ядру Черниговской земли. К нему в первой половине XII в. не примыкали непосредственно радимичи, вятичи или восточные северяне. События середины XII в. позволяют выявить некоторые черты административно-территориальной структуры Черниговского княжества.

---

[96] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 356.

[97] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 645; *Рыбаков Б. А.* Политическое и военное значение южной «Русской земли»... С. 77.

[98] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 332.

[99] Там же. Стб. 333–334, 337, 346–347.

ПОДЕСЕНЬЕ. ВЩИЖ И ОРМИНА. В 1142 г. черниговские князья вступили в усобицу со своим старшим братом – киевским Всеволодом Ольговичем (1139–1146 гг.). Поводом послужили перемещения в Киевской земле, вызванные смертью Андрея Владимировича Переяславского 22 января 1142 г. Стремясь овладеть всей Киевской землей, Всеволод направил Вячеслава Владимировича, княжившего в киевской волости – г. Турове, в Переяславль, Туров же дал своему сыну Святославу. Это вызвало недовольство Игоря и Святослава Ольговичей: «...волости бо даеть сынови, а братьи не надѣли ничимъ же»[100]. К новгород-северским Ольговичам присоединились черниговские Давыдовичи, и общим требованием стало наделение их черниговскими землями, оставшимися за Всеволодом, но тот предложил «по городу: Берестии и Дорогычинъ, Черторыеск и Кльчьскъ, а отчинѣ своеѣ не дасть Вятичь». На это братья ответили: «Мы просимъ у тебе черниговьскои и новгороцкои волости, а киевьскоѣ /кыевскые – Х./ не хочемь. Онъ же Вятичь не съступяшеть»[101]. В конце года, когда Всеволоду удалось привлечь на свою сторону Давыдовичей, уступив им кроме Берестья и Дорогочина просимую черниговскую волость – Вщиж и Ормину, младшие Ольговичи вынуждены были согласиться на Городец Остерский и Рогачев (Игорь), Клеческ и Черторыеск (Святослав)[102]. «Вятичи» остались за Всеволодом.

Таким образом, Черниговская земля, как и Киевская, делилась на волости. В ней были волости собственно черниговские (здесь – Вщиж и Ормина) и волости невогород-северские («Вятичи»).

Географическим названием Вщижской волости было Подесенье[103]. Кроме Вщижа и Ормины в Подесенье известны Воробейна и Росусь. Характерно расположение этой территории по отношению к этнической территории радимичей и вятичей. Она как бы продолжает по правому берегу Десны стародубский клин Сновской тысячи между землями вятичей и радимичей, на севере соседствуя со смоленскими кривичами, вышедшими в верховья Десны.

В 1156 г. во Вщиже появился княжеский стол, который занял малолетний Святослав, сын Владимира Давыдовича[104]. После его смерти (1166 г.) во Вщиже княжил один из сыновей Святослава Всеволодовича[105].

ЛЕСНАЯ ЗЕМЛЯ. КОРАЧЕВ. К востоку от Подесенья находилась так называемая «Лесная земля». В конце декабря 1146 г., после сдачи Путивля Давыдовичам и Изяславу Мстиславичу, союзники Святослава

[100] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 310.
[101] Там же. Стб. 310–311; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 129.
[102] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 312.
[103] Там же. Стб. 342, 484.
[104] Там же. Стб. 484–485.
[105] Там же. Стб. 525–526.

Ольговича советуют ему бежать из Новгорода-Северского в «Лесную землю» «и тако побѣже Святославъ из Новагорода Корачеву». Затем, узнав о приближении войск киевского Изяслава Мстиславича и черниговских Давыдовичей, Святослав из Корачева «бѣжа за лѣс у Вятичѣ»[106]. Следовательно, Корачев был вне «Вятичей» и «Лесная земля» находилась между землями Новгорода-Северского и «Вятичами». В начале 50-х гг. XII в. Корачевом владел Святослав Всеволодович: в марте 1155 г. Святослав Ольгович отобрал у него Корачев и Воротынск за «отступление» к Давыдовичам[107]. Однако в дальнейшем Святослав Всеволодович возвратил себе этот город, ставший, как считает Б. А. Рыбаков, его личным доменом[108].

Северная граница «Лесной земли» выявляется по летописным данным о переделах земли вятичей.

«ВЯТИЧИ» И ДОМАГОЩ. На основании летописных данных XII в. Н. П. Барсовым были определены западная и южная границы вятичей. Не касаясь пока вопроса о характере этих границ (этические они или политические), заметим, что в целом они были определены верно, но не во всех деталях приняты последующими исследователями. Надежно определить эти границы и выяснить их природу позволяет локализация небольшого городка Домагоща, упомянутого источниками XII в. лишь один раз – в связи с событиями 1147 г., описанными в Ипатьевской летописи.

В сводке географических названий Черниговской земли А. Н. Насонова Домагощ традиционно отождествляется с д. Маговкой (в 38 км к югу от Карачева) и на карте указан со знаком вопроса[109].

Это сопоставление неудовлетворительно по трем составным требованиям локализации. Прежде всего, не доказана преемственность топонимов Домагощ – Маговка. Такое соотношение подразумевает отпадение у первого названия начального До-, или прочтение в источнике «до Магощ», что маловероятно. Название «Домагощ» относится к числу топонимов на -гощ, собранных П. Арумаа. В отмеченных им многочисленных трансформациях такого типа нет случая подобного «Магощ – Маговка»[110]. Написание «Магощ» известно лишь как единичное искажение писцом названия речки Малогощи, тогда как Домагощ и Домагоща хотя и редко (учтены три случая), но встречаются в источниках XVI–XVII вв.[111]

---

[106] Там же. Стб. 334, 336.

[107] Там же. Стб. 479.

[108] *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова... С. 14.

[109] *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 224–225, карта между с. 64 и 65; *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли. Т. 1. С. 65.

[110] *Arumaa P.* Sur les principes et méthodes d'hydronymie russe. Les noms en gost- // Scando-Slavica. V. 6. Copenhagen, 1960. P. 150–153.

[111] Там же. P. 155, 160.

Название на -гощ известны и в летописных источниках: в Черниговской земле упомянуты, кроме Домагоща, также Радощ (Радогощ) и Оргощ[112]. Эти архаические слевянские топонимы относятся по классификации С. Роспонда к числу «посессивных названий», образовавшихся от антропонимов при помощи суффикса притяжательных прилагательных – jь. В данном случае: Радогост – jь, Орогост – jь, Домогост – jь[113]. Компонент -гост относится к самым продуктивным и древнейшим в славянской антропонимии[114]. Образованные с его помощью имена встречаются и в древнерусских источниках: Орогост – в Повести временных лет (1100 г.), Воигост – в Новгородской I летописи (1115 г.)[115]. Имя Домагост известно лишь в памятниках западных славян[116], но на восточнославянской территории, хотя и редко, фиксируются производные от него географические названия. Кроме трех упомянутых выше названий, известно также и образованное при помощи патронимического форманта -ичи навание Домагостичи, упоминаемое в источниках XV–XVII вв. (ныне с. Долгомостицкое, северо-восточнее г. Судовой Вишни Львовской области р. Украина)[117].

Затем следует заметить, что правомерность отождествления Домагоща с Маговкой не была подтверждена археологически. В настоящее время неудовлетворительность сопоставления Маговки с летописным городком доказана Т. Н. Никольской. При обследовании окрестностей этой деревни не было найдено следов древнерусского поселения, и традиционная локализация была справедливо отвергнута. Однако, принимая прежний ориентировочный район поиска (к югу от г. Корачева), Т. Н. Никольская отождествляет летописный Домагощ с наиболее крупным в этой местности городищем у д. Слободки на р. Навле[118]. Это сопоставление не представляется удачным, ибо, в конечном счете, сам район поиска вызывает сомнения.

Основой сомнений в правильности определения района поиска служит то, что Домагощ, если следовать письменным источникам, лежал за пределами летописных «Вятичей» XII в., но в непосредственном соседстве с ними. Поэтому он не мог находиться южнее г. Корачева, не мог отделяться от «Вя-

---

[112] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 477, 500.

[113] *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 63–65, 82, 84.

[114] Там же. С. 64.

[115] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 274; НПЛ. С. 20, 204.

[116] *Svoboda J.* Staroceská osobni jména a nase prijmeni. Praha, 1964. S. 74.

[117] *Купчинський О. А.* До питання складання словника географічних назв України: (матеріали словника двочленних патронімних назв на -ичі) // Історичні джерела та їх використання. Вип. 6. Київ, 1971. С. 113.

[118] *Никольская Т. Н.* О летописных городах в земле вятичей // КСИА. Вып. 129. М., 1972. С. 5.

тичей» районом летописного Корачева, бывшим за границей «Вятичей» XII в., и непосредственно к югу от нее. Речь идет о границе, в основных чертах выявленной Н. П. Барсовым, который, впрочем, вслед за своими предшественниками указывая на д. Маговку, не заметил в этом противоречия собственным наблюдениям относительно южных пределов «Вятичей».

Зависимость определения района поиска Домагоща от выявления южных границ территории, называвшейся в летописании XII в. «Вятичами», показывают события, в связи с которыми упомянут этот городок.

Во время усобицы (декабрь 1146 г. – первая половина 1147 г.) с черниговскими Давыдовичами и киевским Изяславом Мстиславичем новгород-северский Святослав Ольгович бежал в Лесную землю, в Корачев, и оттуда (вскоре после 16 января) «за лес, в Вятичи». В конце концов преследуемый Святослав оказался прижатым к северо-восточным границам Черниговской земли. Однако, имея поддержку со стороны суздальского князя, вскоре после встречи с ним в Москве (4–5 апреля 1147 г.), Святослав Ольгович перешел в контрнаступление. Заручившись помощью половцев, он из Дедославля направил русско-половецкий отряд, возглавляемый Судимиром Кучебичем и Гореном (вероятно, в конце апреля – начале мая) «на смоляны; и повоеваша верхъ Угры. В то же время выбѣгоша посадничи Володимери /и – Х./ Изяславли из Вятичь /и – Х./, изъ Бряньска /Добрянска – Х./ и изъ Мьченьска, и изъ Блеве /Блове – Х./; и оттуда (то есть из Дедославля. – *А. З.*) иде Девягорьску, иде заемъ вси Вятичи и Добрянескъ, и до Воробиинъ Подеснье, Домагощь и Мценескъ»[119]. Далее сообщается, что по приходе в Девягореск бродников и половцев, а также Глеба Юрьевича, Святослав Ольгович оттуда направился к Мценску и затем к Крому на переяславского князя Мстислава Изяславича. На пути к Крому, в Спаши, Святослава встретили послы черниговского Владимира Давыдовыча с предложением мира (см. карту 4).

Итак, бегство посадников Давыдовичей «из Вятичей», по цитированному фрагменту черниговского летописания[120], было следствием военных действий, предпринятых Святославом Ольговичем из Дедославля в двух направлениях: западном – к верховьям Угры, близ которых находился городок Обловь (Блеве – Блове рассматриваемого отрывка), и в юго-западном – к Девягорску и далее на Мценск и Спаш. Вероятнее всего, от верховьев Угры первый отряд направился вниз по р. Болве к Брянску, в Подесенье.

Н. П. Барсов понимал интересующие нас известия в том смысле, что посадники бежали из «Вятичей» и близлежащих к ним территорий Брянска, Мценска и Облови, а войска Святослава заняли всю территорию вятичей

---

[119] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 342.

[120] *Насонов А. Н.* История русского летописания... С. 106.

вплоть до Брянска, Воробиина и т.д.[121] То есть эти пункты, уточним, были сопредельными с той частью Черниговской земли, которая называлась в XII в. «Вятичами».

Для такой трактовки летописных данных есть достаточные основания. Мценск и Спаш находились за пределами «Вятичей», что явствует из известия статьи 1152 г. Ипатьевской летописи. В том году Юрий Долгорукий со своими союзниками (рязанцами и половцами) «поидоша туда на Вятичѣ, и тако взяша я, та на Мценескъ, оттуда же идоша на Спашь, та на Глуховъ»[122]. Таким образом, Юрий пошел на Мценск и Спаш уже после того, как занял «Вятичи». Эти два города находились за пределами «Вятичей». Правда, речь в данном случае шла не о всей территории «Вятичей», принадлежащей Черниговскому княжеству, а лишь о той, что находилась по правому берегу Оки, ибо после неудачи под Черниговом Юрий, возвращаясь из Рыльска, «поиде Суждалю туда на Вятичѣ, и тако прокъ Вятичь взя»[123], – то есть захватил оставшуюся незавоеванной по пути на юг часть территории по левобережью Оки, к северу от Спаша. Если по известию 1147 г. и можно сомневаться в том, что Мценск был за пределами «Вятичей», то рассмотренное сообщение не оставляет места для сомнения.

За пределами «Вятичей», согласно Ипатьевской летописи, находился также и городок Обловь, принадлежавший княгине Святослава Ольговича. В начале 1159 г., зимой, на пути из Гомия Изяслав Давыдович взял «на щит» Обловь «и оттуда иде у Вятичѣ и зая вси Вятичѣ»[124].

Примерно год спустя, Изяслав Давыдович на пути во Вщиж для помощи своему племяннику Святославу Владимировичу узнал о снятии осады с этого города «и иде Изяславъ у Вятичѣ»[125]. В данном случае очевидно, что Вщиж был вне территории «Вятичи»[126]. Этот город находился в Подесенье, таким образом, ясно видно, что и Подесенье не входило в «Вятичи».

Близ «Вятичей» располагалась и территория летописного Корачева. Границей служили леса: из Корачева «бѣжа за лѣс у Вятичѣ Святославѣ Олговичь»[127].

Итак, по летописным данным конца 40 – начала 50-х гг. XII в. территория, называемая в летописи «Вятичи», лежала к востоку и к северу от линии Обловь – Подесенье – Корачев – Мценск.

---

[121] *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии. С. 149, 155–157, 302, 306.

[122] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 455.

[123] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 459.

[124] Там же. Т. 2. Стб. 502.

[125] Там же. Т. 1. Стб. 360; Т. 2. Стб. 508.

[126] *Рыбаков Б. А.* Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж // По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953. С. 103.

[127] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 336.

А. В. Арциховский, принимая предложенную Н. П. Барсовым западную границу «Вятичей», не согласен с мнением его о том, что Корачев был вне этой территории. Основанием послужило, кроме археологических наблюдений, известие статьи 1185 г. Ипатьевской летописи о том, что в апреле того года киевский князь Святослав Всеволодович «иде въ Вятичѣ Корачеву орудѣи деля своихъ»[128]. Однако если сопоставить это известие с другим, более обстоятельным сообщением о том же событии, в той же статье: Святослав ходил «в Корачевъ и сбирашеть от вѣрхъних земль вои, хотя ити на половци к Донови на все лѣто»[129], то станет ясно, что не только в Корачеве собирал он воинов, но и за пределами его территории, то есть и в «Вятичах».

Сообщение о бегстве из Корачева в «Вятичи» более точно отражает действительное положение вещей, так как события конца 1146 – первой половины 1147 г. в Киевском своде представлены преимущественно данными двух летописцев, подробно описавших ход военных действий. Это летописец Святослава Ольговича и киевский летописец из лагеря Изяслава Мстиславича, также участвовавший в походе вплоть до Корачева. Последнему и принадлежит интересующее нас известие об этом городе[130].

Некоторое представление о границах территории «Вятичи» в конце XII в. дает сообщение Ипатьевской летописи о войне черниговских князей с коалицией киевского Рюрика Ростиславича и Всеволода Большое Гнездо в 1196 г. Когда Всеволод и смоленский Давыд Ростиславич «вятьскыѣ /вятичскыя – Х./ городы поималѣ и пожьглѣ», черниговский Ярослав Всеволодович вместе с Игорем Святославичем и другими князьями Черниговской земли «ста подъ лѣсы своими, засѣкъся от Всеволода и от Давыда и по рѣкамъ велѣ мосты подъсѣчи»[131]. Из этого видно, что территория «вятических городов» окаймлялась с юга и юго-запада линией лесов, и это позволяло успешно использовать засечную тактику обороны. Можно предполагать, что засеки Ярослава были близки к известной по письменным и археологическим данным[132] Большой Засечной черте XVI–XVII вв. Если допустить, что засеки черниговских князей находились в районе рек Неруссы и Кромы (то есть южнее Корачева, Спаша и Мценска), то такая линия обороны имела бы много уязвимых мест и была бы слишком растянута для успешной защиты от соединенных смоленских, суздальских и рязанских сил при угрозе вторжения и со стороны Киевской или Переяславской земель. Наиболее веро-

---

[128] Там же. Стб. 637; *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930. С. 124, 127.

[129] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 645.

[130] *Насонов А. Н.* История русского летописания... С. 105.

[131] В Лаврентьевской летописи: «князь же великыи внида в волость ихъ, поима городы вятьскыѣ и землю ихъ пусту створи» // ПСРЛ. Т. 1. Стб. 413; Т. 2. Стб. 697–698.

[132] *Никитин А. В.* Оборонительные сооружения Засечной черты XVI–XVII вв. // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 3. МИА. № 44. М., 1955.

ятно, что теми лесами, под которыми засеклись от Всеволода черниговские князья, была почти сплошная полоса лесов от Брянска до устья р. Нугри (севернее последней в настоящее время нет обширных лесов, но в XVII в. существовала Бобриковская засека), продолжавшаяся по правому берегу Оки Большим Белевским лесом (к северу от низовьев р. Зуши).

Таким образом, известия конца XII в. перекликаются с данными середины того же столетия, по которым «Вятичи» отделялись от Корачева «лесом». В сопоставлении с этими наблюдениями известие 1185 г. о Корачеве и «Вятичах» представляется неопределенным – Святослав Всеволодович ходил или в «Вятичи» или в «верхние земли» (последнее понятие очевидно более широкое). Во всяком случае, отнесение по этой статье Корачева к «Вятичам» противоречит всей сумме летописных данных XII в. о территории «Вятичи».

Итак, в известии 1147 г. о бегстве посадников Давыдовичей из «Вятичей» и занятии этой территории войсками Святослава Ольговича Домагощ указан в числе сопредельных «Вятичам» городов. Большинство их находилось близ западной границы «Вятичей», где действовали (в верховье Угры и по Болве) отряд Судимира Кучебича. Близ границы «Вятичей», на пути главных сил Святослава Ольговича, указан лишь Мценск (на р. Зуше). Естественно ожидать указания и на другие города у южной границы «Вятичей» (то есть по линии: Брянск – Корачев – Мценск) близкие к основному направлению похода Святослава Ольговича. Можно думать, что таким пунктом и был рядом с Мценском назван Домагощ.

Наиболее вероятным представляется нахождение Домагоща между Корачевым и Мценском, ибо между Брянском и Корачевом находились леса, а местность к востоку от Мценска не контролировалась Давыдовичами[133]. Учитывая то, что Корачевская волость, судя по степени залесенности окрестностей города в конце XIX в., распространялась преимущественно к югу и востоку от него, Домагощ следует искать ближе к Мценску, к Оке, севернее Спаша. Последний находился довольно далеко к югу от «Вятичей» по сравнению с Корачевым и Мценском.

Поиск в определенном таким образом районе привел к Домагощу Белевского уезда в выписи из книги 1613/14 г. М. Н. Бибикова и Д. Аврамова. Из нее явствует только, что Домагощ находился в Руцком стане, не более: «Написано в Белевском уезде, в Руцком стану, в Домагощи»[134].

---

[133] Между Мценском и Дедославлем находился Девягорск, куда в 1147 г. беспрепятственно подошли с юга союзные Святославу Ольговичу половцы, а с севера – сын Юрия Долгорукого – Глеб.

[134] *Елагин Н.* Белевская вивлиофика. Собрание древних памятников об истории Белева и Белевского уезда. М., 1858. Т. 2. Приложение. С. 3.

В Белевских писцевых книгах 1628–1631 гг., изданных, как и цитированная выпись, Н. В. Елагиным, сохранилось описание рыбных ловель Спасо-Преображенского Белевского монастыря, позволяющее уточнить положение Домагоща. Описание ведется по правому берегу Оки вверх от Лихвинского рубежа к Мценскому. Правый берег низовья Зуши (мценский рубеж) входил в Погорельский стан Белевского уезда. Руцкий стан (юго-западная часть уезда) находился на левом берегу Оки. Именно здесь и указано: «Да ото Мценского рубежа на низ по реке по Оке, по другую сторону реки Оки, против села Городища Домогашевского – три озерка, да против деревни Бедринец – два озерка, да против деревни Михнев – три озерка Михьневские» и далее описание продолжается вниз по левому берегу Оки до Лихвинского рубежа[135]. Деревни Бедринцы и Михнево сохранили названия и находятся на левом берегу Оки в южной части Белевского района Тульской области, но название села Городище Домогашевское на картах XVIII–XX вв. не обнаружено.

Сложность локализации этого села заключается в том, что Руцкий стан, как выясняется при нанесении на карту его селений по данным Белевской писцовой книги 1628–1631 гг., разделялся на две части территорией Болховского уезда, выходящей нижним течением р. Нугри к Оке. Северной границей южной половины Руцкого стана и Болховского уезда было нижнее течение р. Березуй (левый приток Оки). На правом ее берегу и к югу от нее, вдоль Оки, находились в XVII в. деревни и села Руцкого стана, оказавшиеся в XIX в. в Болховском и Мценском уездах Орловской губернии: Вострикова, Фетищево, Чегодаево, Макеевская, Азаровская и др.[136] Граница Белевского уезда с Болховским и Мценским сохранялась в своих основных чертах вплоть до административно-территориальных реформ второй половины XVIII в., когда южная половина Руцкого стана отошла к Орловской губернии[137]. Эти старые границы в общих своих чертах отмечены на сохранившихся картах Белевского и Болховского уездов середины XVIII в., описанных В. Ф. Гнучевой[138].

Именно в южной половине Руцкого стана известно единственное в этом стане село под названием Городище: «Село Городищи на реке на Оке,

---

[135] *Елагин Н.* Белевская вивлиофика. Т. 1. С. 369–370.

[136] Там же. С. 428–429, 431–432, 435–436, 439–440, 451–452; ср.: Орловская губерния. Список населенных мест. СПб., 1871. № 565–566, 413, 422, 421, 361.

[137] В 1777 г. при образовании Тульской губ. «для уравнения границы» было предписано передать часть Мценского уезда в Тульскую губ., а взамен отдать в Орловскую провинцию территории с тем же количеством населения: «из Белевского уезда 5000, да из Новосильского 3000 душ» // ПСЗ. 1. Т. 20. С. 554.

[138] *Гнучева В. Ф.* Географический департамент Академии наук XVIII в. М.; Л., 1946. С. 309.

а в нем место церковное великого чудотворца Николая... старые пустоты, а чье именем того никто не помнит». Близ него (выше по Оке) та же Белевская писцовая книга упоминает пустошь Щетинина, Жмакино тож, принадлежавшую Б. Л. Косову[139]. В списках населенных мест Орловской губернии этим пунктом соответствуют с. Городище и с. Косово (Щетинино), № 419, 420. Село Городище (Мценский район Орловской области) расположено напротив устья Зуши, его местоположение соответствует указанию с. Городище Домогашевское – напротив Мценского рубежа (то есть устья Зуши). Таким образом, есть основание считать, что потеря названия Домагоща произошла между 1614 (дата выписи М. Н. Бибикова) и 1628–1631 гг. (дата Белевских писцовых книг) и связана с его запустением.

Городище у с. Городище было зафиксировано на картах Белевского уезда еще петровскими геодезистами, обязанными дополнительной инструкцией 1723 г. указывать на ландкартах «городища пустые... валы старинные и засеки» и т.п.[140] Это городище, расположенное к югу от села, неоднократно обследовалось (1926 г. – П. С. Ткачевский, 1967 г. – С. С. Ширинский, 1974 г. – И. К. Фролов и автор этих строк). Культурный слой мощностью до 1,5 м содержит обломки стеклянных браслетов, предметы из железа, керамику XII–XIII вв., в верхних слоях – обломки сосудов XVI–XVII вв. Т. Н. Никольская относит это небольшое (около 0,4 га) городище к числу древнерусских феодальных усадеб типа замка и ошибочно отождествляет его с Девягорском[141].

Последним существенным аргументом в пользу правильности сопоставления городища у с. Городище с летописным Домагощем является то, что название Домагощ очень редкостно и встречается лишь в районах наибольшего скопления названий на -гощ. П. Арумаа указывает два таких района: Новгородскую область и верхнее течение р. Оки[142]. В первом известны два гидронима – Домагоща[143], во втором – уникальный топоним Домагощ. Таким образом, существование иного древнерусского городища с таким названием «Домагощ» на определенной выше территории маловероятно.

В свою очередь, исходящее из определения границы летописных «Вятичей» XII в., обнаружение местоположения Домагоща надежно подтверждает историческую реальность этой границы.

---

[139] *Елагин Н.* Белевская вивлиофика. Т. 1. С. 433–434, 436–437.

[140] *Фель С. Е.* Картография России XVIII в. М., 1960. С. 86.

[141] *Никольская Т. Н.* К исторической географии земли вятичей // СА. 1972. № 4. С. 170. Рис. 7.

[142] *Arumaa P.* Sur les principes et méthodes d'hydronymie russe. P. 170.

[143] Гидронимы на -гощ, вероятно, вторичны по отношению к топонимам; см.: *Роспонд С.* Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов (имена) // ВЯ. 1965. № 3. С. 8.

Обращает на себя внимание тот факт, что как в Киевском своде (в составе Ипатьевской летописи), так и в северо-восточном летописании (Лаврентьевская летопись) при описании событий XII в. речь идет лишь о «Вятичах» как части Черниговской земли. Один раз прямо и другой раз косвенно Ипатьевская летопись называет «Вятичи» волостью Черниговской земли (статьи 6650 (1142) и 6655 (1147) гг.)[144]. Дважды сказано (в статьях 6655 (1147) и 6667 (1159) гг.) о том, что войсками были заняты «все Вятичи», когда говорилось лишь о территории Черниговского княжества[145]. В изложении событий XII в. существование вятичей в Суздальской или Рязанской землях можно только угадывать по словам черниговских князей о «наших» или «своих Вятичах» (то есть возможны иные, не наши «Вятичи»)[146]. Однако есть свидетельства о походах в «Вятичи» Юрия Долгорукого и на «вятические города» Всеволода Большое Гнездо: в 1152 г. (с рязанцами, цитировано выше), в 1154 г. («пришедшю же ему в Вятичѣ и ста, не дошедъ Козельска»), осенью 1196 г. (с рязанцами и смолянами, цитировано выше)[147], из которых явствует, что «Вятичи» находились вне Смоленской, Суздальской и Рязанской земель. Более всего вероятно, что первые два свидетельства относятся к летописанию Юрия Долгорукого[148], принадлежность третьего известия к северо-восточному летописанию несомненна. Это наблюдение позволяет ограничить летописных «Вятичей» XII в. с севера и с востока пределами Черниговской земли, указанными в работе А. Н. Насонова[149].

Однако очерченная таким образом территория не совпадает с северными, восточными и южными границами племенного союза вятичей, определенными по археологическим данным как VIII–X, так и XI–XIII вв.[150] «Вятичи» XII в. занимают лишь центральную часть племенной территории вятичей. Земля вятичей VIII–X вв. (определена В. В. Седовым по распространению вятического обряда трупосожжения) в южной своей части совпадает в основном с южными контурами территории вятичей XI–XIII вв. (очерчены А. В. Арциховским по ареалу специфического набора женских украшений), но как раз этот южный район с городами Корачевом, Домаго-

---

[144] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 310–311, 343. Ср.: Т. 1. Стб. 315.

[145] Там же. Т. 2. Стб. 342, 502. Ср.: Т. 1. Стб. 338.

[146] Там же. Т. 2. Стб. 371, 374.

[147] Там же. Т. I. Стб. 342, 412; Т. 2. Стб. 455, 468, 697.

[148] *Лимонов Ю. А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. С. 58–59.

[149] *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 65–66.

[150] *Арциховский А. В.* Курганы вятичей; *Седов В. В.* Раннис курганы вятичей // КСИА. Вып. 135. М., 1973. С. 11. Рис. 4. Необходимо также учитывать вероятно ростовского происхождения приписку, в описании расселения восточнославянских племен Тверской, Львовской и Ермолинской летописей, о том, что вятичи «есть рязанцы» (ПСРЛ. Т. 15. СПб., 1863. Стб. 23; Т. 20. Ч. 1. СПб., 1910. С. 42; Т. 23. СПб., 1910. С. 2).

щем, Мценском, Спашем и Кромом в летописное понятие XII в. «Вятичи» не входил (см. карту 4).

Эти расхождения можно объяснить тем, что в данном случае мы имеем дело с двумя существенно различными территориями: племенной, или этнической (а в XII–XIII вв. – этнографической), территорией вятичей, определяемой археологическим путем, и с одной из административных территориальных единиц Черниговской земли XII в., т.е. частью политической, феодальной государственной территории, определяемой по письменным данным.

В некоторой мере замеченное различие находит свое отражение в использовании термина «вятичи» в летописании. В текстах XII в. лишь в статье 1146 г. Ипатьевской летописи он упомянут в несомненно этническом смысле: в Дедославле Давыдовичи «възвавша вятичѣ» для переговоров о поимке Святослава Ольговича[151]. В большинстве случаев в XII в. термин «Вятичи» применялся как вполне очевидное название территории: в «Вятичи» можно было бежать и выбежать из них, стоять в них, прийти и т.п.[152] С другой стороны, Повесть временных лет употребляет этот термин, преимущественно как этноним. Например, в статье 981 г. говорится: «В сем же лѣтѣ и вятичи побѣди и възложи на нь дань», далее: «В лѣто 6490 заратишася вятичи, и иде на ня Володимеръ и вобѣди я второе»; но уже в «Поучении» Мономаха: «а въ Вятичи ходихом по двѣ зимѣ на Ходоту»[153].

Таким образом, в летописных известиях XII в. о «Вятичах» речь шла преимущественно как о территории, которая не совпадает с этническими границами вятичей. Более того, и в пределах Черниговской земли название «Вятичи» в середине XII в. сохранилось лишь за северной частью племенной территории. Южная часть их территории хотя и сохранила вятические этнографические черты, «Вятичами» в летописи не называлась.

Территория Черниговского княжества складывалась и после «завещания» Ярослава[154]. Мономах, будучи черниговским князем, положил начало завершению государственного освоения земли вятичей в походах на Ходоту и его сына в начале 80-х гг. XI в.[155] Однако и в последующие полстолетия «Вятичи» оставались молоосвоенным районом, враждебным черниговской администрации. В литературе отмечался факт убийства Кукши, проповедовавшего христианство в «Вятичах» около 1110 г., как свидетельство

---

[151] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 338; Т. 25. С. 39.

[152] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 336, 342, 343, 371, 374, 455, 459, 468, 502, 509.

[153] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 81–82, 248; Т. 2. Стб. 69.

[154] *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 65.

[155] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 248.

недостаточной освоенности этой территории[156]. Неоднократно в пользу позднего государственного освоения территории вятичей приводился аргумент длительного сохранения у них языческого обряда погребения. Даже тот факт, что преследовавшие Святослава Ольговича в 1147 г. Давыдовичи вели переговоры с вятичами, свидетельствует, что в этой земле сохранилась своя, вятичская знать, обладавшая реальной военной силой. Узнав о том, что Долгорукий прислал белозерскую тысячу в помощь Святославу, Давыдовичи «съзваша вятичѣ и рѣша /рѣста – Х./ имъ: «се есть ворогъ нама и вамъ, а ловите его /убити лестию и дружину его избите, а имѣние его – Х./ на полъ вама»[157]. Вятичи не поддержали посадников Давыдовичей. Враждебное их отношение к Святославу и в равной мере к Давыдовичам свидетельствует о недавнем покорении вятичей, которое завершилось, судя по датировке известных здесь городищ (первая половина или середина XII в.[158]) и упоминанию в 1147 г. посадников, ко времени Всеволода Ольговича.

Северные границы «Вятичей» совпадали с пределами Черниговской земли и определяются на основании преимущественно известий 1147 г. К востоку от Дедославля и далее на север к Сверилеску шла граница с Рязанской землей; далее она проходила севернее Оки через среднее течение рек Лопасни и Протвы (в верховьях последней жила голядь Смоленской земли); затем, отклоняясь к югу, через среднее течение р. Угры до Облови шла граница с Ростово-Суздальским и Смоленским княжествами[159]. На этой границе черниговское государственное освоение встретилось с шедшим из Муромо-Рязанской и Ростово-Суздальской земель освоением вятичей[160].

Кроме упомянутых, в «Вятичах» упоминаются города: Козельск (на р. Жиздре), Воротинеск (на левом притоке Оки р. Выссе), Мосальск (на р. Можайке, бассейн р. Угры), Колтеск (правый берег Оки), Неринск, Серенск (на р. Серене, левом притоке р. Жиздры).

Под 1146 г. Никоновская летопись сообщает о пребывании Святослава Ольговича кроме указанных городов в Рязани, Туле, Дубке, на Дону, в Ельце, Пронске, «граде» Остре. А. Н. Насонов убедительно доказал, что эти сведения – тенденциозная вставка рязанского летописца XV в., сделанная

---

[156] Патерик киевского Печерского монастыря. С. 218; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 65.

[157] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 338. М. Н. Тихомиров (*Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 161) считал, что слова Давыдовичей «отражают действительные настроения вятичей, упорно сопротивлявшихся феодализации».

[158] *Никольская Т. Н.* О летописных городах... С. 3–13; *Она же.* К исторической географии земли вятичей. С. 158–170.

[159] *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 65–66, 226, 230.

[160] Там же. С. 65.

с целью показать древнюю принадлежность этих городов Рязанскому княжеству[161].

Восточная граница Черниговской земли по данным письменных источников не выявляется. Вероятно, к югу от Дедославля она проходила вдоль верховьев Дона, между рязанским Пронском и черниговским Дедославлем, и шла вдоль этой реки к устью р. Сосны[162].

Граница со Смоленской землей шла от Облови к югу и проходила южнее смоленских пограничных городов Пацынь, Зарой и далее к западу, севернее черниговского Чичерска[163].

РАДИМИЧИ, ГОМИЙ И ЧЕЧЕРСК. Территория радимичей[164] была освоена, вероятно, несколько ранее «Вятичей». Северная часть радимичской земли относилась к Смоленскому княжеству – г. Прупой (ныне Славгород) на р. Соже был смоленским. На р. Пещане, впадающей в Сож недалеко от Прупоя, согласно статье 984 г. Повести временных лет[165] жили радимичи. Эту радимичскую территорию можно соотнести с областью VIII локальной группы радимичских погребений (междуречье Сожа и Беседи), выделенной Г. Ф. Соловьевой[166].

На рассматриваемой территории в Ипатьевской летописи упомянуты лишь два города – Гомий (ныне Гомель) и Чичерск (ныне Чечерск).

Гомий и Чичерск в первой половине XII в. были черниговской волостью, отчиной Давыдовичей. Об этом мы узнаем из событий 1158 г.: Святослав Ольгович, вокняжившись в Чернигове, жаловался на то, что Изяслав Давыдович дал ему лишь «Черниговъ съ 7ю городъ пустыхъ... а всю волость черниговьскую собою держить и съ своимъ сыновцемъ». Святослав «гневался», что Изяслав ему «черниговьскои волости не исправил»[167]. Готовясь к походу на галицких и волынских князей, Изяслав Давыдович дал Святославу Чичерск. Гомий же, как видно из дальнейших событий, он оставил за собой[168]. Благодаря этому нам известны три волости, тянувшие непосредственно к Чернигову, – Гомий, Чичерск и Подесенье, где впоследствии сидел «сыновец» (племянник) Изяслава Святослав Владимирович.

---

[161] ПСРЛ. Т. 9. С. 171; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 209–211; *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. М., 1965. С. 84–88.

[162] *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М., 1961. С. 144. Рис. 46.

[163] *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 66.

[164] Радимичи в летописных статьях XI в. не упоминались, в XII в. упомянуты лишь в статье 1169 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 537).

[165] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 83–84; Т. 2. Стб. 71. *Рыбакоў Б. А.* Радзімічы. С. 113–114.

[166] *Соловьева Г. Ф.* Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII–XIV вв. н.э. // СА. 1956. № 25. С. 158.

[167] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 498, 500.

[168] В Гомий он бежал из Киева и оттуда начал борьбу со Святославом Ольговичем (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 502).

Эти волости, перейдя из Чернигова в Киев, пытался удержать за собой (не «исправив» их вокняжившемуся в Чернигове Святославу) Изяслав Давыдович.

Вероятно, в 60-х гг. в Гомии появился княжеский стол: заняв после смерти Святослава Ольговича в 1164 г. черниговский стол, Святослав Всеволодович «посла сынъ свои в Гомии, а посадники посла по городом»[169].

Днепр являлся западной границей земли радимичей, но археологические исследования показывают, что отдельные радимичские элементы проникают на Правобережье и, наоборот, дреговичские черты встречаются на левом берегу Днепра. Особого внимания заслуживают раскопки Г. Ф. Соловьевой Зборовского городища (на левом берегу, напротив г. Рогачева) и курганных могильников Рогачева, находившихся также на левом берегу Днепра. Материалы этих исследований позволяют предполагать тесный контакт дреговичей и радимичей и принадлежность Рогачева к Черниговской земле[170].

«СЛУЧЕСК, КЛЕЧЕСК И ВСЕ ДРЕГОВИЧИ». Эти города в различных исследованиях относились либо к Волынской, либо к Полоцкой[171] (в обоих случаях без аргументации), либо, чаще всего, к Турово-Пинской земле[172], или к Турово-Пинской волости Киевской земли[173]. М. С. Середонин считал, что эти города не были связаны с Туровом и, будучи волостями Киевской земли, находились в различных княжеских владениях в роли «привесок или дополнений (1149 г.)»[174]. Основные указания летописи на владение черниговскими князьями Случеском, Клеческом и Рогачевом (в 1142 и 1149 гг.) отмечались в общих исследованиях и в работах, посвященных специально Черниговской земле, однако очевидно, что историки рассматривали эти владения лишь как эпизодические «привески», ибо города эти никем не включались в состав Черниговской земли XII в.[175]

---

[169] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 523.

[170] *Соловьева Г. Ф.* Радимичская экспедиция // АО 1967 г. М., 1968. С. 251; *Она же.* Замок рогачівських князів // Слов'яно-руські старожитності. Київ, 1969. С. 113; *Она же.* Славянские курганы близ г. Рогачева Гомельской области // КСИА. Вып. 129. М., 1972. С. 52–53.

[171] *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли. Т. 1. С. 98, 186; *Антонович В. Б.* Очерк истории великого княжества Литовского до смерти в.к. Ольгерда // *Антонович В. Б.* Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Т. 1. Киев, 1885. С. 20–21.

[172] *Довнар-Запольский М. В.* Очерк истории Кривической и Дреговической земель до конца XII ст. Киев, 1891. С. 51, 100; *Грушевский М. С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV ст. Киев, 1891. С. 212; *Грушевский А. С.* Очерк истории Турово-Пинского княжества XI–XIII вв. Киев, 1901. С. 13 и др.

[173] *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции. Т. 4. С. 164, 209; *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 300.

[174] *Середонин М. С.* Историческая география. Пг., 1916. С. 136–137.

[175] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 1. С. 433, 462, 709; *Голубовский П. В.* История Северской земли... С. 118, 135 (Рогачев, по его мнению, – город Черниговской земли); *Багалей Д. И.* История Северской земли... С. 197, 212.

В современной историографии также нет единого мнения по этому вопросу[176]. Случеск и Клеческ отмечаются либо в составе Турово-Пинской волости Киевской земли[177], либо в составе Туровской земли[178]. Существенное наблюдение сделано Л. В. Алексеевым, который, анализируя влияние черниговских князей на политическую борьбу в Полоцкой земле, связал его с тем, что Святослав Ольгович был соседом Полоцкой земли, владея Слуцком, Клецком и «всеми дреговичами», полученными, по мнению исследователя, в 1149 г. от Юрия Долгорукого[179]. Однако Л. В. Алексеев неточно определил начальное время владения Святославом этой территорией и не выявил, сколь долго она была в руках черниговских князей.

Таким образом, необходимо уточнить положение рассматриваемой территории в системе древнерусских княжеств XII в.

Основным свидетельством, заставляющим специально изучить соотношения Случеска и Клеческа к Черниговской земле, является частично рассмотренный выше фрагмент черниговского летописания, сообщающий о том, что осенью 1149 г. новгород-северский Святослав Ольгович обратился к черниговскому князю Владимиру Давыдовичу со словами: «“Держиши отчину мою”, и тогда взя Курескъ и с Посемьемь, и Сновьскую тисячу у Ислава (Изяслава Давыдовича. – *А. З.*), и Случьскъ и Кльчьскъ и вси Дрегвичѣ»[180]. Это известие представляет значительный интерес для выяснения размера владений черниговских князей в середине, а также и в начале XII в., так как речь шла об отчинах, наследственных владениях Святослава, землях его отца новгород-северского (1097–1115 гг.) князя Олега Святославича.

То, что территория Сновской тысячи была отчиной Ольговичей, не вызывает сомнения. Курск же был спорной территорией, вспомним, что и Ярополк Владмирович, сидя в Киеве, также считал его своей отчиной. Есть основания полагать, что Олег Святославич владел Курском, по меньшей мере в 1113–1115 гг. П. В. Голубовский писал, что в 1149 г. Святослав Ольгович не назвал бы Курск отчиной, если бы этот город не принадлежал его отцу[181]. Однако если по отношению к Курску, как мы

---

[176] Разногласия в определении туровских границ отмечались *М. Н. Тихомировым* (*Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. С. 305, 352).

[177] *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 150.

[178] *Лысенко П. Ф.* Города Туровской земли: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1971. С. 8–9; *Он же.* Города Туровской земли. Минск, 1974. С. 18.

[179] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля: (очерки истории Северной Белоруссии в IX–XIII вв.). М., 1966. С. 275–276. На карте Полоцкой земли Л. В. Алексеева Рогачев указан в Черниговской земле: Рис. 13.

[180] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 384.

[181] *Голубовский П. В.* История Северской земли... С. 100.

видели, такое суждение вполне справедливо и подтверждается источниками, то закономерно возникающий вопрос о вхождении дреговичей в состав Черниговской земли П. В. Голубовский не затронул.

Понятие «отчина» в известии 6657 (1149) г. перекрывало три территории: исконно черниговскую Сновскую тысячу, Курское Посемье и «Случеск, Клеческ и вси Дреговичи». Возможны два толкования этого сообщения: третья территория была, как и две другие, во владении Олега, или же она была умышленно подведена под это понятие Святославом для обоснования захвата. Аргумент отчинности неоднократно приводился в территориальных спорах князей Черниговской земли, и слово «отчина» в известиях конца XI – середины XII в. употреблялось в значении владения отца. Ведь через год, в 1151 г., Святослав Ольгович и его племянник Святослав Всеволодович обратились к черниговскому Изяславу Давыдовичу: «се отцинѣ межи нама двѣ: одина моего отца Олга, а другая твоего отца Давыда, а ты, брате, Давыдовичь, а я Олговичь. Ты же, брате, прими отца своего Давыдово, а што Олгово, а то нама даи»[182]. Это черниговское известие[183] соответствует тому «принципу отчинности», который, как заметил А. Н. Насонов, проводился в Повести временных лет с 1094 г.[184] Однако к вопросу об отчинных претензиях Святослава Ольговича на изучаемую территорию следует обратиться лишь после установления значения слов «вси Дреговичи», определения времени владения этой территорией черниговскими князьями, выявления приблизительных границ ее.

Очевидно, что речь шла не о всей этнической территории дреговичей, достаточно оределенной в результате ряда исследований советских археологов[185]. В то время в Турове, находившемся на правом берегу Припяти, южной окраине дреговических земель, сидел старший брат Юрия Долгорукого Вячеслав, северная часть дреговичей была Минской волостью Полоцкой земли, южная граница которой после исследований Л. В. Алексеева не вызывает сомнений[186]. В пользу того что под «Дреговичами» подразумевались лишь земли, не входившие в состав туровских и минских дреговических территорий, можно привести известие Повести временных лет о походе Мономаха на Полоцкую землю, предпринятом в январе – марте 1116 г. по той причине, что Глеб Всеславич Минский «воевалъ Дрѣговичи и Случескъ пожегъ»[187]. Под «Дреговичами» в данном случае подразумевается лишь часть, не входившая в Минскую волость, и Случеск, очевидно,

---

[182] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 444.
[183] *Насонов А. Н.* История русского летописания... С. 107.
[184] Там же. С. 59.
[185] *Седов В. В.* Славяне Верхнего Приднепровья и Подвинья. С. 79–81. Рис. 19–20.
[186] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. С. 77–82.
[187] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 282; Т. 1. Стб. 290–291.

указан как центр этой территории (основная заселенная часть Случеской волости определена Л. В. Алексеевым)[188].

Еще М. С. Середонин отмечал, что в летописании XII в. «Дреговичи» упомянуты лишь дважды и только в связи с территориями городов Случеска и Клеческа[189]. Действительно, из понятия «Дреговичи» в 1116 г. исключалась территория Минской волости, в 1149 г. исключались дреговические территории Турова на юге и Минска на севере, таким образом, есть основания рассматривать термин «все Дрегвичѣ» как название административной территории с центрами Случеск и Клеческ, составлявшей лишь часть этнической территории дреговичей, находившейся в то время во владении минских, туровских и новгород-северских князей. Аналогично черниговские князья называли часть территории вятичей, входившую в Черниговскую землю «вси Вятичѣ» или просто «Вятичи».

Города изучаемой территории впервые указываются во владении князей Черниговской земли в статье 1142 г. Ипатьевской летописи. В результате усобицы между черниговскими Давыдовичами, с одной стороны, и новгород-северскими Игорем и Святославом Ольговичами, с другой, северские князья получили киевские волости Черторыеск и Клеческ, а также Рогачев (вместо требуемой новгород-северской волости «Вятичи», см. выше)[190]. В Турове в то время княжил их юный племянник Всеволод Ольгович[191]. Несомненно, ни Клеческ, ни Рогачев, так же как и Черторыеск, в Туровскую волость в это время не входили. Более того, Клеческ и задолго до этого был центром определенной волости в Киевской земле наравне с Туровом. Об этом свидетельствует рассказ о походе «четырми пути» на Полоцкую землю в августе 1127 г. Первый «путь» (на Изяславль) осуществлялся силами «Вячеслава ис Турова, Андрѣя из Володимеря, а Всеволодка из Городна и Вячеслава Ярославича исъ Клчьска»[192]. Всеволод Ольгович должен был идти в направлении Борисов – Стрежев – Полоцк[193].

Итак, в Клеческе уже в 1127 г. был княжеский стол, занимаемый внуком Святополка Изяславича[194], тогда как в Турове сидел Мономашич. Следователь-

---

[188] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. С. 76–77, рис. 13.

[189] *Середонин М. С.* Историческая география. С. 136–137.

[190] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 310–312; *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 356; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 129; *Пашуто В. Т.* Черты политического строя древней Руси. С. 55–56.

[191] *Б. А. Рыбаков* относит рождение Святослава ко времени около 1125 г. (*Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова. С. 93).

[192] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 297; Т. 2. Стб. 292.

[193] Там же. Т. 1. Стб. 297, 298; Т. 2. Стб. 292; *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. С. 258–260.

[194] Вячеслав Ярославич (упомянут только в 1127 г.) получил Клеческ, вероятно, после 1123 г., года гибели его отца, бежавшего в 1118 г. из Руси и бывшего с той поры в усобице с Владимиром Мономахом.

но, в конце 1142 г. новгород-северские князья получили от своего старшего брата киевские волости (или волость) в земле дреговичей, причем в Клеческе до этого уже существовал княжеский стол, особый от Турова и непосредственно подчинявшийся Киеву. Слуцк в событиях 1142 г. не упоминался. Рогачев киевской волостью назван не был, ибо он не указывался в числе первоначально предложенных Всеволодом киевских волостей, неясно поэтому, была ли эта волость киевской или черниговской, сохранившейся за Всеволодом Ольговичем подобно Вятичам или Вщижу с Орминой. Уже в 1149 г. Святослав Ольгович рассматривал Случеск, Клеческ и «Дреговичи» как свою отчину.

В 1151 г. полочане изгнали своего князя Рогволода Борисовича в Минск, а Ростислава «Глѣбовича к собѣ уведоша и прислашася Полотьчане къ Святославу Олговичю с любовью, яко имѣти отцемь собѣ и ходити в послушаньи его, и на том целоваша хрестъ»[195]. Это свидетельство очень большого влияния Святослава на полочан можно объяснить только тем, что волости Святослава соседствовали с полоцкими[196]. В этом событии Б. А. Рыбаков видит факт феодальной коммендании: Святослав Новгород-Северский стал сюзереном полоцкого князя[197]. Рассматривая сообщение 6659 (1151) г. Ипатьевской летописи, следует учитывать и то, что своего рода вассальную присягу полочане принесли в пору, когда положение Святослава Ольговича было весьма сложным: в том году (12 мая) произошла битва на Руте, где Долгорукий и Святослав потерпели поражение от Изяслава Мстиславича. Но свое положение в «Дреговичах» Святославу Ольговичу удалось стабилизировать примирением с черниговским Изяславом Давыдовичем после принятия ими отчинного раздела владений в Черниговской земле в июле – августе 1151 г. (Изяслав Ольговичам «отцину... узвороти, а свою к собѣ прия»)[198]. Н. Г. Бережков справедливо предполагал, что изгнание Рогволода и договор полочан со Святославом состоялись после соглашения черниговских князей[199].

В пользу того что в 50-х гг. XII в. Святослав сохранял свои позиции в «Дреговичах», косвенно свидетельствуют известия о Мозыре (правый берег Припяти), полученном Святославом Ольговичем от Юрия Долгорукого, когда тот в третий раз сел на стол в Киеве[200] (20 марта 1155 – 15 мая 1157 г.). Таким образом, владения Святослава в «Дреговичах» временно расширялись к югу. Если бы к этому времени он потерял Случеск или Рогачев, то естественно было бы ожидать только возвращения утерянных городов. Во второй половине 1158 г. Святослав, уже будучи черниговским князем, вновь получил

---

[195] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 445–446.
[196] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. С. 275–276.
[197] *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве»... С. 126.
[198] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 444
[199] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 155.
[200] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 482.

Мозырь от киевского Изяслава Давыдовича (19 мая 1157 – 22 декабря 1158 г.), однако, в событиях 1169 г. мы вновь видим Мозырь во владении киевского Мстислава Изяславича (15 мая 1167 – 8 марта 1169 г.)[201].

Вероятно, со смертью Юрия влияние Святослава Ольговича в Полоцке было несколько ослаблено, так как в июне 1158 г., несомненно по его инициативе, «иде Рогъволодъ Борисовичь от Святослава от Олговича искать собѣ волости, поемъ полкъ Святославль... и приѣхавъ къ Случьску», послал требование к жителям Друцка принять его князем, вернуть отчину. В конце концов Рогволод изгнал прежде угодного Святославу Ростислава Глебовича и вокняжился в Полоцке[202]. Очевидно, зависимость Полоцка от Святослава восстановилась, но следует заметить, что Рогволоду оказывал поддержку и смоленский Ростислав. Вскоре после этого Изяслав Давыдович, помирившись со Святославом, дал ему в том же 1158 г. одновременно с Мозырем и Чичерск[203]. Тем самым позиции Святослава в «Дреговичах» значительно укрепились, ибо прежде все радимические волости были во владении Давыдовичей, и дреговические владения Святослава не соприкасались непосредственно с его владениями в Левобережье.

В 1161 г. ставленник Святослава полоцкий Рогволод Борисович «въбѣже въ Случьскъ и ту бывъ три дни иде въ Дрьютескъ», прежнюю свою волость[204]. Уход из Случеска в Друцк можно рассматривать как свидетельство того, что Случеск и прежде не принадлежал Рогволоду, и в 1158 году этот город Святослава Ольговича служил лишь отправным пунктом для вторжения в Полоцкую землю. Это говорит и о том, что именно через Случеск осуществлялось влияние черниговских князей на полоцкие дела.

В том же 1161 г. «Рюрикъ и Святополкъ Гюргевичь Туровьскии, и Святославъ Всеволодичь съ братомъ Ярославомъ, и съ Олгомъ Святославичем, и съ Володимиричемъ, и съ Кривьскими князьми идоша къ Случьску на Володимира на Мьстиславича. Володимиръ же увидивъ силу ихъ и дасть имъ миръ и Случьска съступи имъ, а самъ иде Киеву къ брату Ростиславу»[205]. Иногда этот текст рассматривается как свидетельство того, что в это время Случеск принадлежал Владимиру Мстиславичу, внуку Мономаха, и что именно к нему бежал Рогволод после похода на Володаря[206]. Сама цель похода – изгнание Владимира Мстиславича – показывает, что он владел Случеском в результате захвата и в недлительном времени, так как маловероятно, чтобы союзный Святославу Ольговичу и Ростиславу Мстиславичу

[201] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 498, 544.
[202] Там же. Стб. 493–496.
[203] Там же. Стб. 498.
[204] Там же. Стб. 519.
[205] Там же. Стб. 521.
[206] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. С. 272, 273.

Рогволод бежал к их противнику. Основную силу в данном случае составляли черниговские князья, возглавляемые новгород-северским Святославом Всеволодовичем. Они и представляются наиболее заинтересованными в изгнании Владимира Мстиславича из Случеска.

Случеск прежде принадлежал Ольговичу, и все черниговские князья, за исключением самого Святослава Ольговича, упомянуты в походе на Случеск, здесь же назван и последний Давыдович – вщижский князь Святослав Владимирович, недавно принесший клятву вассальной верности Святославу Ольговичу. «Кривские» князья названы последними, вероятнее всего, как союзники. Святослав Всеволодович среди всех князей – участников похода был самым старшим и по возрасту, и по занимаемому столу. Маловероятно, что все черниговские князья столь дружно выступили против Владимира Мстиславича для того, чтобы отдать прежде принадлежавший им город туровским князьям, которые были представлены лишь сыном туровского Юрия Ярославича, только что заключившего мир с киевским Ростиславом Мстиславичем[207].

Наиболее верным было бы считать, что Ростислав в данном случае оказывал поддержку своему союзнику – черниговскому Святославу Ольговичу, направляя на Случеск своего сына Рюрика и помощь от туровского князя. С другой стороны, в результате этого похода киевский князь заручался вассальной верностью своего брата Владимира Мстиславича, дав ему Треполь с четырьми городами[208]. Таким образом, в 1161 г. «Дреговичи» или часть их (без Клеческа) были во владении черниговских князей.

Поскольку позиции Черниговского княжества в системе древнерусского княжеств в 60-х гг. не ослабевали, и Ольговичи не только сохранили, но и укрепили союз с киевским князем путем брака Олега Святославича с дочерью Ростислава Мстиславича, постольку есть основания считать, что до смерти Ростислава (14 марта 1167 г.) «Дреговичи» сохранялись за Черниговской землей. Дальнейшая судьба дреговических волостей Случеска и Клечевска по данным письменных источников домонгольского времени неизвестна[209].

Однако есть следующие основания считать эти земли вплоть до начала XII в. в составе Черниговской земли. В 1181 г. после сражения с Давыдом Ростиславичем Смоленским у Друцка, где союзниками Святослава Всеволодовича были почти все полоцкие князья с литовскими и ливскими дружинами, Святослав пошел к Рогачеву[210]. Нет оснований сомневаться в том, что этот город в 70-х гг. XII в. оставался черниговским. За 30 лет,

---

[207] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 520.

[208] Там же. Стб. 521.

[209] После монгольского вторжения впервые Случеск упоминается Ипатьевской летописью под 1274 г. как место встречи войск Льва Галицкого с татарской помощью и «заднепровскими князьями» для похода на Новогрудок: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 872–873.

[210] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 620–621.

прошедших с того времени, как Рогачев был впервые упомянут во владении черниговских князей, Киевская земля раздробилась на довольно большое количество волостей с княжескими столами, в разной степени обособившимися от киевского князя. Рогачев находился на окраине Киевской земли, и маловероятно, чтобы он сохранил свою принадлежность этой земле. На Рогачев могли притязать соседние с ним земли. Черниговские владения окружали его с двух или даже трех сторон: на востоке – Чичерская, на западе – Слуцкая волости. Южнее, на правобережье Днепра, в начале XIII в. находились черниговские города, из которых известна Речица. Этот город упомянут в Новгородской I летописи при описании похода новгородского князя Мстислава Удалого в июне – начале июля 1212 г. на киевского Всеволода Чермного. В том походе новгородцы, воевавшие по Днепру, взяли «на щит» Речицу и многие другие черниговские города[211].

В пользу сохранения «Дреговичей» в составе Черниговской земли свидетельствует активная политика черниговских князей в полоцко-смоленском пограничье; полоцкие князья – союзники черниговских в походе на Друть 1181 г.; когда Ольговичи претендовали на Витебск, полоцкие князья выручили сына Святослава Всеволодовича – Олега в сражении со смоленскими князьями (март 1196 г.), решив его исход в пользу Олега[212]. В описании этой усобицы между Ярославом Всеволодовичем Черниговским, с одной стороны, и Рюриком Ростиславичем Киевским и Всеволодом Большое Гнездо – с другой, важное место отводится тому факту, что рюриковы послы не могли достичь Владимиро-Суздальской земли, ибо Ярослав «не пустяшеть пословъ рюриковыхъ сквозѣ свою волость, заяли бо бяхуть Олговичи вси пути»[213]. В конце XII в. черниговский князь контролировал пути сообщения южнорусских княжеств с северными, эти пути шли через черниговские волости. Если бы территория «Дреговичей» входила в состав Туровского княжества, в ту пору союзного Рюрику, то проблемы сообщения Киева со Смоленском и Владимиром не было. Немаловажным представляется и то, что черниговские князья уже в начале XIII в. активно включаются в борьбу с Литвой. Зимой 1203/4 г. «побѣдиша Олговиця Литву: убиша ихъ 7 сотъ и 1000»[214].

Итак, для 40–60-х гг. XII в. есть все основания считать дреговические волости Случеск и Клеческ во владении черниговских князей и можно быть уверенным, что они в основном сохранялись в числе черниговских волостей до начала XIII в.

---

[211] НПЛ. С. 53, 252.

[212] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 691–693, 701.

[213] Там же. Стб. 696. Достоверность сообщения не вызывает сомнения, так как оно относится к киевскому летописанию времени Рюрика Ростиславича.

[214] НПЛ. С. 45, 246; ПСРЛ. Т. 1 Стб. 421.

Каковы были границы рассматриваемой территории? Северная граница черниговских дреговичей совпадала с южной границей Полоцкой земли, то есть шла от Рогачева к верховьям Немана[215]. Клеческ на р. Лани находился в северо-западном углу изучаемой территории, и западную границу условно можно провести западнее реки Лани. Левый берег Припяти или часть его принадлежали Турову и Пинску: во время похода Изяслава Давыдовича на Туров (1157/8 г.) «воеваша Берендичи около Пиньска и за Припѣтью»[216]. Границу можно провести условно несколько севернее Припяти по лесистым болотам, разделявшим прибрежные районы Припяти и заселенные территории Случеска и Клеческа. Однако можно предполагать в связи с временным наделением черниговских князей (1155–1158 гг.) Мозырем, что близ устья Птичи граница черниговских «Дреговичей» шла вдоль Припяти и далее в широтном направлении к верховьям р. Брагинки, где начиналась граница с Брягинской волостью Киевской земли.

Летописные источники не дают указаний на принадлежность этой территории в XII в. к Турову. Исследователи считали ее туровской как само собой разумеющееся, поскольку Случеск и Клеческ, как и Туров, находились на территории дреговичей, а в Турове, согласно Повести временных лет, если не считать легендарного Тура, уже в 988 г. был посажен свой князь – сын Владимира Святославича – Святополк. Термины «Дреговическая земля» и «Туровская земля» часто употреблялись в исторических исследованиях как синонимы без достаточного обоснования[217].

Следующий текст Ипатьевской летописи иногда толковался в пользу принадлежности Случеска и Клеческа Турову в XII в. В конце 1146 г. Изяслав Мстиславич дал Святославу Всеволодовичу «Бужьскыи и Межибожье, 5 городовъ, а из Володимиря выведе». Туровский же Вячеслав Владимирович «отя городы опять, иже бяшеть от него Всеволод отялъ, не токмо же то, но и Володимирь зая»[218]. Таким образом, речь шла о пяти городах в верховьях Южного Буга и о Владимиро-Волынском. А. С. Грушевский же считал, что в данном случае Вячеслав «возвратил отнятые еще Всеволодом и оставленные Изяславом за Давыдовичами города Туровской области». Под этими городами он подразумевал «Случеск, Клеческ и все Дреговичи», которые Святослав забрал у Давыдовичей в 1149 г.[219] Известие

---

[215] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. С. 77–82. Рис. 13.

[216] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 491–492.

[217] *Грушевский А. С.* Очерк истории Турово-Пинского княжества XI–XIII вв. С. 16; *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 300.

[218] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 329–330. Ср.: Т. 1. Стб. 314.

[219] *Грушевский А. С.* Очерк истории Турово-Пинского княжества XI–XIII вв. С. 46–49. П. Ф. Лысенко считает, что речь шла также и о Рогачеве, и поэтому относит его к туровскому княжеству. Впрочем, противореча себе, двумя строками выше автор справедливо говорит

под 6654 (1146) г., читающиеся в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, можно считать единственным летописным свидетельством, приводящимся в пользу принадлежности Случеска и Клеческа Туровскому княжеству XII в., но оно толковалось ошибочно.

Чем же было вызвано ошибочное толкование летописных свидетельств об изучаемой территории? Несомненна здесь сила традиции. Однако в основе фактических ошибок при определении границ Туровской волости лежало непонимание дореволюционными исследователями принципиальной разницы между племенной и государственной территорией, а из этого следовало невнимание к процессу формирования сплошной государственной территории Древней Руси.

Вот несколько цитат, характеризующих понимание места Турова в системе южнорусских княжеств XII в. таким крупным историком, как М. С. Грушевский. «В наших летописях X–XIII вв. как явно принадлежащие "Дреговичам", т.е. Турово-Пинскому княжеству, перечисляются такие города: Туров, Пинск, Случеск, Клеческ»[220], т.е. включение Случеска и Клеческа в состав Туровского княжества происходит фактически в результате подмены одного понятия другим. М. С. Грушевский первоначально не решался включить Турово-Пинскую территорию в состав Киевской земли, хотя и отмечал все указания источников на то, что она была киевской волостью в первой половине XII в.[221] Впоследствии он изменил точку зрения, но характерно следующее замечание: «Турово-Пинская территория» для нас имеет только второстепенный интерес, ибо ее этнографическая принадлежность к украинско-русской группе племен в то время маловероятна, а современной украинско-русской территории принадлежит лишь ее западная окраина. Будучи долгое время "киевской волостью", она вполне может быть рассмотрена здесь – в дополнение к Киевщине»[222].

Итак, включая, согласно данным источника, Туровское княжество в состав Киевской земли в качестве киевской волости, М. С. Грушевский в силу предвзятой концепции о вечности этнических категорий вынужден был рассматривать Туровскую волость Киевской земли особо от этой земли. Противоречивость проявляется и в том, что Туровское княжество М. С. Грушевский в одном случае ставит в ряд с Переяславской землей, считая их «аннексами», «придатками к Киеву», «киевскими волостями,

---

о розданных Всеволодом в 1142 г. городах как о киевских (*Лысенко П. Ф.* Города Туровской земли. Минск, 1974. С. 18).

[220] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 1. С. 301.

[221] *Грушевский М. С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV ст. С. 4–5.

[222] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 300.

как Всеволод Ольгович называл Туров»[223], в другом же месте он справедливо рассматривает Переяславскую землю в ряду таких земель, как Киевская, Черниговская и т.д., посвящая ей особый раздел[224].

Таким образом М. С. Грушевский, следуя источнику, отметил вхождение Туровской волости в состав Киевской земли, но в силу непонимания существенного различия между племенной и государственной территориями был непоследователен и противоречив, искусственно обособляя Туров при изучении Киевской земли. Это объясняет и ошибочное включение Случеска и Клеческа в состав Туровской волости XII в.

Изучение формирования государственной территории Древней Руси как процесса позволило А. Н. Насонову вполне последовательно включить Турово-Пинскую волость в состав Киевской земли, причем отмечалась разная степень прочности связей территорий этой земли с киевским столом[225]. Однако в задачу А. Н. Насонова не входило изучение дробления Киевской земли и других земель-княжений, поэтому он не отметил того, что в первой трети XII в. в источниках выявляется существование в дреговической земле, кроме Турова, и других центров административных территориальных единиц – волостей, независимых от Турова.

Подобно тому как Туров и Пинск обособились от Киева в середине XII в. под властью Святополчичей, Случеск и, возможно, Клеческ обособились несколько ранее под властью северских Ольговичей.

На каком же основании Святослав Ольгович считал Случеск, Клеческ и «Дреговичей» своей отчиной? Выяснив владельческую принадлежность этой территории в середине XII в., можно допустить ретроспекцию ко времени конца XI – начала XII в.

В январе – марте 1116 г. Владимир Мономах с сыновьями и Давыд Святославич Черниговский с племянниками – Ольговичами ходили на Глеба Всеславича Минского за то, что тот «воевалъ Дрѣговичи и Случескъ пожегъ»[226]. Текст «Поучения» Мономаха уточняет причину похода Владимира и Давыда: «к Мѣньску ходихом на Глѣба, оже ны бяше люди заялъ»[227]. Важно заметить, что в походе участвовали все князья Черниговской земли и то, что нападение Глеба на Случеск произошло вскоре после смерти Олега Святославича, князя новгород-северского.

---

[223] Известие, на которое ссылается М. С. Грушевский, противоречит его мнению. Всеволод отправляет Вячеслава в Переяславль именно потому, что тот княжил в киевской волости – Турове, то есть Переяславль – не киевская волость: «сѣдѣши во киевськои волости, а мнѣ достоить, а ты поиди в Переяславль, отцину свою». (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 310).

[224] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 186, 338–358. Ср.: С. 254–255.

[225] *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 55, 134, 149–150.

[226] ПСЛР. Т. 2. Стб. 282.

[227] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 250.

Значительный интерес представляет следующий текст статьи 6612 (1104) г. Повести временных лет: «Сего же лѣта исходяща посла Святополкъ Путяту на Мѣнескъ, а Володимеръ сына своего Ярополка, а Олегъ самъ иде на Глѣба, поемше Давыда Всеславича, и не успѣша ничтоже и възвратишася опять /въ своясы – *Р. А.*/»[228]. Обращает на себя внимание, то, что киевский Святополк послал в поход тысяцкого, Мономах – сына, Олег же отправился сам с Давыдом Всеславичем, чье положение в Полоцкой земле в это время недостаточно ясно[229]. Очевидно, что в этом походе Олег Святославич был старшим. Если учесть, что Олег неохотно принимал участие в совместных военных действиях князей «Русской земли», уклонялся от походов на половцев, то очень показательно, что в поход на далекий от Новгорода-Северского Минск шел не послушный черниговский Давыд Святославич, чья территория была гораздо ближе к Минску, а именно Олег Святославич. Есть основание считать его в первую очередь заинтересованным в этом походе. А. Е. Пресняков считал, что слова «поемше Давыда Всеславича» указывают на попытку Олега помочь изгнанному братьями Давыду[230].

Если учесть отмечавшуюся связь изучаемой территории с политикой черниговских князей середины XII в. по отношению к Полоцку и сопоставить рассмотренные два известия с тем, что в 1149 г. Святослав Ольгович называл отчиной, кроме Сновской тысячи, Курска и соседних с Полоцкой землей «Дреговичей», то можно понять заинтересованность Олега в походе 1104 г., причину нападения Глеба Минского на Случеск вскоре после смерти Олега (между августом 1115 г. и январем 1116 г.)[231], а также участие всех черниговских князей в ответном походе на Минск. Если допустить, что Олег Святославич владел киевской волостью «Дреговичи» со Случеском, то нападение на этот город было вызвано смертью Олега. Вероятно, Всеславичи претендовали на эту территорию, и «укоры» Глеба были вызваны тем, что Мономах сохранил эту волость во владении черниговских князей. Можно предполагать, что Олег и Ольговичи получили эту киевскую волость так же, как и переяславскую волость – Курск, в виде условного или временного держания и только уже в середине XII в., т.е. во время обособления ряда волостей Киевской земли. Ольговичи стали рассматривать эти территории как свою отчину.

---

[228] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 280; Т. 2. Стб. 256.

[229] Л. В. Алексеев считает его полоцким князем: *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. С. 252–253.

[230] *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси. С. 118.

[231] Летопись отмечает, что походу Мономаха и Давыда предшествовали переговоры, в которых Глеб в чем-то укорял киевского князя (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 282). На переговоры и подготовку к походу нужно было некоторое время, следовательно, нападение Глеба на Случеск произошло в сентябре - ноябре 1115 г., т.е. вскоре после получения им вести о смерти Олега Святославича.

С. М. Соловьев, рассматривая итоги Любечского раздела, отмечал «неравенство в распределении волостей между тремя линиями: ...Мономах держал в своей семье Переяславскую, Смоленскую и Новгородскую волости. Святополк... получил Владимир-Волынский... *всех меньше была волость Святославичей: они ничего не получили в прибавок к первоначальной волости*, причем их было три брата (выделено мной. – *А. З.*)»[232]. Нужно помнить, что по разделу 1097 г. Олег Святославич лишился черниговского стола и, следовательно, Мурома и Рязани, где вокняжился младший Святославич – Ярослав, а прежде были посадники Олега. Олег довольствовался вторым по значению новгород-северским столом. Давыд Святославич, потеряв Смоленск, сел в Чернигове, но не получил непосредственно всей Черниговской земли, где его фактическим соправителем стал Олег. Однако после 1097–1100 гг. Святославичи прекратили открытую борьбу со Святополком и Мономахом, не претендовали явно и на киевский стол.

Несомненно, это примирение объяснялось не только необходимостью консолидации в связи с половецкой угрозой, но и какой-то компенсацией потерь, и, в первую очередь, потерь наиболее политически активного Святославича – Олега. Такие компенсации в то время случались: на съезде в Уветичах Давыду Игоревичу, начавшему усобицу и потерпевшему поражение, были даны Святополком города Бужеск, Дубен и Черторыеск, а Мономахом и Святославичами – по 200 гривен[233]. Вероятно, такой же компенсацией и было получение Олегом Святославичем (во временное или условное держание?) северной окраины Киевской земли – «Дреговичей» или их части со Слуцком. Такое наделение можно объяснить и необходимостью привлечения Святославичей к борьбе с полоцким Всеславом и Всеславичами, с одной стороны, и с половцами – с другой, что и было достигнуто.

Итак, исходя из данных, прямо свидетельствующих о владениях черниговских князей в земле дреговичей в середине XII в., на основании косвенных данных (свидетельство об отчинных правах Святослава Ольговича, активная политика черниговских князей по отношению к Полоцку в первой трети XII в.) можно предполагать, что Олег Святославич получил, вероятно, в конце XI – начале XII в. (по Любечскому или Уветическому соглашению) во временное владение Случеск и, возможно, Клеческ[234].

Такой гипотезе противоречит текст второй редакции «Истории Российской» В. Н. Татищева. При перечислении отчин участников Любечского

---

[232] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 1. С. 393.

[233] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 274; Т. 2. Стб. 249.

[234] То, что в 1127 г. в Клеческе сидел Вячеслав Ярославич, свидетельствует против такого предположения. Однако не исключено, что Клеческ был отнят в 1127 г. у черниговского Всеволода, так же как и Курск, Мстиславом Киевским и дан Вячеславу.

съезда указаны следующие размеры владений Святополка Изяславича и его племянников Ярополчичей: «Святополку с сыновцы, яко сыну и внукома Изяславлим, – Туров, *Слуцк, Пинск* и все городы до Буга по оной стране Припети, а яко великому князю – Киев со всею областью, что ко оному пренадлежит, *до реки Горыни и Новград Великий к Киеву*»[235]. В первой редакции «Истории» решения съезда изложены согласно Повести временных лет. Не исключено, что в основу сообщения второй редакции положены данные не дошедшего до нас источника, имевшегося у В. Н. Татищева, но развернутый анализ текста увел бы далеко от основной темы. Достаточно сказать, что в Воронцовском, старшем, списке второй редакции «Истории» выделенные слова приписаны[236], и упоминание о Случеске представляется вставкой, вызванной осмыслением слов «все городы до Буга по оной стране»[237]. Итак, известие В. Н. Татищева не указывает северную границу Туровской земли.

Показательно, что это известие (без указания на Воронцовский вариант) приведено для определения границ «Туровской земли» в диссертации П. Ф. Лысенко «Города Туровской земли»[238]. Вероятно, обращение к недостаточно проверенным данным было вызвано отсутствием летописных свидетельств о вхождении Случеска и Клеческа в состав Туровской волости XII в.

Археологические данные в некоторых случаях сами свидетельствуют в пользу того, что часть дреговической территории входила в состав Черниговской земли. Выше упоминалось суждение Г. Ф. Соловьевой о том, что Рогачев и прилегающая к нему территория принадлежали черниговским князьям. В связи со всем изложенным можно только присоединиться к этому мнению, считая его вполне справедливым для XII в. Археологические, а также лингвистические исследования во многом могут способствовать

---

[235] *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 2. М.; Л., 1963. С. 110. Варианты: С. 285; Ср.: Т. 4. С. 168.

[236] *Валк С. Н.* О рукописи второй редакции второй части «Истории Российской» В. Н. Татищева // *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 2. С. 12, 15, 285. Примеч. 16 к гл. 12.

[237] Так же понял В. Н. Татищев известие 1142 г.: Всеволод «дает по городу каждому *из Туровской области*, а именно: Брест, Дорогобуж, Черторыйск, Клецк...» (выделенное в Воронцовском списке приписано): *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 2. С. 154, 288. Примеч. 3 к гл. 16; Ср.: *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 4. М.; Л., 1964. С. 196–197. Известие 1149 г. о Случеске, Клеческе и Дреговичах В. Н. Татищев опускает уже в первой редакции «Истории». Очевидно, что Случеск и Клеческ впервые в нашей историографии были включены в состав «Туровской области» В. Н. Татищевым: Там же. Т. 4. С. 220. Ср.: Там же. Т. 3. М.; Л., 1964. С. 9.

[238] *Лысенко П. Ф.* Города Туровской земли. 1971. С. 8–9. Исследователь неосторожно называет известие В. Н. Татищева «летописным», причем если в результате собственных раскопок Рогачева, Клецка и Слуцка возникновение первых двух П. Ф. Лысенко датирует XI в., то время возникновения Слуцка относится им к рубежу XI–XII вв. (Там же. С. 16–17), что еще более снижает степень достоверности известия В. Н. Татищева. Ср.: *Лысенко П. Ф.* Города Туровской земли. 1974. С. 21, 149–150, 164, 171.

изучению территории «Случеск, Клеческ и вси Дреговичи», но в данном случае приходится ограничиться известиями письменных источников.

Территория «Дреговичи» имела большое значение для проведения черниговской политики в Полоцкой земле и была важным фактором в борьбе с коалицией киевского и владимиро-суздальского князей. Сам процесс закрепления этой территории за Черниговской землей (сначала – условное владение новгород-северского князя киевской волостью в результате наделения, затем – закрепление ее в качестве «отчины» за черниговскими князьями), несомненно, отражает развитие феодальных отношений в древнерусских княжествах.

В результате завершения формирования Киевской земли, как следствие дальнейшего углубления процесса освоения этой территории феодальным государством, в конце XI – начале XII в. выделяются волости[239], расположенные вокруг территориального ядра Киевской земли-княжения, вероятно, совпадавшего с правобережной частью «Русской земли» в узком смысле этого слова. Получение отдельных киевских волостей и городов (Случеск, Клеческ, Берестий, Дорогочин, Черторыеск, Визна, а также Мозырь, Корческ, Туров, Пинск, Белгород, Бужьский, Межибожье, Котельница и др.) черниговскими князьями можно рассматривать как наделение в условное держание.

В силу недостаточной прочности экономических и политических связей между территориями феодального государства фактор отдаленности от территориального ядра Киевской земли несомненно играл свою роль в обособлении окраинных волостей и переходе их в состав соседних более могущественных земель[240]. За получением этих волостей Киевской земли в условное держание следовало, во втором поколении держателей, произвольное распространение на эти территории отчинного права (как мы видели на примере Святослава Ольговича). Таким образом, вопрос о «всех Дреговичах» связан и с проблемой дробления и сокращения Киевской земли XII в. Вполне очевидно, что материалы о «Дреговичах» представляют интерес для изучения важной проблемы отношений сюзеренитета-вассалитета и связанной с ними иерархической структуры земельной собственности[241] на верхних ступенях феодальной лествицы Древней Руси.

---

[239] Практика наделения волостями берет свое начало в конце XI в., приблизительно во время Всеволода Ярославича, который «раздаял городы», «раздаваше волости» своим племянникам (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 216; Т. 2. Стб. 207–208); *Черепнин Л. В.* Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма. М., 1972. С. 165.

[240] Берестейская, например, волость, бывшая некоторое время в держании у Давыдовичей (1142 г.), отошла во второй половине XII в. к Волынской земле (*Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 129).

[241] *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси // *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 59–68; *Черепнин Л. В.* Русь. С. 165.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЧЕРНИГОВСКОГО КНЯЖЕСТВА. Сороковые–пятидесятые годы XII в. считаются временем обособления Новгорода-Северского от Черниговского княжества[242]. Вопрос об обособлении следует рассмотреть по данным середины XII – середины XIII в., но он связан, в первую очередь, с появлением в Черниговской земле деления территорий на черниговские и новгородские волости.

М. С. Грушевский заметил в Черниговской земле деление на две части, в которые входили «идеальные волости» – Черниговская («7 городов») и Новгород-Северская. Первой принадлежали ее «аннексы» – города радимичей и вятичей, второй – Посемье и район р. Снови[243]. Выявление этих «идеальных территорий» существенно для изучения истории сложения государственной территории Черниговского княжества, но далее такого наблюдения М. С. Грушевский не пошел. Следует заметить, что безотносительное ко времени включение «Вятичей» и «Радимичей» в число черниговских волостей – типичная для историко-географических наблюдений того времени ошибка, когда выводы этой науки были преимущественно суммарны для больших отрезков времени, то есть как бы вне динамики, вне исторического развития[244]. Радимические волости, как было показано, тянули к Чернигову, но во второй половине XII в. Чичерск был во владении новгород-северского Олега Святославича. «Вятичи» были в первой половине XII в. волостью князей новгород-северских (Олега Святославича и его сыновей – Всеволода, Игоря, Святослава), во второй половине того же столетия они тянули к Чернигову.

Характерно и то, что, приводя для выявления новгород-северских владений известие 6657 (1149) г. Ипатьевской летописи об отчинах Святослава Ольговича (свидетельство отправное для определения принадлежности Сновской тысячи, Курского Посемья и «Дреговичей»), М. С. Грушевский произвольно прервал цитату перед словами: «и Случьскъ и Кльчьскъ и вси Дрегвичѣ»[245], уклоняясь от вопроса об отношении этой территории к Черниговской земле. О причинах такого подхода было достаточно сказано выше. Вместе с тем понимание исторической географии как дисциплины вспомо-

---

[242] История СССР с древнейших времен... Т. 1. С. 591.

[243] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 327–328.

[244] Конечно, исследователи отмечали изменения границ. М. С. Грушевский, например, наиболее подробно проследил историю присоединения Посемья к Черниговской земле, правда, рассматривая эту территорию суммарно, не выделяя Путивльской и Вырской волостей. У него же появляется термин «территориальная история» (*Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 320), но она для Черниговского княжества сводится лишь к двум моментам: неудачным попыткам присоединения территорий за пределами княжества и делению земли на мелкие княжества. И то и другое М. С. Грушевский объясняет «размножением династии» (Там же).

[245] Там же. С. 327; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 384.

гательной лишало ее историчности, искажало историческую перспективу и в конечном счете также вело к неверной картине политической географии Черниговской земли. По этим причинам меткие историко-географические наблюдения М. С. Грушевского (от «идеальной» черниговской территории всего шаг к «территориальному ядру» и далее) не могли быть им научно реализованы. Принцип формирования государственной территории вокруг ядра с более высоким уровнем социально-экономического развития был последовательно проведен в работе А. Н. Насонова.

С появлением в Черниговской земле второго княжеского стола в 1097 г. территориальное ядро земли оказалось разделенным на две части. Соответственно этому разделу из рассмотренных событий известно существование волостей черниговских (Гомий, Чичерск, Вщиж и Ормина) и волостей новгородских («Вятичи», «Лесная земля», территории городов, расположенных к востоку и к югу от нее (Домагощ, Мценск, Севск и др.), а также Путивль, Курск, Вырь и «Дреговичи». Переговоры черниговских князей со Всеволодом Ольговичем в 1142 г., договор 1151 г. об отчинах Ольговичей и Давыдовичей бесспорно свидетельствуют о существовавшей границе раздела Давыда и Олега Святославичей, вероятно, по западной и северной границам Сновской тысячи и далее к северу по западным пределам «Вятичей» (см. карту 3, врезка).

Выше отмечалось, что территории, называвшиеся в XII в. «Вятичами» и «Дреговичами», составляли лишь часть этнографического ареала вятичей и дреговичей[246]. Особенно важны для изучения образования территории Черниговского княжества наблюдения за землями вятичей. Укрытая лесами область «Вятичи» сохранила за собой название, связанное с этнонимом, южные же земли вятичей (Корачев, Домагощ, Мценск) этого названия лишились. Это дает основание видеть в завершении государственного освоения территории вятичей два этапа. Южные вятичи были освоены раньше, и имя «Вятичи» сохранилось лишь за северными. Еще в 1147 г. в «Вятичах» было своего рода двоевластие: местная знать не слилась с княжеской администрацией (посадники) и, обладая реальной военной силой, была враждебна как к князьям, считавшим «Вятичи» своей отчиной (Ольговичи), так и к черниговским Давыдовичам.

Вероятно, не одновременно завершилось образование волостей и на радимической территории. Раньше Гомийской и Чичерской волостей были освоены территории по средней Десне и ее правым притокам. Судя по данным раскопок обширнейшего курганного некрополя в Кветуни

---

[246] То же можно сказать и об упомянутых в XII в. только один раз «Радимичах» – в событиях 1168 г. Владимир Мстиславич бежал из Дорогобужа через территорию «Радимичи» в Суздальскую землю. Он не мог идти по смоленской части радимических земель, так как смоленские князья были ему враждебны, т.е. речь шла о черниговских «Радимичах» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 537).

(10 км к югу от г. Трубчевска), материалам Кветунского и Трубчевского городищ[247], здесь уже в конце X – начале XI в. существовал значительный военно-административный центр государственной власти.

С образованием внешних границ Черниговского княжества постепенно формируются внутренние границы земли: образуются относительно устойчивые феодальные территориальные единицы – волости. Далеко не всегда можно установить хотя бы приблизительные границы этих территорий, что, возможно, объясняется спецификой феодальных границ. Однако нельзя считать, что территория волостей неустойчива, и их размер определять той территорией, на которую распространяется власть одного князя. Учитывая недостаточную изученность летописной социальной терминологии, двойное значение термина «волость» (территория, владельческая прерогатива)[248] следует отметить, что не только по контексту, но и в прямых указаниях летописи можно найти свидетельства применения этого термина в значении территориальной единицы уже в середине XII в.: вщижский князь Святослав Владимирович владел двумя волостями – Вщижской и прилегающей к ней с юга «лепшей волостью» Стародубской[249].

Таким образом, двум частям территориального ядра с центрами в Чернигове и в Новгороде-Северском принадлежали к середине XII в. не обширные единые территории вятичей, радимичей, дреговичей, восточных северян, а более мелкие феодальные административно-территориальные единицы – волости, образовавшиеся в результате завершения государственного освоения территорий указанных «племен». Волости управлялись, главным образом, посадниками, до конца 50-х гг. XII в. за пределами территориального ядра Черниговской земли известны лишь два княжеских стола – в Путивле и в Курске.

Рассмотрев историю территорий Черниговского княжества второй половины XI – первой половины XII в., можно считать, что его юго-западные, южные и юго-восточные устойчивые границы с Киевской и Переяславской землями сложились с разделом Ярослава Мудрого. Государственное освоение земель радимичей и вятичей еще не было завершено. Поэтому отсутствовала определенная граница со Смоленском и Ростовом, не было сплошной территории, соединяющей ядро Черниговской земли с формирующимся ядром Муромо-Рязанской территории[250].

---

[247] Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. С. 29, 32; *Падин В. А.* О чем рассказали раскопки // Памятники истории и культуры Брянщины. Брянск, 1970. С. 98–101.

[248] *Черепнин Л. В.* К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X – начале XIII в. // ИЗ. Т. 89. М., 1972. С. 366–367. Ср.: *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 183–184.

[249] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 525–526.

[250] *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 197–198.

Освоение земель вятичей было завершено в первой трети XII в., несколько ранее были освоены территории радимичей. Существование в середине XII в. территории, сохранившей за собой название «Вятичи», позволяет предполагать, что она была освоена несколько позже южных вятических районов («Лесной земли», Мценска и Домагоща). Несомненно, что к 30–40-м гг. XII в. установились границы со Смоленским и Ростово-Суздальским княжествами.

Важным этапом в территориальной истории Черниговского княжества был рубеж XI–XII вв. После Любечского съезда появляется княжеский стол в Новгороде-Северском. Основная, образующая Черниговскую землю территория делится на две части. Тянувшая прежде к Чернигову Сновская тысяча попала под власть этого нового княжеского центра. Соответственно разделу ядра произошло деление Черниговской земли. На основании известий о волостях черниговских и новгородских, а также об отчинах Давыдовичей и Ольговичей есть основания считать, что граница владений Давыда и Олега шла вдоль западного рубежа Сновской тысячи и далее, приблизительно по Судости и Десне. Эти границы, конечно, очень условны. Граница Муромо-Рязанских владений Ярослава Святославича, вероятно, совпадала с установившейся после отделения Мурома в 1127 г. черниговско-рязанской границей.

Допускается предположение, что на рубеже XI–XII вв. территория Черниговского княжества увеличилась за счет условных держаний Святослава Ольговича: Курска (с 1113 г. – несомненно) и «Дреговичей». Однако окончательное их вхождение в состав Черниговской земли произошло лишь в середине XII в. В это время завершилось сложение основных границ земли.

В это же время территория Черниговского княжества представляется разделенной на ряд территориальных феодальных административных единиц – волостей, из которых упомянуты как волости Вщижская, Карачевская, Путивльская, Гомийская. Вероятно, что Чичерск, Трубчевск, Клеческ, Случеск, Вырь и некоторые другие города также были центрами волостей. При всей гипотетичности границ и при очевидно малом количестве упоминаний о волостях, несомненно то, что к середине XII в. в Черниговской земле в основном завершилось формирование относительно устойчивых административных единиц, управляемых феодальным государством территорий – волостей. В это же время появились в Черниговской земле первые известные нам княжеские столы за пределами территориального ядра, например Курск, Путивль, в конце 50-х гг. в – Вщиж.

Фактор территориальной отдаленности в сочетании с местными центробежными тенденциями несомненно способствовал отделению после

1127 г. Муромо-Рязанских земель[251]. Еще ранее (в конце XI – начале XII в.) черниговские князья лишились далекой Тмутаракани[252].

Итак, период середины XI – середины XII в. был временем завершения процесса государственного освоения, сложения государственной территории Черниговской земли силами обособившегося Черниговского княжества, временем образования его основных границ.

В соответствии с этим по отношению к центру Древнерусского государства – Киеву вторая половина XI – первая половина XII в. были временем завершения процесса обособления Черниговской земли.

На первом этапе этого периода можно еще наблюдать относительное равновесие или борьбу тенденции обособления и тенденции сохранения единства с Киевом, особенно во время правления Всеволода Ярославича, владевшего «всей Русской землей» и вместе с тем сохранявшего княжеские столы в Чернигове и Переяславле. В первой трети XII в. центробежная тенденция победила окончательно. На завершающем, третьем этапе (до середины XII в.) наблюдается появление новой тенденции, которая выражалась в стремлении черниговских князей к овладению киевским столом, при сохранении за собой господствующего положения в Черниговской земле, с целью использования киевского стола как инструмента наступательной политики Чернигова, вторгавшейся в интересы сопредельных княжеств. Эта активная общерусская политика проявлялась даже в простейших формах сюзеренитета черниговских князей по отношению, например, к полоцким князьям[253].

---

[251] Во время правления в Чернигове Ярослава Святославича (1123–1127 гг.) в Муроме сидел его племянник Всеволод Давыдович (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 288). В Новгороде-Северском в это время княжил, очевидно, другой Всеволод – Ольгович, так как, только владея Сновском, он мог в 1127 г. неожиданно («изъездом») захватить Чернигов и изгнать Ярослава Святославича. После чего ни один потомок Ярослава не претендовал на Черниговскую землю.

[252] *Литаврин Г. Г.* Новые сведения о Северном Причерноморье (XII в.) // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 239–240.

[253] Эти выводы решительно противоречат тезису М. Х. Алешковского, оценивавшего «Завещание Ярослава» и устанавливавшего время сложения феодальной раздробленности следующим образом: «Автор выступает лишь за военно-политическое единство Руси, призывая князей увековечить ее социально-экономическую раздробленность согласно завещанию Ярослава...Эта раздробленность, прогрессивная в середине XI в., была лишь оформлена и закреплена завещанием Ярослава, которое рисуется завершающим фактом в процессе разъединения Руси, а не начальным его этапом» (*Алешковский М. Х.* Структура отчин трех Ярославичей: (По данным Повести временных лет и археологии) // Тезисы докладов научной сессии Государственного Эрмитажа. Л., 1967. С. 42–43).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЧЕРНИГОВСКАЯ ЗЕМЛЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII в.

Летописные источники дают мало сведений для историко-географического изучения Черниговской земли второй половины XII – первой половины XIII в. Особенно это касается первой половины XIII в. (Киевский свод в составе Ипатьевской летописи обрывается на рубеже XII–XIII вв.). Если для второй половины XII в., на основе данных Ипатьевской летописи в сопоставлении со свидетельствами Лаврентьевской летописи и другими, еще слагается сравнительно целостная картина состояния Черниговской земли, то географические сведения первой половины XIII в. скудны и фрагментарны. Достаточно сказать, что летописи сообщают лишь о четырех неизвестных до этого городах – Серенске (Летописец Переяславля Суздальского под 6716 (1208) г.), Речице, Мосальске (Новгородская I летопись под 6722 (1214) и 6739 (1231) гг.) и Соснице (Ипатьевская под 6742 (1234) г.). Из прежде названных, кроме Чернигова, летописи упоминают (преимущественно однократно) менее десятка городов.

Летописные данные рассматриваемого периода представляют большей частью известия об общерусской политике князей Черниговской земли. Для второй половины XII – начала XIII в. это объясняется отсутствием внутренних усобиц в Черниговской земле, относительной крепостью ее княжеской власти.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО И СТРУКТУРА ЧЕРНИГОВСКОЙ ЗЕМЛИ. Для изучения периода второй половины XII – первой половины XIII в., когда феодальная раздробленность в разной степени развития охватила земли-княжения Древней Руси, вопрос о политическом единстве Черниговской земли является первостепенным.

Как выше отмечалось, существует мнение, что в середине XII в. Новгород-Северское княжество отделилось от Черниговской земли. М. Н. Тихомиров справедливо считал, что для такого суждения нет прочных оснований[1].

[1] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. С. 348.

Точка зрения М. Н. Тихомирова может быть подтверждена целым рядом наблюдений.

Представление о Новгород-Северском княжестве как об отделившемся от Чернигова вызывается очевидной самостоятельной политикой северских князей середины XII в., и в первую очередь Святослава Ольговича в конце 40-х – начале 50-х гг. Казалось бы, достаточно вспомнить о полочанах, принесших в 1151 г. своего рода вассальную присягу не черниговскому, а северскому князю. Более того, раздел Черниговской земли по отчинному признаку между Изяславом Давыдовичем Черниговским и Святославом Ольговичем в 1151 г. очень напоминает решение Любечского съезда «пусть каждый держит свою отчину», и как будто прямо указывает дату отделения Новгорода-Северского от Чернигова (цитировано выше).

Однако следует заметить, что в обращении 1151 г. Ольговичей к Изяславу Давыдовичу рассуждениям об отчинах предшествовали слова «прими нас к собѣ». Изяслав же «прия брата своя и отцину има узвороти»[2]. В этом договоре речь шла о вассальной покорности Ольговичей и вассальном подчинении новгород-северских волостей черниговскому князю[3]. Попытка установить разграничение волостей черниговских и новгород-северских по отчинному признаку в 1151 г. оказалась неудачной, так как Святослав Всеволодович последовал в своей политике за черниговским Изяславом, то есть новгород-северский отчич противопоставил себя и свою волость новгород-северскому князю. За это он и был наказан «в волость» – в марте 1155 г. новгород-северский Святослав Ольгович отнял у него Сновск и другие города.

При рассмотрении политики новгород-северских князей по отношению к Чернигову выясняется, что эти князья в XII в. стремились не к отделению от Черниговского княжества, а к овладению черниговским столом, всей Черниговской землей: в 1157 г. на черниговский стол вступил новгород-северский князь Святослав Ольгович, в 1164 г. – Святослав Всеволодович, в 1198 г. – Игорь Святославич, брат его Всеволод (умер в 1196 г.) погребен в Чернигове. В Черниговском княжестве право на черниговский стол не было закреплено только за старшей линией – потомством Всеволода Ольговича.

Рассматривая вопрос о положении Новгорода-Северского в Черниговской земле конца XII–XIII вв. нельзя не заметить, что после упоминания этого города в статье 1188 г. Ипатьевской летописи (в нем состоялась свадьба Владимира Игоревича с Кончаковной и Святослава Игоревича

---

[2] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 444.

[3] О терминах «прияти», «приятели» см.: *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 63.

с Ярославой Рюриковной)[4] он почти на два столетия исчезает со страниц русских летописей.

Трудно вывести за рамки предположений и вопрос о том, кто занимал новгород-северский стол в XIII в. – имена его князей остаются неизвестными. Принято считать, что после новгород-северского Игоря Святославича (1180–1198 гг.) освободившийся стол занял его сын Владимир.

Основанием тому являются упоминания его в роли старшего в потомстве Игоря и вторым после черниговского Всеволода Чермного. В 1206 году перед походом на Галич «совкупишася Олговичи вси в Черниговъ на снем: Всеволодъ Чермны с своею братею и Володимеръ Игоревичь с своею братею»[5]. Однако вскоре после занятия Галича у него возникла усобица с братом Романом, сидевшим в галицком Звенигороде и «Володимеръ бѣжа во Путивль»[6], а не в Новгород-Северский. Конечно, новгород-северский стол мог занимать в это время следующий за Владимиром по старшинству Олег Игоревич, но возможны и другие предположения. На этот стол могли претендовать сыновья того или другого Олега Святославича или братья Всеволода Чермного – Глеб и Мстислав – таким образом, данный вопрос остается в области догадок.

Более основательны аргументы, приведенные П. В. Голубовским и Р. В. Зотовым в пользу новгород-северского княжения сына Владимира – Изяслава[7]. Основным отправным известием для этого утверждения служит сообщение Галицко-Волынского свода о том, что около 1237 г. Даниил Романович «возведе на Кондрата (Мазовецкого. – *А. З.*) Литву Минъдога, Изяслава Новгородьского»[8]. Изяслав Владимирович активно участвовал в борьбе за галицкое наследство вместе со своим отцом, но в событиях 30-х гг. XIII в., где также упомянут союзник Михаила Всеволодовича – Изяслав, не указывается его отчество[9]. Правда, он большей частью приводит с собой половецкую помощь, что можно объяснить его половецким родством (Изяслав Владимирович – внук Кончака по материнской линии). Поздние летописные своды называют Изяслава (союзника Михаила Черниговского) Мстиславичем, внуком Романа[10]. Таким образом, и в отношении Изяслава Владимировича остаются некоторые сомнения.

---

[4] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 659.

[5] Там же. Т. 1. Стб. 426.

[6] Там же. Т. 2. Стб. 720.

[7] *Голубовский П. В.* История Северской земли... С. 186–188; *Зотов Р. В.* О черниговских князьях... С. 76–79.

[8] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 776. См., напр: *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. С. 374, 471.

[9] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 770–772, 775; НПЛ. С. 73–74.

[10] ПСРЛ. Т. 25. С. 126.

Ипатьевская летопись содержит упоминания о новгородцах, участвовавших в походе киевского Владимира Рюриковича и Михаила Всеволодовича на Каменец, описанном в статье 6736 (1228) г.: «Володимеръ же со всими князи /а Михаилъ съ всѣми князи – Х./ и Куряны, и Пиняны, и Новогородци, и Туровьци, обьсѣдоша Каменѣць»[11]. Конечно, можно подозревать здесь Новгород-Литовский (Новогрудок), поскольку новгородцы названы между пинянами и туровцами, но вероятнее, что это северские новгородцы.

Для изучения положения Новгорода-Северского в Черниговской земли интересны наблюдения П. А. Раппопорта за размерами главных древнерусских городов. Им выявлена определенная закономерность: в каждой самостоятельной земле-княжении, как правило, существовал лишь один большой город, укрепленная площадь которого превышала 40 га[12]. Новгород-Северский, единственный из древнерусских городов, занимает промежуточное положение между крупнейшими центрами (свыше 40 га) и крупными (10–20 га)[13]. Несмотря на свою значительную роль в истории Руси середины XII в., Новгород-Северский хотя и превзошел другие княжеские города, но не вырос до размеров центров земель-княжений.

Вероятно, Новгород-Северское княжество Черниговской земли было значительно ослаблено в 50–60-х гг. XII в. территориальной урезкой – Сновская тысяча со Стародубом отошли к Чернигову (см. выше). Значительность этой потери показывает тот факт, что после смерти черниговского князя Святослава Ольговича (1164 г.) Черниговская земля знала до 1226 г. лишь две усобицы – столкновения из-за Стародуба в 1166 и 1174 гг.

Анализ политических событий второй половины XII в. показывает, что в это время Новгород-Северский выступает всюду как второй, младший стол Черниговской земли. Более того, в течение свыше полувека (последняя четверть XII – первая четверть XIII в.) в общерусской черниговской политике проявляется единство северских и черниговских Ольговичей, их «одиначество».

Совместно Ольговичи изгнали летом 1177 г. Романа Ростиславича с киевского стола, и 22 июля Святослав Всеволодович вступил в Киев[14]. Вся Черниговская земля с полоцкими князьями, половцами и новгородцами участвует в войне 1180–1181 гг. против союза смоленских князей и Всеволода Большое гнездо. Речь Святослава Всеволодовича, обращенная к братьям перед походом, характеризует порядок старейшинства в Черни-

---

[11] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 753.

[12] *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. МИА. № 140. М. – Л., 1967. С. 188.

[13] Там же. С. 189.

[14] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 604.

говской земле: «Се азъ старѣе Ярослава, а ты, Игорю, старѣе Всеволода, а нынѣ я вамъ во оця /отца – Х./ мѣсто остался; а велю тобѣ, Игорю, сдѣ остати съ Ярославомъ блюсти Чернигова и всеѣ волости своеи, а я поиду съ Всеволодомъ к Суждалю»[15]. В 1184 г. Святослав Всеволодович поручает Игорю руководить походом младших князей, «веля ему ѣхати в себе мѣсто»[16]. Даже знаменитый поход северских князей во главе с Игорем Святославичем на половцев в мае 1185 г. был сепаратным лишь по отношению ко всей Русской земле, но не к Чернигову: в походе участвовали черниговские ковуи с Ольстином Олексичем[17].

В конце 1191 г. Игорь и Всеволод Святославичи выступили в поход на половцев, «а Святославъ пусти три сыны: Всеволода, Володимера, Мьстислава; а Ярославъ пусти своего сына Ростислава; а Олегъ Святославичь пусти сына Давыда»[18]. Характерно, что старший сын Святослава Всеволодовича – Олег упомянут особо от своих братьев вслед за своим дядей, черниговским князем, то есть в числе старших князей Черниговской земли.

Успешно во главе с Ярославом Всеволодовичем действовали Ольговичи в борьбе с Рюриком Ростиславичем и Всеволодом Юрьевичем Большое Гнездо в 1195–1196 гг.; совместно выступали черниговские князья во главе с Олегом Святославичем (1201–1204 гг.) и Всеволодом Святославичем Чермным (1204–1210 гг.) в борьбе за Киев, в походе на Литву, в борьбе за Галицко-Волынское наследство. В 1212 г. Черниговская земля оборонялась от коалиционного похода, вызванного тем, что киевский (1210–1212 гг.) Всеволод Чермный обвинил князей смоленской ветви Мономаховичей в пособничестве казни в 1211 г. Романа и Святослава Игоревичей в Галиче местными боярами, хотел изгнать «внукы Ростиславле из Руси», руководствуясь, вероятно, принципом: «оже ся князь извинить, то въ волость» (наказывается лишением волости)[19].

Вскоре после побоища на Калке в Черниговской земле вспыхнула первая за рассматриваемое время известная в источниках усобица. В начале 1226 г. владимиро-суздальский князь Юрий Всеволодович со своими племянниками – ростовскими Васильком и Всеволодом Константиновичами «ходи в помочь Михаилу Всеволодичю на Олга Курьскаго и створь миръ межи ими», в установлении мира участвовал и митрополит[20]. Из Новгородской I

---

[15] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 618.

[16] Там же. Стб. 628.

[17] Там же. Стб. 638.

[18] Там же. Стб. 673.

[19] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 603 604, 727; Т. 25. С. 109; НПЛ. С. 53; *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 257, 258; *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 198.

[20] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 448.

летописи известно, что Михаил, сын Всеволода Чермного и шурин Юрия Всеволодовича, в 1225 г. княжил в Новгороде Великом по предложению владимирского князя[21].

Тот факт, что усобица 1226 г. не могла разрешиться без вмешательства крупных посторонних Черниговской земле дружин, говорит о значительной силе Олега Игоревича Курского. Можно предполагать, что спор шел из-за черниговского стола и что Олег Курский занимал либо новгород-северский, либо, скорее всего, черниговский стол. Во всяком случае, из известных в это время Ольговичей он наиболее вероятный претендент на стол, освобождавшийся после гибели черниговского (1219(?)–1223 гг.) Мстислава Святославича. В сражении на Калке 31 мая 1223 г. (Олегу в ту пору было 49 лет) он, несомненно, второй среди черниговских князей[22]. Содействуя Михаилу Всеволодовичу, Юрий, очевидно, намеревался ослабить наиболее сильного и влиятельного в то время соперника – Черниговское княжество.

Об «одиначестве» Ольговичей в последующее время судить трудно: исчезает само обобщающее имя «Ольговичи»; крайне мало черниговских имен фигурирует в летописных статьях того времени. Учитывая общую тенденцию и отдельные косвенные данные, можно считать, что единство Черниговской земли слабело. Однако до распада земли дело не дошло.

Усобица 1226 г. способствовала обособлению Курска. Во всяком случае, отсутствие прямых и несомненных сведений о Новгороде-Северском и сравнительно частое упоминание Курска, факт соперничества курского князя с черниговским, – все это позволяет предполагать падение значения Новгорода-Северского в Черниговской земле и возвышение Курска.

Выделению Новгород-Северского в особое княжество, несомненно, препятствовала феодальная чересполосица во владениях, волостях Черниговской земли, установившаяся к середине XII в. Например, дреговические волости Святослава Ольговича были отделены от собственно Новгород-Северской волости территориями Гомия и Чичерска, тянувшими к Чернигову. Позже, в конце 60-х гг. XII в., Чичерская волость принадлежала новгород-северскому Олегу Святославичу, но отделялась от Новгорода Стародубской и Вщижской волостями черниговских князей. Ярким примером феодального владения был городок Обловь на границе со Смоленским княжеством. Этот город принадлежал княгине Святослава Ольговича, но, как отмечал А. Н. Насонов, часть гостиной дани из этого города шла к Смоленску, причем десятая ее часть в пользу смоленской епископии[23].

---

[21] НПЛ. С. 268–269.

[22] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 506, 508; Т. 2. Стб. 741, 742, 744.

[23] *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 66.

Чересполосное наделение практиковалось еще Всеволодом Ольговичем. Святослав Ольгович в 1151 г. так же наделил Святослава Всеволодовича – Стародуб и Корачев непосредственно не граничили, далеко на севере, в «Вятичах», находился Воротынск.

Со смертью последнего Давыдовича – вщижского князя Святослава Владимировича обе ветви Ольговичей, Всеволодовичи и Святославичи, могли претендовать как на отчину на любую волость Черниговской земли. Князь, сидевший на черниговском столе, был обязан «в Правду наделить» других, младших князей. В. Т. Пашуто считает, что при описании усобицы из-за Стародуба в ссылках новгород-северского Олега Святославича и киевского Ростислава Мстиславича на «Правду» подразумевается закон, право наделения (Олег «просяше въ Правду надѣлѣнья», Ростислав *«усмотривъ Правду»*, велел Святославу Всеволодовичу «у Правду надѣлити Олга»)[24]. Аргументацию В. Т. Пашуто можно подкрепить тем, что в древнерусском праве слова «взирать в Правду» или «смотреть Правду» являются термином судопроизводства[25].

Изучая проблему феодальной раздробленности Черниговской земли на основе данных о политической деятельности ее князей, говоря об относительном единстве их, нельзя обойти вопрос о княжеских снемах, известия о которых прерываются во втором десятилетии XIII в. Подобно тому, как внуки Ярослава Мудрого после раздела «Русской земли» практиковали снемы[26], так и почти всем черниговским событиям рассматриваемого периода предшествовали, как сообщают источники, княжеские съезды. Записи о снемах в Черниговской земле становятся частыми после усобиц из-за Стародуба. Неизвестно, как был урегулирован вопрос о Стародубе после усобицы мая 1174 г., но на снеме 1180 г. мы видим единство князей земли, оформленное в терминах старейшинства (см. цитату выше).

Известные по летописи черниговские снемы происходили в 1180, 1190, 1194, 1195, 1196, 1206 гг.[27] Они, согласно источникам, касались общерусских предприятий Черниговского княжества, нет известий о разрешении на них внутренних вопросов. Возможно, на регулирование земских дел

---

[24] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 525; *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси. С. 56.

[25] «А князь и посадник на всчи суду не судять, судити им у князя на сенех, взираа в Правду по крестному целованию» (Псковская судная грамота // ПРП. Вып. 2. М., 1953. С. 286). В первой части «Мерила праведного» по Троицкому списку говорилось о князьях: «в собе место поставляете властели и тивуны... суда не разумеюще, Правьды не смотряще» (Мерило праведное по рукописи XIV века. М., 1961. С. 127). Ср. также: «Ростислав же показа Правду свою... Михаилъ же не показа Правды...» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 789)

[26] Практика княжеских снемов изучена в работах С. В. Юшкова (Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 216–219) и В. Т. Пашуто (*Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси. С. 20–24).

[27] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 613, 615–616, 618, 669, 679, 688, 698; Т. 1. Стб. 426.

намекает сообщение о «рядах» Святослава Всеволодовича в 1180 г. Судя по тому, что известно о снемах на Руси, можно считать, что и черниговские снемы рассматривали вопросы о волостях, правовые вопросы и другие общечерниговские внутренние дела[28].

Несомненно, снемы способствовали выработке относительно устойчивых норм в распределении волостей земли, ибо «практика деятельности снемов была достаточно широкой, и как раз на практике складывались и определялись правовые нормы более или менее постоянного, устойчивого характера»[29].

Многие исследователи видели в Черниговском княжестве середины XII – первой половины XIII в. те или иные нормы или порядок в наделении волостями, в вокняжении на главных столах земли.

М. С. Грушевский, вслед за В. И. Сергеевичем, считая порядок так называемого «лествичного восхождения» князей при переходе со стола на стол книжной схемой XVI в., не существовавшей в реальности XII–XIII вв., делал исключение, замечая этот порядок среди князей Черниговской земли[30].

А. Е. Пресняков указывал, что во второй половине XII в. в спорах Ольговичей речь шла «не о разделе, а о наделении младших князей». Не соглашаясь с М. С. Грушевским по вопросу о «лествичном восхождении» в Черниговском княжестве, он, однако, отмечал среди черниговских князей «преемство по праву старшинства в роде». По его мнению «старейшинство каждый раз принадлежало старшему во всей группе черниговских князей по возрасту и влиянию: «княжаше въ Чернигове въ большемъ княжении, понеже бо старий братьи своей» (речь идет о Давыде Святославиче, – цитируется «Слово похвальное на перенесение мощей святых Бориса и Глеба»[31]. – *А. З.*). В преемстве по старейшинству А. Е. Пресняков видел одну из форм «сеньората», «осуществление идей ряда Ярослава»[32]. Говоря о черниговском столе как о «большем княженьи» Черниговской земли, нельзя не вспомнить о том, что черниговский князь, судя по широко известной надписи на праздничной круговой чаре сына Давыда Святосла-

---

[28] О рядах см.: *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси. С. 34–50.

[29] *Черепнин Л. В.* К вопросу о характере и форме Древнерусского государства. С. 377.

[30] *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. Т. 2. Кн. 4. СПб., 1893. С. 333–336; *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 326–327; *Он же.* Чернігів і Сіверщина в українській історії. С. 108–109.

[31] П. В. Голубовский (*Голубовский П. В.* Опыт приурочения древнерусской проповеди «Слово о князьях» к определенной хронологической дате. М., 1899) считал, что «Слово» было составлено в мае 1175 г. в связи с усобицей из-за Стародуба. В предыдущей главе довольно точно установлена дата этого столкновения: конец апреля – май 1174 г. Возможно, «Слово» было произнесено во время этой усобицы, так как перенесение мощей праздновалось 2 мая.

[32] *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси. С. 124–125.

вича – черниговского Владимира (1139–1151 гг.)[33], назывался «осподарем великим князем».

Известия о черниговских событиях XII–XIII вв. дали обильный материал исследованию В. Т. Пашуто важнейших институтов государственной власти и, в особенности, характерных черт вассалитета Древней Руси. Например, предполагая существование на Руси XII в. элементов местничества, как одного из проявления иммунитета, В. Т. Пашуто находит бесспорный аргумент в словах черниговских князей, обращенных к киевскому (1139–1146 гг.) Всеволоду Ольговичу: «...осажалъся ими (Мстиславичами. – *А. З.*) около, а намъ на безголовие и безъмѣстье и собѣ»[34].

Не рассматривая в данном случае детально вопроса о старейшинстве, «лествичном восхождении» или местничестве, важно отметить, что в Черниговской земле рассматриваемого периода существовала относительно устойчивая политическая структура, феодальная иерархия, несомненно связанная с административным членением территории княжества.

На основании летописных данных XII – первой половины XIII в. можно отметить существование княжеских столов в Курске, Трубчевске, Путивле, Рыльске, Козельске; вероятно, княжеские столы были в Стародубе, Сновске, Гомии, Корачеве и некоторых других городах[35]. Отсутствие усобиц (1174–1226 гг.), совместные действия на общерусской политической арене не исключали, однако, самостоятельных действий князей Черниговской земли в походах на половцев, борьбе за галицкое наследие и других предприятиях. В битве на Калке 1223 г. указаны черниговцы вообще, а также в отдельности «куряне, и трубчяне, и путивлици» со своими князьями (новгород-северцы не указаны)[36]. При анализе феодальной раздробленности в Черниговском княжестве следует говорить об обособлении княжеских волостей, но не об их отделении от черниговского стола.

Еще в конце 30-х гг. XII в. черниговские князья при вступлении на киевский стол, а позже и новгород-северские (Святослав Ольгович, Святослав Всеволодович) при переходе в Чернигов, пытались сохранить за собой новгород-северские и черниговские волости («Вятичи», «Радимичи», Подесенье, «Лесную землю»), находившиеся вне собственно черниговской и новгородской волостей. В 1223 г. при перечислении старших князей в Русской земле, возглавлявших поход на Калку, о Мстиславе Святославиче (внуке Всеволода Ольговича) в Ипатьевской летописи сказано, что он княжил «в Козельскѣ и в Черниговѣ», вариант Хлебниковской – «Мьстиславъ

---

[33] *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова. С. 58. Рис. 25.
[34] *Пашуто В. Т.* Черты политического строя... С. 54; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 313.
[35] *Зотов Р. В.* О черниговских князьях... С. 182–183.
[36] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 741–742.

Козелскыи въ Чернѣговѣ»[37]. Упоминание о черниговском князе как о князе одновременно и козельском позволяет предполагать, что тенденция сохранения за собой отчины получила в XIII в. дальнейшее развитие.

Отмечая, что акт раздачи волостей в летописях назывался наделением, Л. В. Черепнин пишет: «По-видимому, к слову "надел" восходит и последующий термин "удел"»[38]. Так как есть достаточные свидетельства о наделениях в Черниговской земле второй половины XII в., то с учетом черт раздробленности земли в первой половине XIII в. можно считать, что практика наделения в сочетании со стремлением князей сохранить свою отчину привела к появлению уделов Черниговской земли. Однако до начала XIII в. Черниговская земля несомненно и очевидно выступает в источниках как единое политическое целое, постепенно слабевшее в первой половине XIII в.

ОБЩЕРУССКАЯ ПОЛИТИКА ЧЕРНИГОВСКИХ КНЯЗЕЙ. А. Е. Пресняков считал, что в основе «одиначества» Ольговичей лежала необходимость упорной борьбы с «Мономаховым племенем». Этим он объяснял и борьбу «за Посемье, за Новгород, где во второй половине XII в. так часты князья-черниговцы, за Киев и киевские волости»[39]. Противоположной точки зрения придерживался М. С. Грушевский в своей модернизирующей оценке действий черниговских князей как «экспансии черниговского империализма».

Захватнические тенденции были присущи как «Мономашичам», так и Ольговичам, что довольно очевидно. Основными соперничающими силами второй половины XII – начала XIII в. были феодалы Владимиро-Суздальской и Черниговской земли. Потомки Юрия Долгорукого не отказывались ни от своих южнорусских владений (Переяславль оставался в их руках), ни от борьбы за Киев (на него притязал накануне батыева вторжения Ярослав Всеволодович). Черниговские князья, в свою очередь, принимали активное участие в новгородских делах[40], особенно во второй половине 20-х – начале 30-х гг. XIII в.

Рассмотрим те направления черниговской политики, в которых можно увидеть территориальные претензии черниговских князей. Кроме борьбы за киевский стол важнейшим направлением была борьба за Галицко-Волынское наследство. Она началась в 1187 г. после смерти Ярослава Осмомысла. С новой силой она продолжилась после гибели Романа Мстиславича в 1205 г., оставившего лишь малолетних детей Даниила и Василька. 1206 г.

---

[37] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 741.

[38] *Черепнин Л. В.* К вопросу о характере и форме Древнерусского государства С. 368.

[39] *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси. С. 127-129.

[40] *Захаренко А. Г.* Черниговские князья в Новгороде // Ученые записки Ленинградского педагогического института. Т. 61. Л., 1947.

был годом наибольшего, но недлительного успеха Ольговичей. Владимир Игоревич занял Галич (братья его Роман и Святослав сели в Звенигороде и Владимире), Всеволод Чермный захватил у Рюрика Киев, а в конце августа – начале сентября изгнал из Переяславля Ярослава Всеволодовича и посадил там своего сына. Однако к концу года Чермный лишился киевского стола, а в Переяславле вокняжился сын Рюрика Владимир. Несколько ранее брат Чермного – Глеб Святославич лишился Белгорода[41].

Кульминацией борьбы на юго-западе была гибель Романа и Святослава Игоревичей, казненных галицкими боярами в 1211 г.[42], и коалиционный поход летом 1212 г. смоленского Мстислава Романовича, новгородского Мстислава Мстиславича, луцкого Ингвара Ярославича и других на киевского Всеволода Чермного и на Чернигов. Причина похода заключалась в том, что Всеволод Святославич «изгони... внукы Ростиславле из Руси», виня их в гибели двух Игоревичей. В результате похода в Киеве вокняжился Мстислав Романович (1212–1223 гг.)[43]. Новый период борьбы за власть в юго-западной Руси, длившийся около 15 лет был начат Михаилом Всеволодовичем в 1229 г.[44]

В этих событиях интересно то, что уже в 1206 г. в Галиче была «проигоревическая партия» («славяху бо Игоревичи»), это отмечалось П. В. Голубовским[45]. Заметим, что в 1206 г. Всеволод Чермный чувствовал себя настолько уверенно, что вступил в борьбу не только с киевским князем, но, заняв Переяславль, и с владимиро-суздальским Всеволодом Юрьевичем. Тыл он себе обеспечил, заручившись тайным союзом с рязанскими князьями, в результате чего поход, начатый в конце августа 1207 г. на Черниговскую землю, не состоялся: Всеволод со своим сыном Константином, новгородским в ту пору князем, вынуждены были воевать до зимы в Муромо-Рязанской земле. Однако этот поход Всеволода Большое Гнездо позволил Рюрику вновь изгнать Всеволода Чермного из Киева, который тот ненадолго вновь захватил с помощью турово-пинских князей[46].

Второе направление территориальных притязаний черниговских князей выявляется в событиях конца XII в., где упомянута «тяжа с Рюрикомъ и съ Давыдомъ и Смоленьскою землею» (1190 г.)[47]. Упоминается Смоленск

---

[41] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 426–428; Т. 2. Стб. 718 720. Т. 25. С. 104–105; *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 194–195.

[42] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 727; НПЛ. С. 53; *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 198.

[43] ПСРЛ. Т. 25. С. 109 (известие уникально: *Насонов А. Н.* История русского летописания... С. 228); НПЛ. С. 53; *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 257–258.

[44] *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 208 и далее.

[45] *Голубовский П. В.* История Северской земли... С. 169.

[46] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 429–432; Т. 25. С. 106 (пропуск восстанавливается по Эрмитажному списку: *Насонов А. Н.* История русского летописания... С. 202–203).

[47] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 670.

и в предлагаемой Рюриком Ярославу Черниговскому формуле крестоцелования осенью 1195 г.: «не искати отчины нашея Кыева и Смоленьска под нами и под нашими дѣтми и подо всимъ нашимъ Володимеримь племенемь»[48]. Однако уже в марте 1196 г. Ярослав намеревался напасть на Смоленск[49].

Из киевского свода 1198 г. известно, что в это время борьба шла вокруг Витебска. Этот город во второй половине XII в. несколько раз отходил от Полоцка к Смоленску, несмотря на упорное сопротивление полоцких князей[50]. Зимой 1196 г. Витебск был уступлен киевским Рюриком Ростиславичем Ярославу Всеволодовичу Черниговскому по крестоцелованию[51]. Однако вскоре Рюрик обвинил Ярослава, что тот послал своих племянников в Витебск, не дождавшись, когда послы сообщат Давыду об уступке Витебска: «Язъ Витебьска ступилъ тобѣ и посолъ былъ свои послалъ есмь ко брату Давыдови... Ты же, того не дождавъ, послалъ еси сыновця своя ко Витебьску. Сыновци же твои идучи воеваша Смоленьскую волость»[52]. В сражении под Витебском 12 марта 1196 г. союзниками черниговских князей были полоцкие полки Бориса Друцкого[53]. Очень вероятно, что Ярослав передал Витебск полоцким князьям, иначе трудно объяснить полоцкую помощь черниговцам.

Интересно, что в Витебске сидел «*рязанский* княжич зять Давыдов (выделено мной. – *А. З.*)» Глеб Владимирович, (будущий братоубийца): Ярослав послал Олега Святославича «ко Витебьску на зятя на Давыд(ов)а». Ярослав Всеволодович «Давыда винить про Витебьскъ, аже помогаеть зяти своему»[54]. Таким образом, положение Витебска по отношению к Смоленской и Черниговской землям представляет значительный интерес для изучения феодальной коммендации, отношений вассалитета-сюзеренитета в Руси второй половины XII в. Очевидно, что предметом спора в данном случае была не собственно Смоленская земля, а ее вассальная территория, причем верховным ее сюзереном был старший князь смоленской ветви, сидевший в Киеве.

О собственно смоленских территориях, на которые притязали черниговские князья, есть только косвенные свидетельства.

Высказывалось предположение о том, что черниговским князьям удалось во второй половине XII – начале XIII в. захватить район верхнего

---

[48] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 688.

[49] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 693; *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 207.

[50] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. С. 278–280.

[51] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 691.

[52] Там же. Стб. 693.

[53] В своде 1479 г. сохранились отсутствующие в Ипатьевской летописи два фрагмента, не отмеченные А. Н. Насоновым: «уже бо имъ близ собе сущим» и «выидоша из лѣса» ПСРЛ. Т. 25. С. 98. Ср. Т. 2. Стб. 691; *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 207. Также сражение упоминается в: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 413; НПЛ. С. 42, 235.

[54] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 691, 693.

течения Протвы. Эта территория (Лужа, Верея, Боровск и иные места) до того, как она отошла к Москве в 1382 г., принадлежала Рязани, которая захватила после монгольского нашествия часть черниговских владений[55]. В какой-то мере это предположение можно подкрепить известиями о событиях конца 1180 г. Святослав Всеволодович, будучи в состоянии войны со смоленскими князьями и Всеволодом Большое Гнездо, соединился со своим сыном Владимиром (в ту пору новгородским князем) «на Вълзѣ устье Тьхвери» и уже затем вступил во Владимиро-Суздальскую землю и дошел до р. Влены (р. Веля, левый приток Дубны)[56], где был встречен войсками Всеволода. Чтобы выйти к устью Тверцы, не вступая в пределы владений Всеволода Юрьевича, нужно было пройти восточную часть Смоленской земли, населенные пункты которой известны по Уставной грамоте Ростислава. Летопись о проникновении войск Святослава в Смоленскую землю не говорит. Более того, после стояния на Влене черниговцы сожгли Дмитров и вышли из Суздальской земли («вышедшю же ему и /изь –Х./ Суждальскои земьлѣ»). Святослав с сыном пошли в Новгород, а Всеволод Святославич вернулся беспрепятственно в Русь[57].

Однако в 1160 г. Изяслав Давыдович, прежде чем встретиться с Андреем Боголюбским на Волоке Ламском, идя из Вщижа «повоевал» смоленскую волость[58], т.е. в это время путь к новгородской волости из Черниговской земли шел еще через Смоленскую землю. Верховья Протвы близки к территории Волока Ламского, и если район Протвы был присоединен к Черниговской земле, то объяснимо беспрепятственное общение черниговцев с новгородцами в 1180 г.

О том, что Черниговская земля имела непосредственную связь с Новгородом через его юго-восточные форпосты, свидетельствует Новгородская I летопись. В марте 1229 г., узнав, что в Смоленске «по науцению» Ярослава Всеволодовича были задержаны послы от Новгорода к черниговскому князю, Михаил Всеволодович с сыном из Брына (район р. Брын, бассейн Жиздры) поехал «вборзе» в Торжок и оттуда в Новгород. Новгородский летописец сообщает при том, что «по наущению Ярославлю» также были заняты все пути через Смоленские земли[59]. Есть и другие сообщения о том, что черниговцы ходили в Новгород через Торжок в первой половине XIII в., но в данном случае указан отправной пункт этого пути[60]. В 1232 г.

---

[55] *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 184; ДДГ. С. 29, 31, № 10–11.

[56] *Кучкин В. А.* Ростово-Суздальская земля в X – первой трети XIII в. С. 90; НПЛ. С. 36.

[57] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 388. Т. 2. Стб. 618–620; НПЛ. С. 36.

[58] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 508–509; Т. 1. Стб. 350.

[59] НПЛ. С. 67, 68, 274.

[60] Там же. С. 70, 277, 278.

Святослав Трубчевский «приидоша ис Чернигова... и быша в Буици, селѣ святого Георгия», – к западу от оз. Селигер, а от Торжка на Новгород шел Селигерский путь[61].

Все эти аргументы еще недостаточны для того, чтобы уверенно нанести на карту верховья Протвы в качестве черниговской территории конца XII – начала XIII в.

Ретроспективные данные позволяют исследователям предполагать вхождение в Черниговскую землю другого района, близкого к Волоку Ламскому – Звенигорода на р. Москве. Р. В. Зотов показал, что по родословным книгам, Любецкому синодику и летописям XIV в. кн. Звенигородские были Ольговичами. Он предполагал, что до того, как Калита завладел Звенигородом, этот город был во владении черниговских князей. Б. А. Рыбаков, присоединяясь к этому мнению, дал дополнительный аргумент – на городище Звенигорода найдено гончарное клеймо с черниговским княжеским знаком[62].

Довольно активной была политика черниговских князей по отношению к князьям рязанским, однако сообщения о ней почти не дают возможности уточнить восточную границу Черниговской земли. Известно, что Олег Святославич (внук Всеволода Ольговича), возвращаясь во второй половине 1175 г. из Москвы, куда он сопровождал княгинь Михалки и Всеволода Юрьевичей, отвоевал у рязанского князя Сверилеск, «бяшеть бо и то волость черниговьская»[63]. Вероятно, этот городок был захвачен рязанцами вскоре после смерти Андрея Боголюбского, во время борьбы за владимирский стол.

Сведения о внешней политике черниговских князей второй половины XII – первой половины XIII в. не позволяют достаточно реально представить рост или сокращение основной территории Черниговской земли. Вместе с тем, несмотря на неполноту данных, несомненно активная внешняя территориальная политика имела своим основанием устойчивую внутреннюю территориальную структуру.

Эта общерусская политика отражала стремление феодалов Черниговской земли к увеличению феодальной ренты, перераспределению ее

---

[61] НПЛ. С. 71, 280, 288, 289; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 89, 120, 123, 164.

[62] *Зотов Р. В.* О черниговских князьях... С. 131–137; *Рыбаков Б. А.* Раскопки в Звенигороде (1943–1945) // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 2. МИА. № 12. М.; Л., 1949. С. 125, 130–132. Позже А. К. Зайцев категорически отказался от локализации родового центра кн. Звенигородских – потомков черниговских князей – на подмосковном Звенигороде, считая, что фамилия Звенигородских была связана с Звенигородским городищем у д. Спасское на р. Неполодь (левый приток р. Оки) в 13 км к северу от г. Орла (о чем см.: Приложение. № 97). - *Прим. ред.*

[63] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 602.

в их пользу за счет соседних земель, что вело к столкновению с феодалами других княжений, и в первую очередь – с владимиро-суздальскими князьями. Невозможно на карте Руси рассматриваемого периода найти княжество, с которым Черниговская земля не находилась в союзе или вражде – диапазон этих связей был очевидно общерусским. Существование (в разное время) прочерниговских группировок или партий в Киеве, Новгороде, Галицко-Волынской, вероятно – в Полоцкой и Рязанской землях, а соответственно и противостоящих им просуздальских и других партий, свидетельствует не только о претензиях черниговских или владимиро-суздальских князей на общерусское господство, но и о наличии в Древней Руси конца XII – первой половины XIII в., кроме центробежных, еще и центростремительных тенденций. Развитие тенденции к единению русских земель было прервано нашествием Батыя, активной политикой Орды, препятствовавшей, как это было доказано А. Н. Насоновым[64], консолидации Руси.

А. Н. Насонов справедливо считал, что смерть Михаила Всеволодовича Черниговского в Орде была не случайной. В XII – первой половине XIII в. шла борьба за политическое преобладание на Восточно-Европейской равнине, «в источниках красной нитью проходит соперничество между двумя сильнейшими княжествами – Черниговским и Ростово-Суздальским... стремление двух сильнейших княжеств, лежавших на территории Волго-Окского бассейна, утвердить свое влияние в других областях и держать в своих руках все важнейшие политические центры и торговые узлы... Незадолго до нашествия монголов мы наблюдаем новую вспышку, борьба возобновляется...»[65]. Отказ Михаила Всеволодовича выполнить языческий обряд был лишь поводом казни. В соперничестве князей владимирского и черниговского Батый отдал предпочтение Ярославу Всеволодовичу, утвердив его в положении старейшего «в Русском языцѣ» князя и в правах на Киев. Противник владимиро-суздальских князей «был уничтожен, а Черниговское княжество политически разбито. Этим успехом северо-восточный князь был в значительной степени обязан Батыю»[66]. Впрочем, сам Ярослав Всеволодович пережил своего соперника лишь на десять дней, скончавшись «нужною смертию» на обратном пути из императорской ставки 30 сентября 1246 г.[67]

М. С. Грушевский, отмечая то, что во второй половине XIII в. Черниговская земля раздробилась на большое число мелких княжеств, возражал против общепринятого мнения, что место Чернигова после монгольского

---

[64] *Насонов А. Н.* Монголы и Русь: (История татарской политики на Руси). М.; Л., 1940.
[65] Там же. С. 6–7.
[66] Там же. С. 27–28.
[67] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 111–112.

вторжения занял новый политический центр – Брянск. Основанием было то, что Роман Михайлович Старый, называемый в летописных источниках брянским князем, в Любецком синодике назван великим князем черниговским. Исследователь считал, что брянским Роман назван лишь потому, что он прежде сидел в Брянске[68]. Этому противоречит факт закрытия черниговской епархии и появления епархии брянской вскоре после монгольского вторжения[69].

История изучаемой территории во второй половине XIII–XIV в. освещена в летописях крайне скудно. Чернигов во второй половине XIII в. упомянут летописцами лишь дважды[70], а в XIV в. – два-три раза.

В середине XIII в. Черниговская земля перестает существовать как относительно единая и определенная государственная территория. Натуральный характер феодального хозяйства, развитие форм феодальной эксплуатации не только способствовали обособлению волостей Черниговской земли, но порождали тенденцию к образованию устойчивых форм политической и правовой надстроек, созданию устойчивой феодальной иерархии, основанной на договорно-служебных отношениях. «Расчлененной форме земельной собственности соответствует расчлененная форма государства, раздробленная структура власти... сама раздробленность есть своеобразная разновидность централизации, и из нее (правда, в острой борьбе) вырастает новая разновидность – единое государство»[71]. Однако закономерное развитие этой тенденции было нарушено общерусской трагедией середины XIII в.

---

[68] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 3. 1-е вид. С. 226, 229.

[69] *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. С. 28. Истории Черниговской епархии посвящена специальная работа: *Диев М. Я.* Черниговская епархия, после Батыя именуемая Брянскою. М., 1892.

[70] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 840, 848.

[71] *Черепнин Л. В.* Русь. С. 194.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работах классиков марксизма-ленинизма отмечалось, что пришедшее на смену старой родовой организации территориальное разделение подданных государства лишь «кажется естественным». Новая территориальная организация возникла не сразу: «...потребовалась упорная и длительная борьба, пока она могла утвердиться... на место старой организации по родам»[1].

Историко-географическое исследование Черниговской земли показывает, что зарождение основной территории Черниговского княжества относится ко времени образования территориального и политического ядра Древнерусского государства – «Русской земли». Эта территория на левобережье Днепра не совпадала с племенными границами, включая в себя земли как левобережных полян, так и западных северян.

В X – середине XI в. эта новая, государственная территориальная единица сосуществовала с территориальными единицами Древнерусского государства, сохранявшими этнические границы (радимичи, вятичи)[2].

Ликвидация этих границ завершалась постепенно, в разное время, но победа новой феодальной организации территории относится ко времени второй половины XI – середины XII в., когда были окончательно освоены Черниговским княжеством земли вятичей, когда формировались волости за пределами территориального ядра земли.

Таким представляется в схематическом изложении длительный процесс формирования Черниговской земли, в котором нельзя не видеть борьбу господствующего феодального класса за расширение власти и доходов, процесс феодализации рассматриваемой территории.

---

[1] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 170. См. также: *Ленин В. И.* Государство и революция // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 33. С. 8.

[2] Можно напомнить справедливое замечание Б. А. Рыбакова о том, что территории «племен» были первоначальными административными единицами Древнерусского государства (*Рыбаков Б. А.* Спорные вопросы. С. 25) и мнение А. Н. Насонова о том, что государство первоначально поддерживало выработанные жизнью нормы (*Насонов А. Н.* История русского летописания... С. 78).

С образованием территориального ядра будущей Черниговской земли дальнейшее формирование территории княжества шло главным образом в северном (радимичи) и северо-восточном направлениях (вятичи), причем важная роль принадлежала Сновской тысяче.

Государственное освоение «племенных» территорий было не одноактным событием, а длительным процессом. В том можно отметить два основных этапа: первый – распространение дани (сначала эпизодической, затем регулярной), второй – распространение княжеского суда, точнее, государственной администрации (несомненно характеризует завершение этого этапа посадничество по городам). Промежуточные этапы (например: повоз, погосты и т.п.) прослеживаются плохо. Следует заметить, что нахождение части территорий вятичей и радимичей за пределами Черниговской земли, а также наблюдения за территорией «Вятичи» XII в. позволяют считать, что завершающий этап государственного освоения бывших территорий восточнославянских племенных союзов не наступал одновременно для всей территории вятичей или радимичей. Очевидно, что освоение южных территорий вятичей было завершено ранее, нежели освоение «Вятичей» бассейна Жиздры и нижнего течения Угры.

Для понимания положения в государстве территорий племенных союзов вятичей и радимичей, плативших в X – начале XI в. (подобно древлянам до 945 г.) лишь дань киевским князьям и эпизодически участвовавших в их крупных военных предприятиях, важно учесть замечание В. И. Ленина о том, что функции насилия применяются государственным аппаратом систематически[3]. Этого нельзя увидеть на первом этапе государственного освоения названных территорий. Их еще нельзя считать государственной территорией в собственном смысле слова, но они уже перестали быть и племенными. Это – государственные территории в процессе становления.

Основным фактом формирования государственной территории Черниговского княжества было подчинение государственной, княжеской власти населения «племенных» территорий в интересах формирующегося господствующего класса «Русской земли» и в первую очередь знати ее северо-восточной части. Однако необходимо учитывать и факт встречного процесса – классообразование в подчиненных землях, без чего картина формирования государственной территории была бы неверна.

Подчинение значительных территорий, даннический по преимуществу способ изъятия части прибавочного продукта – все это вызывало необхо-

---

[3] *Ленин В. И.* Государство и революция. С. 68; *Кучкин В. А.* Основные этапы и особенности формирования государственной территории Северо-Восточной Руси (X–XIV вв.) // Материалы к семинару-совещанию по преподаванию исторической географии в высшей школе. М., 1974. С. 152.

димость существования относительно единой политической организации подчинения киевским князьям, отражавшей общность экономических интересов складывающегося класса феодалов.

При распространении княжеского суда и дани границы племенных союзов постепенно ликвидировались. Сопоставление государственных границ Черниговской земли с границами летописных племен подтверждает этот хорошо известный факт. Однако могли сохраняться участки границы, опирающиеся на естественные рубежи, но они в корне меняли свою природу.

С завершением, в основном, государственного освоения Черниговской земли, осуществлявшемся уже силами обособившегося в середине XI в. Черниговского княжества, основным содержанием развития государственной территории стало формирование феодальных административных территорий земли – ее волостей. Укрепление политических связей между этими территориальными единицами несомненно препятствовало отделению территорий от Черниговского княжества. В этот период (вторая половина XI – XII в.) и следующий (до середины XIII в.), когда в волостях Черниговской земли установились княжеские столы, процесс формирования волостей, а затем и их окняжение, превращение их в отчинные наделы, вероятно, следует связать с процессом формирования феодальной земельной собственности, а именно с ростом и расширением вотчинной собственности, присущей начавшемуся периоду развитого феодализма, с переходом большей части непосредственных производителей в число домениальных смердов.

В связи с завершением государственного освоения внутренних пространств Черниговской земли совершенствуется и политическая организация ее управления в виде феодальной иерархии, связанной отношениями вассалитета-сюзеренитета. В орбиту этих связей в борьбе за перераспределение феодальной ренты попадают и соседние Черниговской земле территории, что было показано на примере отношений с Полоцкой землей.

В феодальных войнах второй половины XII в. – первой половины XIII в. черниговские князья, благодаря своему единству, выступают как одна из важнейших по своему могуществу группировок, претендующая на общерусское политическое господство.

Появление территориальных претензий Черниговского княжества вовне было закономерным результатом завершения формирования Черниговской земли как феодальной государственной территории. Дальнейшее закономерное развитие было прервано монгольским вторжением.

Распад политического единства Черниговской земли в значительной степени был результатом активной политики Орды.

***

Черниговская земля образовалась не в результате раздела по «завещанию» Ярослава. История ее образования начинается с формирования территориального и политического ядра почти за столетие до возникновения Черниговского княжества. Основные же ее границы сложились почти век спустя после смерти Ярослава Мудрого, когда черниговские дань и суд встретились с распространением дани и суда, идущим из других древнерусских центров. В итоге Черниговская земля включила в себя обширные части территорий ряда бывших восточнославянских племенных союзов. Наряду со стабилизацией внешних границ земли шел внутренний процесс становлений структуры государственной территории, процесс формирования феодальных административно-территориальных единиц – волостей. Таким представляется длительный путь формирования Черниговской земли как государственной территории в собственном смысле слова. Этот классовый по своей природе процесс был важной чертой проявления феодализации одной из крупнейших областей Древней Руси. Именно из феодальных территориальных единиц – волостей и складывались в конце XII–XIII в. удельные княжества Черниговской земли.

ДОПОЛНЕНИЕ. «ПОСЕЛЕНИЯ, РЕКИ И УРОЧИЩА ЧЕРНИГОВСКОЙ ЗЕМЛИ»

1. БЕЛАЯ ВЕЖА (Беловежа)

Название связывается с хазарским Саркелом (русск. – Белая Вежа).

Впервые упомянуто в «Поучении» Мономаха в связи с событиями середины 80-х гг. XI в., не позже 1085 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 248). В событиях 1147 г. фигурирует как «город» Черниговской земли (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 358). По этим же данным определяется район нахождения – на расстоянии не более чем однодневного пути от Прилука (верховья р. Удай), близ Уненежа, Всеволожа и Бохмача (см. также ПСРЛ. Т. 1. Стб. 321; Т. 2. Стб. 377).

В XVI–XVII вв. в этом районе известно «городище Белые Вежи» (КБЧ. С. 103, 107, 109). В последней четверти XVIII – начале XIX в. с. Белые Вежи называлось Екатеринполь (*Шафонский А. Ф.* Черниговского наместничества топографическое описание. С. 400).

Надежно локализовано со ссылками на материалы древнерусского городища (*Марков М. Е.* О городах и селениях в Черниговской губернии, упоминаемых в Несторовой летописи. С. 45–47; *Лерберг А. Х.* Исследования, служащие к объяснению древней Русской истории. С. 384–386; см. также: *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 18; *Самоквасов Д. Я.* Северянская земля и северяне по городищам и могилам. С. 117; *Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 2; Історія міст і сіл Української РСР. Чернігівська область. С. 153). План городища снят в 1811 г. Бороздиным и Ермолаевым (*Погодин М. П.* Древняя русская история до монгольского ига. Л. 86), указано и второе городище на противоположном берегу Остра.

Ряд исследователей (*Багалей Д. И.* История Северской земли до половины XIV столетия. С. 127; *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. С. 603; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 221) предполагает существование двух поселений с этим названием (кроме хазарского Саркела). Главное

основание – название Старая Белавежа (упомянуто под 1149 г.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 377) подразумевает наличие Новой Белой Вежи. Во всяком случае, Старую Беловежу следует искать в том же районе, что и Новую.

2. БЕРЕЗЫЙ (Березой, Березов)

Название связано с р. Березанкой (п. пр. Десны).

Район нахождения определяется по статье 6660 (1152) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 456) – на пути из Глухова в Чернигов, ближе к последнему (*Погодин М. П.* Древняя русская история до монгольского ига. Л. 85; *Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 2–5; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 221).

Здесь известны городище и древнерусские курганы (Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. С. 34. 3–3. № 5).

Иная локализация – у с. Березанки (*Марков М. Е.* О городах и селениях в Черниговской губернии, упоминаемых в Несторовой летописи. С. 54; *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 6).

Предположение Надеждина и Неволина (*Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции. Т. 4. С. 240) о существовании двух древних поселений с таким названием и поиск второго Березыя вблизи Вщижа (*Багалей Д. И.* История Северской земли до половины XIV столетия. С. 153) мало аргументированы, так как текст статьи 664 (1156) г. Ипатьевской летописи. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 484–485) искажен переписчиком и не дает достаточных сведений для ориентировки.

3. БЛЕСТОВИТ (Блестовет)

Происхождение названия неясно.

Район нахождения определяется по единственному упоминанию этого пункта в 1151 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 422) – на пути из Новгорода-Северского в Чернигов – не менее двух дней пути. (*Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции. Т. 4. С. 236; *Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 5; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 221–222). Из Новгорода Святослав Ольгович вышел 2 апреля 1151 г., 3 апреля родился Игорь, 8 апреля Святослав был в Блестовите (*Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 152).

Здесь, на рч. Пулке (п. пр. Десны) известны древнерусские курганы и селище (Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. С. 35, 3–3. № 13), городище времени Киевской Руси (Історія міст і сіл Української РСР. Чернігівська область. С. 417).

Иная локализация – с. Блистово в 35 км к югу от Новгорода-Северского (*Арцыбашев Н. С.* Повествование о России. Т. 2. С. 842).

4. БОЛДИНЫ ГОРЫ (Болдина гора)

Локализуется в 2 км к юго-западу от центра Чернигова по данным преемственности в названии основанного здесь Антонием монастыря св. Богородицы (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 193; Т. 2. Стб. 185), впоследствии Ильинский, Троицкий, Болдинский (*Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии. С. 19, 172; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 222). На карте К. М. Бороздина «Опыт чертежа древнего Чернигова» правильно: «Болдины горы (1069)» (*Погодин М. П.* Древняя русская история до монгольского ига. Л. 84).

Археологические памятники Болдиных гор см.: *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова. С. 12, 16 и др.

5. БОЛДЫЖ (Болдыжь)

Название от антропонима* Болдыг (а) – jь (см. НПЛ. С. 86, 88, 317, 319 – братья Ратислав и Роман Болдыжевичи; ср.: *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 74). Ср.: рч. Болдыж, п. пр. Убеди (*Виноградський Ю. С.* Назви міст, сіл та річок Чернігівщіни. С. 38).

Локализуется по единственному упоминанию в статье 6654 (1146) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 335) – на пути от Севска к Корачеву (*Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 222; ср.: *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 10). С. Болдыж (Болдыжино) на р. Нессе известно в Радогожском стане Комарицкой волости XVII в. (*Шеломанова Н. Б.* Комарицкая волость и Севский уезд в первой половине XVII в. С. 199. Карта).

Археологически нахождение летописного пункта не установлено.

6. БОЛДЫЖ ЛЕС

Район нахождения – окрестности Болдыжа (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 336).

7. БОЛОВЕС (Боловес, Боловес)

По данным статей 6656 (1148), 6660 (1152), 6662 (1154) гг. Ипатьевской летописи и 6662 (1154) г. Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 361, 458, 474; Т. 1. Стб. 343) – рч. к западу от Чернигова (*Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 5; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 222). В XVI в. сохраняла свое название Боловос, местность – Заболовесье (*Андрияшев А. М.* Нарис історії колонізації Сіверськоі землі до початку XVI віку. С. 123). Ныне – р. Белоус (пр. пр. р. Десна).

Другие приурочения: как село в 1148 г. и в остальных случаях – река (Бороздин: *Погодин М. П.* Древняя русская история до монгольского ига.

Л. 85) или как селение (*Марков М. Е.* О городах и селениях в Черниговской губернии, упоминаемых в Несторовой летописи. С. 55–56; *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 10).

8. БОХМАЧ

Относится к числу названий иноязычного и неясного происхождения (*Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 74).

Упомянут дважды в статье 6655 (1147) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 358) как черниговский «город» вблизи Белавежи, Уненежа, Всеволожа. Надежно локализуется вблизи г. Бахмача (*Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 13; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 222).

В 2 км от этого города у с. Бахмач известны древнерусские городище, селище и курганы (Історія міст і сіл Української РСР. Чернігівська область. С. 153).

9. БРЫН

Упомянут в Новгородской первой летописи под 6736 (1228) г. (НПЛ. С. 67, 68, 274). Михаил Всеволодович «бѣ бо тъгда въ Брыну... и поиде въ борзѣхъ на Тържькъ».

Вероятно, селение на р. Брынь (лев. пр. р. Жиздра) (*Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 15). См. Брынь и Брынский лес в деле 1517–1523 гг. (Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 1. С. 181), с. Брынь Мещевского уезда XVII в.

Неясно, на каком основании утверждается, что Брянск «до конца XII в. назывался Брын» (*Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. С. 66)

10. ВОРОБЕИНА (Воробнина, Воробиин, Вороблиин)

Происхождение названия см.: *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 70.

Упомянуто дважды в статьях 6655 (1147), 6668 (1160) гг. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 342, 508) – в первом случае вблизи Подесенья, во втором – на пути от Росуси ко Вщижу (*Самоквасов Д. Я.* Северянская земля и северяне по городищам и могилам. С. 107; *Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 7–8; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 222–223).

В указанном месте городище юхновской культуры, древнерусское селище (*Рыбаков Б. А.* Раскопки во Вщиже в 1948–1949 гг. С. 34; Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. С. 23. Г-5. № 12).

11. ВОРОТЫНЕСК (Воротинеск)

Название от слова «ворота» с топографическим формантом -ьскъ (*Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 65).

Единственное в рассматриваемый период упоминание в статье 6663 (1155) г. Ипатьевской летописи не дает конкретного указания на местоположение. Традиционная локализация по ретроспективным соображениям (*Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 42; *Он же.* Очерки русской исторической географии. 1885. С. 270; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 223)

Упоминается неоднократно в источниках XV–XVII вв. Написание Воротынеск сохраняется в Книге Большому Чертежу (КБЧ. С. 56, 119).

Городище и селище исследовались Г. П. Гнездиловым, М. В. Фехнер, П. А. Раппопортом, Т. Н. Никольской (*Раппопорт П. А.* Укрепления раннемосковских городищ. С. 16; *Никольская Т. Н.* К исторической географии земли вятичей С. 12–13). Известен клад конца XI – нач. XII в., найденный на противоположном берегу реки, правого притока р. Высса (*Маслов Н. М.* Льговский клад. С. 105–107).

12. ВСЕВОЛОЖ

От имени Всеволод с посессивным формантом – jь. (*Роспонд. С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. 1972. С. 14, 64, см. с. 33).

Упомянут как «град» или город черниговский в статьях 6655 (1147), 6667 (1159) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 358, 500; см. также: Т. I. Стб. 339; Т. 2. Стб. 459), расположенный в Задесенье вблизи Уненежа, Белой Вежи и Бохмача. Надежно локализуется (*Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 43–44; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 223) на рч. Загоровке (*Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 8–9); другое название рч. Сиволож, пр. рч. Красиловки (пр. р. Борзны) – (*Шафонский А. Ф.* Черниговского наместничества топографическое описание. С. 392).

Называется в польских актах XVII в. – «городище Зейволож» (*Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 9); в Переписной книге 1666 г. – «город Всиволож», но «Сиволожский уезд» (Переписні книги 1666 року. С. 280, 283); в XVIII в. – Сиволоже село Прохоровской сотни Нежинского полка (Показчик... С. 44).

Древнерусское городище (Археологічні пам'ятки Української РСР. С. 448; Історія міст і сіл Української РСР: Чернігівська область. С. 226).

Не путать со Всеволожем в Галицко-Волынской земле (см., напр.: *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 64).

13. ВЩИЖ (Въщижь)

Этимология не ясна.

Надежно локализуется по данным статей 6650 (1142), 6664 (1156), 6668 (1160), 6675 (1167) гг. Ипатьевской летописи и статьи 6667 (1159) г. Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 350; Т. 2. Стб. 312, 484, 508, 509, 525; *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 44–45; *Он же.* Очерки русской исторической геграфии. 1885. С. 148–149; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 223).

Древнерусское городище (*Рыбаков Б. А.* Раскопки во Вщиже в 1948–1949 гг.; *Он же.* Вщиж – удельный город XII в.; *Он же.* Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж; Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. С. 24. Г-6. № 2).

14. ВЫРЬ (Вырев?)

От широко распространенного гидронима «вир» – омут, водоворот (*Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. С. 84; *Жучкевич В. А.* Краткий топонимический словарь Белоруссии. С. 52). Возможно прочтение «Вырев» как название с формантом -овъ в топографическом значении этого типа – «к Выреви» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 250; Т. 2. Стб. 356, 508; Т. 25. С. 67).

Очевидно, в статьях 6636 (1128) г. Ипатьевской и 6635 (1127) г. Лаврентьевской летописей упомянут как гидроним «сташа у Ратьмирѣ дубровы за Выремь» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 296; Т. 2. Стб. 291).

Надежно локализуется близ Посемья, на пути в половецкую степь (*Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 45; *Он же.* Очерки русской исторической географии. С. 164–165, 308; *Голубовский П. В.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. С. 91–92; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 223).

В середине XVI в. упомянуто Вырское городище; в 1672 г. на Старом Вырском городище построена крепость Крига, новое название Белополье появилось в 80-х гг. XVII в. от городка на Брацлавщине, откуда пришли переселенцы (*Филарет (Гумилевский).* Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отд. 3. С. 407–408, 413).

15. ВЬЯХАНЬ (Бьяхань, Бьяхан)

Название иноязычного происхождения (*Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 75), формант -ань обычен в случае усвоения иноязычной основы (*Жучкевич В. А.* Краткий топонимический словарь Белоруссии. С. 98. Ср. с. 44–45).

Надежно локализуется по данным статей 6655 (1147) г. Ипатьевской летописи («город») и 6657 (1149) г. Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1.

Стб. 321; Т. 2. Стб. 356) в районе между Посемьем и Белой Вежей, недалеко от Выря (*Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 223; см. также: *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 46).

В первой половине XVII в. известно как Лехановское или Дехановское городище (*Филарет (Гумилевский)* Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отд. 3. С. 410, 592–593; *Голубовский П. В.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. С. 93). По поводу последнего варианта: основу «дех» связывают с ираноязычным значением «село, поселение» (*Жучкевич В. А.* Краткий топонимический словарь Белоруссии. С. 98).

Хорошо укрепленное городище конца XI–XIII в., находка печати Владимира Мономаха времени его переяславского княжения (*Моргунов Ю. Ю.* Новый вариант печати Владимира Мономаха. С. 104–105).

16. ВЯТИЧИ

В XII в. упоминается преимущественно как название территории или волости в пределах Черниговского княжества (см. главу третью).

17. ГЛЕБЛЬ

Название посессивного типа с формантом -ь.

«Город» Черниговской земли (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 359), по данным статей 6655 (1147), 6667 (1159) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 357–358, 502), находившийся на пути от верховьев р. Сулы к Чернигову, не доходя Всеволожа.

Предположительно отождествляется с древнерусским городищем у с. Красный Колядин (*Филарет (Гумилевский)* Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отд. 3. С. 382–395; *Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 9–10; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 223–224; см. также *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 51)

Городище впервые указано А. Ф. Шафонским: *Шафонский А. Ф.* Черниговского наместничества топографическое описание. С. 554.

18. ГЛУХОВ

В статье 6660 (1152) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 455) указаны в маршруте Юрия Долгорукого Мценск-Спаш-Глухов-Чернигов (см. также: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 338, 469; Т. 2. Стб. 537, 782), что дает основание сопоставлять это название с современным Глуховым (*Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 50; *Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 9; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 224).

19. ГОМИЙ (Гомеи)

Трактовка названия различна: от «гом или «гомь» шум, громкий смех (*Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 73); от «гомила», «гомола» – могила, холм (*Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. С. 106; *Жучкевич В. А.* Краткий топонимический словарь Белоруссии. С. 76–77); ср. также – имя купца Гомолъ (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 47).

Ориентировочный район нахождения определяется по данным статей 6650 (1142), 6667 (1159) гг. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 311, 502; см. также: Т. 1. Стб. 348; Т. 2. Стб. 523) довольно широко – между Смоленском и Черниговом, Вышгородом и верховьем р. Болвы (Обловь). На пути к Гомию с юга лежит Ропеск. Однако редкое название позволяет сопоставить его с современным г. Гомелем на р. Сож (*Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии. С. 174. Ср.: *Он же.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 53; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 224).

В XVII в. старое название еще сосуществовало с новым (КБЧ. С. 101, 102).

Древнерусское городище (Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. С. 29. Е–2. № 14).

20. ГОСТОНЯНИЧИ (Гостяничи)

В числе древнерусских названий с патронимическим формантом -ичи не рассматривался (см.: *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 46–50). Предположение происхождения от слова «гость» – купец (*Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 11–15), учитывая формально патронимический облик названия, представляется маловероятным, более вероятным кажется образование от антропонима типа Гость, Гостило, Гостята, Гостомысл.

По единственному упоминанию в статье 6668 (1160) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 506) район нахождения – близ Чернигова, ниже по течению Десны (*Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 224; см.: *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 191).

21. ГУРИЧЕВ (Гюричев)

Очевидно, от имени Гурги, Гюрги – Георгий, Юрий.

По единственному событию, описанному в статьях 6660 (1152) г. Ипатьевской и Лаврентьевской летописей, находился на пути из Новгорода-Северского после переправы через Сновь, Канин, близ Чернигова (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 338) или между р. Свинь и Черниговом (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 456).

По народному названию села Бобровица Юрьевкою, по церкви св. Георгия локализация дана М. Е. Марковым (*Марков М. Е.* О городах и селениях в Черниговской губернии, упоминаемых в Несторовой летописи. С. 54–55; *Бережков М. Н.* Михаила Егоровича Маркова разные сочинения к пояснению истории Чернигова. С. 295; см. также: *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 59; *Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 15; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 224).

Название с. Юрьевка зафиксировано наряду с д. Свинь в Белоусской сотне Черниговского полка в Генеральной описи Левобережной Украины (Показчик... С. 125).

См. также: *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова. С. 51.

22. ДЕБРЯНЕСК (Добрянеск, Дьябяньск, Брянеск)

Обычно объясняется из «Дьбрянск» от «дебрь» – «овражистая лесная чаща», но в XII в. в Ипатьевской летописи только: Дьбряньск, Добрянеск (9 раз, включая варианты Хлебниковского списка) и Бряньск, Бранск (2 раза). В XIII в. в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях чаще: Брянеск, в Хлебниковском списке – Дебрянеск. Другое объяснение от «дьбрь» или «дъбрь» – «долина» (*Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 65). Этимология остается неясной (*Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. С. 66).

По сведениям статей 6654 (1146), 6655 (1147) гг. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 338, 342) надежно локализуется в Подесеньи (*Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 15; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 225).

В XVII в. преимущественно: Брянск, Брянеск (КБЧ. С. 55, 56, 101).

Древнерусское городище на Покровской горе (Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. С. 24. Г–6. № 17; *Равдина Т. В.* О времени возникновения Брянска).

23. ДЕВЯГОРЕСК (Девягорьск, Девягорск)

Объясняется различно: от «деревья» – Деревьягорск: Девят-горск, ср. Пяти-горск; от Девгений (*Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 65; неясно, почему локализует в Псковской обл.?). Более вероятно от названия типа Дивьи горы (на р. Сосне – Акты, относящиеся к Малороссии. С. 27) или Девичья гора (под Смоленском – АМГ. Т. 1. С. 28).

Ориентировочный район нахождения выявляется довольно определенно по единственному упоминанию в статье 6655 (1147) г. Ипатьевской лето-

писи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 342) в «Вятичах», на пути Святослава Ольговича из Дедославля в Мценск (то есть не ближе 25–30 км от этих городов). Сюда из Суздальской земли пришел Глеб Юрьевич, и одновременно, союзные половцы с юга. Таким образом, это Плавский район и часть Щекинского района современной Тульской области, вероятно, в местности, прилегающей к Муравскому шляху XVI–XVII вв. (см. также: *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 60; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 224).

В связи с этим определением отпадают предложения локализаций на левом берегу р. Оки (например: г. Белев – *Бурцев М. Ф.* О древности существования г. Белева. С. 4–9; с. Городище – *Никольская Т. Н.* К исторической географии земли вятичей С. 170), ибо левобережье было отвоевано Святославом уже после соединения с союзными силами в Девягорске.

Для надежной локализации район нахождения Девягорска археологически исследован еще недостаточно.

24. ДЕДОСЛАВЛЬ

Посессивное название от имени Дедилец, Дедило, Дедослав (*Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 64; см.: *Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. С. 118).

В Ипатьевской летописи упоминается под 6654 (1146) и 6655 (1147) гг. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 338, 342) в «Вятичах» между Козельском, Колтеском, Девягорском; между Окой и Остром, что позволяет согласиться с общепринятой локализацией (*Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 71; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 224).

Дедиловское городище содержит древнерусские материалы, а также керамику XIV–XV вв. (*Никольская Т. Н.* К исторической географии земли вятичей С. 160–161).

В 1553 г. близ «старого Дедиловского городища» (*Арсеньев Ю. В.* Дедилов и его уезд в военном отношении по неизданным актам XVII в. С. 2) построена дубовая крепость; в XVII в. Дедилов – «город» (КБЧ. С. 59, 77, 118).

25. ДЕСНА

Мнения лингвистов об этом названии ныне разноречивы (*Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. С. 120).

Упомянута впервые во введении к Повести временных лет.

26. ДОМАГОЩ

См. главу третью.

27. ДРЕГОВИЧИ (Дрегвичи)

См. главу третью.

28. ЗАДЕСЕНЬЕ

По единственному упоминанию в статье 6657 (1149) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 377. Ср.: Стб. 358, 363) – территория с городами: Всеволож, Уненеж, Белая Вежа и Бохмач, опустошенная Изяславом Мстиславичем в 1147 г., т.е. междуречье Десны и Остра.

29. ЗАРТЫЙ (Зарытый)

Происхождение названия неясно. Связывалось с гидронимами типа Реть, Рета (см.: *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 77). Известно название реки Рытая или Нерытая (п. пр. Неруссы в Трубчевском уезде XVII в. – *Шеломанова Н. Б.* Комарицкая волость и Севский уезд в первой половине XVII в. С. 141).

Таких названий не обнаружено в районе нахождения летописного Зартыя, который определяется по известиям статьи 6668 (1160) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. С. 505, 508 – текст восстанавливается по: Там же. Т. 25. С. 67) между Путивлем и Вырем, к югу от Сейма (*Голубовский П. В.* Где находились существовавшие в домонгольский период города: Воргол, Глебль, Зартый, Оргощ, Сновск, Уненеж, Хоробрь? Там же. С. 117; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 225).

30. ИГОРЕВ БРОД

В Хлебниковском списке – описка: «Игорева брата», позже исправлено «броду»; в Московском своде 1479 г. – «Игорева города» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 506; Т. 25. С. 68) – предпочтительнее прочтение по Ипатьевскому списку «Игорева броду» (*Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 225; ср.: *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 85; *Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 16–19).

По единственному упоминанию в статье 6668 (1160) г. Ипатьевской летописи – находился на пути от Чернигова в «поле», далее одного «днища».

31. ИГОРЕВО СЕЛЬЦО

Единственное упоминание в статье 6654 (1164) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 333) об этом богатом княжеском селе с церковью св. Георгия дает основание искать его на пути от Новгорода-Северского к Путивлю. Возможный ориентир – ц. Георгия – указан Филаретом Гумилевским,

отождествившем Игорево с с. Горбово (*Филарет (Гумилевский)*. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 6. С. 29–30).

На Горбовском городище был случайно найден клад серебряных гривен (Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. С. 33. Ж–2. № 14).

Иная локализация (*Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 19) не соответствует направлению войск Давыдовичей. (См. также: *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 225).

32. КАНИН

Название урочища (луг?)

По единственному упоминанию в статье 6660 (1152) г. Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 338) располагалось между р. Сновью и с. Гуричевым, то есть к востоку от Чернигова. Конкретно не локализуется (*Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 225; см.: *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 89).

В тексте: «перешедше Канин», что дает возможность предполагать не только луг, поле, но и ручей, речку. П. В. Голубовский предполагал, что Канин и Свинь – два названия одной речки (*Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 2).

Ср.: г. Канев – от антропонима Кан или Кань (*Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 69).

33. КЛЕЧЕСК (Клечьск, Кльчьск, Клецескь, Клецк, Кляцк)

Этимология затруднена обилием исходных форм. Возможно, от «клечь» – «березовая поросль» (*Жучкевич В. А.* Краткий топонимический словарь Белоруссии. С. 160). Более вероятно от основы «кълъ»: *Кълък – ьскъ (*Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 65), что можно связать с правильно круглой в плане формой детинца городища.

Ориентировочный район нахождения по сумме данных статей 6635 (1127) г. Лаврентьевской и 6636 (1128), 6650 (1142), 6657 (1149) гг. Ипатьевской летописей (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 297; Т. 2. Стб. 292, 310, 312, 384) – в срединной части «Дреговичей».

Городище в Клецке датируется XI в. (*Лысенко П. Ф.* Города Туровской земли. С. 160–166), вероятно, концом века, так как наибольшее число стеклянных браслетов найдено в предматериковом слое (см. Там же. С. 163).

34. КОЗЕЛЬСК

От основы «козел» с топографическим формантом -ьск (см. *Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. С. 198).

По статьям 6662 (1154) г. Лаврентьевской и 6654 (1146), 6656 (1148), 6662 (1154) гг. Ипатьевской летописей (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 341; Т. 2. Стб. 332, 338, 468) находился в Вятичах (*Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 100; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 225).

В XVII в. написание Козелеск и Козельск (КБЧ. С. 56, 101, 119, 185).

На городище в центре современного г. Козельска Калужской области – подъемный материал XII–XVI вв. (*Никольская Т. Н.* К исторической географии земли вятичей. С. 160).

35. КОЛТЕСК (Колътескь)

Название ошибочно сравнивается с Полоцком (Полотеск), вероятно, по варианту поздних летописных сводов – Полтеск, Полотск (ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 338; Т. 25. С. 39 – «в Колтескъ» и Т. 9. С. 17 – «к Полотску»; *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 67).

Возможно название связано с «колок» – роща, окруженная полями; остров, поросший камышом (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. С. 294): колок – ьск.

По статье 6654 (1146) г. Ипатьевской летописи «Колтескъ городокъ» находился близ Оки выше р. Осетра и ниже устья Протвы. Локализован впервые З. Ходаковским (*Ходаковский З. Д.* Историческая система Ходаковского. С. 104; *Сахаров И. П.* Памятники Тульской губернии. С. 14; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 225–226).

В настоящее время городище Колтеска уничтожено карьером (*Никольская Т. Н.* К исторической географии земли вятичей. С. 161).

36. КОРАЧЕВ (Кърачев, Карачев)

Объяснение названия из антропонима «Карач», от «кара» – тюрк. – «черный» (*Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 69) встречает трудность в преимущественном написании «Корачев», «Кърачев». В XVII в. – еще и «Карачев» и «Корачев» (КБЧ. С. 56, 102 и др.).

По данным статей 6654 (1146, 6663 (1155), 6693 (1185), 6701 (1193), 6702 (1194) гг. Ипатьевской и Лаврентьевской летописей район нахождения летописного города очерчивается таким образом: Брянск – леса на пути в Козельск с юга – Севск и Болдыж на юге. Сопоставления с современным г. Карачевом Брянской области не вызывает сомнений (*Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 226).

Городище в центре современного Карачева датируется керамикой XII–XIII и XIV–XV вв. (*Никольская Т. Н.* О летописных городах в земле вятичей. С. 4).

Иногда испорченное написание в статье 6702 (1194) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 679), когда Святослав Всеволодович созвал братьев «въ Роговъ /во Роговь – Х./» принимается за свидетельство о существовании города Рогова (*Самоквасов Д. Я.* Северянская земля и северяне по городищам и могилам. С. 33; *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 70). Из следующей после описания переговоров Святослава фразы: «возвратися Святославъ ис Карачева /Корачева – Х./» ясно, что речь шла о Корачеве (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 679).

37. КОРЬДНО (Корьдьнъ?)

Вероятно, адаптация иноязычного названия при помощи продуктивного форманта -ьн- (*Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 27).

Обыкновенно предполагается, что это город в земле вятичей, местоположение которого не установлено (*Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 157; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 226). В таком случае единственное упоминание этого пункта в «Поучении» Мономаха: «А въ Вятичи ходихом по двѣ зимѣ на Ходоту и на сына его и ко Корьдну ходихъ 1-ю зиму» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 248), – рассматривается как уточнение направления первого похода на Ходоту (*Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 105). Однако Д. С. Лихачев более справедливо предполагает, что здесь речь идет о первой зиме черниговского княжения Владимира Мономаха (ПВЛ. Т. 2. С. 444), то есть 1078–1079 гг., когда он воевал с торками.

Отнесение Корьдна к Черниговской земле очень сомнительно.

38. КРОМ

Название часто объясняется как в смысле «граница», ср. кромка, так и в значении укрепления, ср. псковский кремль – Кром. Есть и другие этимологии (*Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. С. 216).

По статье 6655 (1147) г. Хлебниковского списка Ипатьевской летописи находился на пути из Мценска и Спаша в Курск (*Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 226).

Древнерусское городище в Кромах – районном центре (гор. поселок) Орловской области (*Никольская Т. Н.* К исторической географии земли вятичей. С. 166–168).

Город вновь отстроен в 1595 г. (*Зимин А. А.* Состав русских городов XVI в. С. 346).

Название XVII в. – Кромы (КБЧ. С. 102, 103 и др.).

39. КРЫРОВ

По статье 6668 (1160) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 506) – на левой стороне Десны близ Чернигова (*Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 12; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 226; Ср.: *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 109).

40. КУРЕСК (Курьск, Курск)

Назван от рч. Кур, п. пр. р. Тускарь (л. пр. Сейма) (*Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. С. 222; ср.: *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 21–22).

Впервые упомянут в житии Феодосия – в Курск после 1036 г. переселился отец Феодосия (Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 74). По многократным летописным упоминаниям локализуется в Посемье. В «Списке городов русских, дальних и ближних» указан в числе киевских городов: «Курескъ на Турскорѣ», вторично назван в числе залесских городов (НПЛ. С. 475, 477).

После монгольского разрушения вновь построен в XVI в. (*Зимин А. А.* Феодальная государственность и Русская Правда. С. 346). Следует иметь в виду, что в конце XV в. существовало также «Курское городище» на Сейме напротив устья Реута (л.п. Сейма) (Сб. РИО. Т. 41. С. 58).

В своде И. И. Ляпушкина городище в Курске – центре современного областного города – указано под знаком вопроса. В ходе его обследования собраны находки, относящиеся к раннеславянской и древнерусской культурам VIII–XIII вв. (*Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. С. 70).

Написания Курск и Куреск в XVII в. сосуществуют (КБЧ. С. 213).

41. ЛЕСНАЯ ЗЕМЛЯ

По единственному упоминанию в статье 6654 (1164) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 334) приближенные Святослава Ольговича предлагали ему бежать из Новгорода-Северского в «Лесную землю», «и тако побѣже Святославъ из Новагорода Корачеву», т.е. Корачев – центр «Лесной земли».

42. ЛИСТВЕН (Листьвьн, Льстивьн)

От «листва» с топографическим формантом -ьн- (*Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 26).

Упомянут единственный раз под 6532 (1024) г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 148; Т. 2. Стб. 135). Учитывая, что путь войск Ярослава к Чернигову шел

с верхнего Днепра, то Листвен находился между берегом Днепра и Любечем (*Марков М. Е.* О городах и селениях в Черниговской губернии, упоминаемых в Несторовой летописи. С. 18–20; *Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 19–20; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 226). Село Большой или Великий Листвен (*Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 114) находится в стороне от этого пути, поэтому локализация Н. П. Барсова неудовлетворительна.

В XVIII в. были два села с одинаковым названием – Листвин (затем Малый) – в Белоусской сотне и Листвин (затем Великий) в Городнянской сотне Черниговского полка (Показчик... С. 124, 126).

Известно городище в Малом Листвене (Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. С. 32. Ж–2. № 14).

43. ЛОБЫНЬСК (Лобынск, Лбынск)

Название связывается с праславянским «лъб-» в первичном топографическом значении (*Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 66). В Московском своде 1479 г. – Любыньск, в Никоновской летописи – Любинец Омосов или Амосов (ПСРЛ. Т. 25. С. 39; Т. 9. С. 171).

По прямому указанию в статье 6654 (1146) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 339; См. также стб. 340) «город» Лобыньск находился «на усть Поротвы» (*Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 226; см.: *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 120).

Здесь известно древнерусское городище (*Никольская Т. Н.* К исторической географии земли вятичей. С. 161).

В грамотах XIV–XV вв. в устье Протвы упомянут в числе «отменных мест рязанских» Новый городок, полученный Москвою взамен Лопастны (ДДГ. № 4. С. 15, 18; № 10. С. 29; № 11. С. 31; № 19. С. 53; № 33. С. 84; № 47. С. 143).

44. ЛОКНА

По известию, читающемуся в статьях 6635 (1127) г. Лаврентьевской летописи и 6636 (1128) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 296; Т. 2. Стб. 291) послы, шедшие к половцам, стоявшим «у Ратьмире дубровы за Выремь (Выремъ)», были перехвачены на Локне. Таким образом, наиболее вероятно отождествление с притоком р. Вир (*Швець Г. І.* та ін. Каталог річок України. № 593; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 226; *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 308; ср.: С. 115).

Менее вероятно сопоставление с Локней, притоком Псла (*Багалей Д. И.* История Северской земли... С. 188). Известны также две Локни – притоки Клевени (п. пр. Сейма – *Швець Г. І.* та ін. Каталог річок України. № 1602, 1612) и в Глинском уезде Малая и Большая Локня – п. пр. Сулы (*Шафонский А. Ф.* Черниговского наместничества топографическое описание. С. 524).

45. ЛОПАСНА

По статье 6685 (1177) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 602) Олег Святославич, проводив княгинь Михалки и Всеволода Юрьевича до Москвы, «възвратися во свою волость к Лопасну» и оттуда послал дружину занять Сверилеск, захваченный рязанцами. Таким образом, Лопасна находилась недалеко от Москвы и Сверилеска, на пути к Москве с юга. Брод в устье р. Лопасны (п. пр. Оки) существовал в XIV–XV вв., здесь переправились в 1380 г. войска Дмитрия Донского (ПСРЛ. Т. 25. С. 202). По договорной грамоте Олега Рязанского с Дмитрием Донским Лопастна находится на «рязанской стороне за Окою» (уступлена Рязани взамен Нового Городка в устье Протвы – ДДГ. № 4. С. 15, 18; № 10. С. 29; № 11. С. 31; № 19. С. 53; № 33. С. 84; № 47. С. 143; ср. здесь п. 43. Лобыньск).

В указанном месте известно древнерусское городище (*Сахаров И. П.* Памятники Тульской губернии. С. 16), что дает возможность надежной локализации (*Павлов Н. М.* Город Тешилов и Лопасня. С. 442–443; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 226–227).

По традиции, восходящей к В. Н. Татищеву (*Татишев В. Н.* История Российская. Т. 3. С. 205, 299) Лопастну отождествляют с селами Лопасня – Зачатейское, Лопасня – Садки и Лопасня – Бадеево (*Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 115; *Кучкин В. А.* Ростово-Суздальская земля в X – первой трети XIII в. С. 78), находящимися ныне в пределах и окрестностях г. Чехова Московской области. Здесь древнерусское городище не известно. Более вероятно нахождение центра волости на важном броде через Оку.

46. ЛУТАВА

Название происходит от праславянского «лют-», славянского «лут-» с первичным топографическим значением – «болото, нечистота», «мокрый, болотистый» (*Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 57, 73), что соответствует положению поселения вблизи болот Выдра и Вершина.

По данным статей 6663 (1155), 6667 (1159) гг. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 482, 498) место снемов черниговских и киевских князей,

под 6683 (1175) г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 599) назван с Моровийском в Черниговской земле вблизи границы с землей Киевской, что дает основания для общепринятой локализации (*Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 117; *Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 20; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 227).

Близ с. Лутавы (Остерский район Черниговской области р. Украина) известны древнерусские городище и селище (Історія міст і сіл Української РСР: Чернігівська область. С. 323).

47. ЛЮБЕЧ (Любеск, Любець, Любч)

От имени Любек, Любик, Любча с посессивным формантом ь (*Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 13, 35).

Многочисленные упоминания в источниках Любеча указывают его в Черниговской земле на Днепре (*Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 119; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 227).

Городище древнего Любеча описано А. Ф. Шафонским (*Шафонский А. Ф.* Черниговского наместничества топографическое описание. С. 315). Полностью раскопано Б. А. Рыбаковым (Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. С. 32. Ж–1. № 2).

48. МЕЛТЕКОВО

Название связано с рч. Малотечей (Малотечкой – п. пр. Десны), упомянутой в грамоте царя Ивана IV Спасо-Преображенскому новгород-северскому монастырю (*Филарет (Гумилевский).* Историко-статистическое описание Черниговской епархии... Кн. 5. С. 113–114; Кн. 6. С. 31–32).

По единственному упоминанию в статье 6654 (1146) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 331) у с. Мелтеково после неудачной осады Новгорода-Северского остановились князья Давыдовичи, ожидая помощи из Переяславля и Киева, то есть недалеко к югу от северской столицы (*Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 123; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 227). Этому соответствует положение древнерусского городища у с. Стахорщины (*Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 21–22; ср.: *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 227), лежащего на пути к Новгороду-Северскому, приблизительно в 15 км от него (Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. С. 33. Ж–5. № 8; Історія міст і сіл Української РСР: Чернігівська область. С. 487).

Современное название села связывается с М. Стахорским (XVII в.), помощником новгород-северского старосты (*Виноградський Ю. С.* Назви міст, сіл та річок Чернігівщини. С. 34).

49. МОЛОЧЬНА

По единственному упоминанию в статье 6675 (1167) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 526) находилась на пути к Новгород-Северскому «в далее 15 верстъ от града». Традиционно по созвучию и близости расстояния отождествляется с совр. рч. Малотечей (Малотечкой, п. пр. Десны) – *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 126; *Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 22; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 227). Однако осталось незамеченным указание Филарета на раздельное упоминание р. Молочной и Малотечи в грамоте Ивана IV Спасо-Преображенскому монастырю (*Филарет (Гумилевский).* Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 3. С. 113–114; Кн. 6. С. 31–32). Ныне это безымянный ручей в 1–2 км к северу от Малотечи.

50. МОРАВИЕСК (Моровииск, Моровеиск, Муровиеск)

От праславянской основы «мор-», «морава» – «сырая, поросшая травой земля» (*Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 66), что соответствует положению близ болот Выдра и Вершина.

Неоднократно упоминается в Ипатьевской летописи: как место переговоров черниговских князей и их союзников с князем киевским под 6647 (1139), 6663 (1155), 6668 (1160) гг. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 302, 478, 504; также в Лаврентьевской летописи под 6662 (1157) г.: Т. 1. Стб. 344) как место встречи враждебных дозоров под 6650 (1142) г. (ПСРЛ. Т. 2. С. 457); под 6667 (1159) и 6683 (1175) гг. назван как несомненно черниговский «город» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 500, 599). Все указывает на его пограничное с Киевской землей положение и соответствует общепринятой локализации в с. Моровск Остерского района Черниговской области р. Украина (*Марков М. Е.* О городах и селениях в Черниговской губернии, упоминаемых в Несторовой летописи. С. 57–60; *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 127; *Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 22; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 227).

М. Е. Марков отмечал валы вблизи Десны, во многих местах обрушенные рекою и хорошо заметные в огородах Моровска (*Марков М. Е.* О городах и селениях в Черниговской губернии, упоминаемых в Несторовой летописи. С. 59–60), вблизи села известны древнерусские курганы,

селище и городище (Історія міст і сіл Української РСР: Чернігівська область. С. 331).

В XVII в. есть написание Муравск (КБЧ. С. 185).

51. МОСАЛЬСК (Мосалеск)

Упомянут в Черниговской волости (земле) вместе с Серенском (НПЛ. С. 71, 280), иногда ошибочно: «Можаиск» (ПСРЛ. Т. 1. Прилож. С. 512). Общепринятая локализация не вызывает сомнений (*Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 127; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 227).

До XVII в. существовало написание Мосалеск (КБЧ. С. 56, 119).

52. МЦЕНЕСК (Мцьнеск, Мценскь, Мценеско, Мценск)

От гидронима Мецна или Мценка, этимология которого неясна (*Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. С. 280; *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 66).

Упомянут в статьях 6655 (1147), 6660 (1152) гг. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 342, 455) как пункт, лежавший на пути из «Вятичей» в Кром и Глухов. Локализация общеизвестна – г. Мценск Орловской области. (*Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 131; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 227).

В центре Мценска известно древнерусское городище с материалами XII–XIII вв. и более поздними (*Никольская Т. Н.* К исторической географии земли вятичей С. 164–166).

В XVII в. написания Мценеск и Мценск сосуществовали (КБЧ. С. 55–56, 60, 103 и др.).

53. МУРОМ

Название от этнонима угро-финского племени «мурома», четкая этимология отсутствует (*Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 53; ср.: *Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. С. 279).

В 1054–1127 гг. входил в Черниговское княжество.

54. НЕЖАТИНА НИВА

От антропонима Нежата (*Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 52). По тексту ПВЛ (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 201; Т. 2. Стб. 192) битва на Нижатиной Ниве происходила восточнее Чернигова, недалеко от р. Десны (наиболее обоснованное мнение о топониме см. *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 227–228; ср.: *Голубовский П. В.* Историческая

карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 25–28). Прочие предложения менее обоснованы (*Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 149).

55. НЕРИНЬСК (Неринск)

Образовано от гидронимической основы Нер-, Нор-, Нар-, – балтского происхождения при помощи топографического форманта -ьск (*Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 66, ошибочно указан на Волыни!).

Дважды упомянут в статье 6655 (1147) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 340–341): Святослав Ольгович пришел из Москвы к устью Протвы, затем оттуда пошел к Нериньску и, перейдя Оку, стал у Нериньска. Таким образом – Неринск на Оке, вероятно, на правом берегу. Более точные указания отсутствуют (Ср.: *Сахаров И. П.* Памятники Тульской губернии. С. 16; *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 134; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 228).

56. НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЙ (Новый город, Новъгород Северьский)

Впервые упомянут в «Поучении» Мономаха в связи с событиями первого года его черниговского княжения (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 248) и затем многократно в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях вплоть до 6695 (1187) г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 659), в Новгородской первой летописи не упомянут, исключая «Список городов русских дальних и ближних».

М. Е. Марков (*Марков М. Е.* О городах и селениях в Черниговской губернии, упоминаемых в Несторовой летописи. С. 36) считал датой основания Новгорода-Северского 1044 г.: «В других летописях означается, что город сей построен в 1044 г. киевским великим князем Ярославом Владимировичем, по возвращении его из литовского похода», – такое сообщение неизвестно (см., например, соответствующие статьи в: НПЛ. С. 181; ПСРЛ. Т. 9. С. 83, где говорится просто о Новгороде).

Обширное, из трех или четырех частей, городище в современном Новгороде-Северском Черниговской области р. Украина малодоступно для исследования (Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. С. 33. Ж–5. № 5; Історія міст і сіл Української РСР: Чернігівська область. С. 471).

См.: *Куза А. В., Коваленко В. П., Моця А. П.* Новгород-Северский: некоторые итоги и перспективы исследований // На Юго-Востоке Древней Руси: историко-археологические исследования. Воронеж, 1996; *Куза А. В.* Древнерусские городища X–XIII вв.: Свод археологических памятников. М., 1996. С. 106 (более позднее примеч. А. К. Зайцева).

57. НОВОСИЛЬ

Впервые упомянут в Московском своде 1479 г. под 6663 (1155) г. (ПСРЛ. Т. 25. С. 391. Ср.: Т. 2. Стб. 480), что является следствием ошибочного прочтения слов «у вессльи», сохранившихся в подобном известии статьи 6663 (1155) г. Ипатьевской летописи. Жена Юрия Долгорукого, по Ипатьевской летописи, ехала из Суздаля в Киев через Смоленск, и Новосиль на р. Зуше – притоке Оки ей был не по пути (*Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 228; ср. *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 147).

58. ОБЛОВЬ (Оболвь, Бловь, Блевь)

С. Роспонд в названии видит адаптацию иноязычного «Блове, Блеве», сближение с «Обловь», «обль» (*Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 69, 74). Очевидно связано с гидронимом Болва – лев. пр. р. Десна (в XVII в. – р. Оболва).

Впервые упомянут в Уставной грамоте Ростислава Мстиславича смоленской епископии (Смоленские грамоты... С. 77) как пункт, где собиралась гостиная дань. Дважды упомянут в Ипатьевской летописи: под 6655 (1147) г. в числе сопредельных «Вятичам» пунктов («из Блеве», «из Блове» – ПСРЛ. Т. 2. Стб. 342; ср.: «из Облове». ПСРЛ. Т. 25. С. 40), под 6667 (1159) г. как «город» жены Святослава Ольговича вблизи границ «Вятичей» («Обловь» – ПСРЛ. Т. 2. Стб. 502). Таким условиям (связь со Смоленской землей, близость к «Вятичам», принадлежность к Черниговской земле) соответствует принятая локализация – в с. Оболва (Болва) расположенном в 3 км к юго-западу от г. Спас-Деменск Калужской области (*Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 8; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 221).

В справочных изданиях (*Щекатов А.* Словарь Географический Российского государства. М., 1801. Ч. 1; *Семенов П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 1. С. 356; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 5. СПб., 1891. С. 179; *Каштанов С. М.* Белевское княжество // СИЭ. Т. 2. С. 223; СССР: Административно-территориальное деление союзных республик 1974. М., 1974. С. 189) и в тульской краеведческой литературе распространено мнение о том, что «из Блеве (Бловс)» означает г. Белев (райцентр Тульской области, левый берег р. Оки). Это не соответствует ориентировочному району нахождения летописного топонима, так как г. Белев расположен в центре «Вятичей». В г. Белеве отмечались остатки валов городища (Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. С. 42), но ознакомление с ними на месте показало, что они относятся к крепости XVI–XVII вв. (Описание ее см.: ДАИ. СПб., 1875. Т. 9. С. 250). По писцовым книгам «старое городище» находилось на посаде XVII в. (*Елагин Н.* Белевская вивлиофика. Т. 1. С. 364, 501; Т. 2. С. 129, 267) и было застроено с конца XVII в. кирпичными постройками

Спасо-Преображенского и Крестовоздвиженского монастырей. Древнерусских вещей и керамики в обширной коллекции древностей, собранной в пределах Белева белевскими краеведами, не обнаружено.

Необходимо заметить, что часто на исторических картах (см., например, карту А. Н. Насонова) фигурирует название «Блеве» – на картах принято указывать названия в именительном падеже.

59. ОКА

Впервые упомянута во Введении к Повести временных лет как приток Волги (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 11; Т. 2. Стб. 8).

60. ОЛЬГОВ

От имени Олег при помощи посессивного форманта «-овъ» (*Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. С. 244).

Упомянут в статье 6660 (1152) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 456) как пункт, лежащий между Глуховом, где стоял Юрий Долгорукий и «полем», откуда к Ольгову пришли половцы. Этому соответствует принятая локализация в г. Льгов Курской области (*Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 142; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 228).

Под Льговом – Городенское городище с роменским и древнерусским слоями (*Липкинг Ю. А.* Порубежные роменские городища Курского «княжения» // Ученые записки Курского педагогического института. Т. 60. Курск, 1969. С. 188).

61. ОЛЬГОВО ПОЛЕ

Трижды упомянуто в статье 6656 (1148) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 361–363) как находившееся между Черниговом и Боловосом, от Ольгова поля лежал путь на Любеч. Известна рч. Ольговка, приток Белоуса (карта К. М. Бороздина в кн.: *Погодин М. П.* Древняя русская история до монгольского ига. Л. 85); вероятно, позже это «сухой ровец Льговочка», на нем д. Льгов, близ него наиболее удобная на Белоусе переправа (*Ефимов А. В.* Олегово поле. С. 89–92; см. *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 141–142; *Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 28; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 228).

62. ОРГОЩ

От антропонима Орогост при помощи посессивного форманта – jь (*Агитаа Р.* Sur les principes et méthodes d'hydronymie russe. Les noms en gost'. P. 160; *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 64). На съезд в Увстичах были посланы от Мономаха Орогость (Орьгость)

и Ратибор (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 274; ср.: Т. 2. Стб. 249). По мнению Б. А. Рыбакова, Орогость был одним из старых черниговских бояр Владимира Мономаха (*Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. С. 163). Предполагавшаяся преемственность: *Ръгощь – Оргощь – Ргощь – Рогоща (*Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 30) ошибочна в начальном звене.

Упомянут в статье 6667 (1159) г. Ипатьевской летописи в числе семи опустошенных городов собственно черниговских (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 500). Учитывая упоминавшееся в актах Литовской метрики селище Заболовесье и Ргощь и наличие в Рогоще городища, локализацию в с. Рогоща на р. Белоус в 19 км от Чернигова, можно считать надежной (*Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 29–30; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 228, ср.: *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 154).

Городище раскапывалось Д. И. Блифельдом, на противоположном берегу реки – курганы (Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. С. 34. 3–2. № 5; Історія міст і сіл Української РСР: Чернігівська область. С. 704).

63. ОРМИНА

Упомянута один раз в статье 6650 (1142) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 312) рядом со Вщижем. В описании границ Литовского государства ок. 1523 г. «рубеж мглинский из Брянском – Ормина городищи брянская» (Документы Московского Архива Министерства юстиции. М., 1897. Т. 1. С. 65). Это и ряд других замечаний дало основание для локализации в с. Ормино (Вормино) Мглинского района Брянской области (*Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 30; см. *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 228–229).

У с. Ормино в урочище «Церковная гора» (правый берег р. Ворминка) – городище (Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. С. 23. Г–5. № 9).

64. ОСЕТР

Упомянут один раз в статье 6654 (1146) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 338); от Дедославля Святослав Ольгович пошел к Осетру (см. р. Осетр – правый пр. р. Оки, протекающий в Тульской и Московской областях).

65. ПОДЕСЕНЬЕ (Подеснье)

Упомянуто один раз в статье 6655 (1147) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 342) в значении территории, прилегающей к верхнему течению р. Десны.

66. ПОПАШЬ

Упомянут один раз в статье 6655 (1147) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 356) как находящийся рядом с Посемьем в числе «городов» волости Выри, недалеко от Вьяхани.

Предлагавшаяся локализация на р. Попадье при впадении в р. Сулу (*Голубовский П. В.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. С. 93–94; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 229) справедливо оспаривается Ю. Ю. Моргуновым, указавшим на древнерусский комплекс из двух городищ и трех селищ на правом берегу Сулы между селами Засулье и Бродок в 15–20 км к юго-западу от Вьяхани (*Моргунов Ю. Ю.* Новый вариант печати Владимира Мономаха. С. 17–21; *Моргунов Ю. Ю.* Разведки на Сумщине // АО 1972 г. М., 1973. С. 315–316).

67. ПОРОТВА

Упомянута в Ипатьевской летописи впервые под 6654 (1146) г. По известию 6655 (1147) г. в той же летописи – верховья реки были в Смоленской земле, здесь жила Голядь (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 339). Очевидно упомянута р. Протва – левый пр. р. Оки.

68. ПОРОХНЫЙ ЛЕС

В тексте статьи 6654 (1146) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 331–332): «Сташа у Мелтековѣ селе и оттуда пославше и заграбиша Игорева и Святославля стада въ лѣсѣ в Порохни /Порахни – Х./, кобыл стадных 3000, а конь 1000» прежде читалось: «в лесе по (реке) Рахни», которую отождествляли с безымянным ручьем, впадавшим справа в Десну выше Малотечи (*Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 123, 172; *Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 19, 32; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 229). Однако существует слово «порохно», что означает «гниль, труха, гнилое дерево» (*Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 3. С. 333). Учитывая характерное для русского языка повторение предлога при определении и определяемом слове, следует переводить: «в Порохном лесу».

Указанный ручей назывался в древности Молочной (см. выше). Здесь в соседстве с Мелтековым не могли пастись стада, ибо для их захвата был «послан» отряд, войска же Давыдовичей «стояли» в 1–2 км от этой речки. Более того, мало вероятно, что такой крупный военный резерв, как 1000 коней, мог находиться к югу от Новгорода-Северского на пути ожидаемого противника. Порохный лес следует искать севернее Мелтекова в радиусе около 50–70 км (однодневный кавалерийский марш).

На этом расстоянии к востоку от Новгорода-Северского в верховьях реки Знобь (Знобовка) существует с. Порохонь (Порохня) Средино-Будского района Сумской области. Восточнее его, «обопол р. Тары» (совр. р. Устарь) в XVI–XVII вв. находились бортные «Порохонские ухожаи», «Парахонский лес», принадлежавшие Брянскому Свинскому монастырю (*Маштаков П. Л.* Список рек Днепровского бассейна. С. 198; *Шумаков С.* Сотницы, грамоты и выписи. Вып. 1. С. 194, 197–199). Село Порохня в XVI–XVII вв. было новгород-северским (*Андрияшев А. М.* Нарис історії колонізації Сіверської землі до початку XVI віку. С. 126–127). Оно не соседствует непосредственно с современным лесом верховий Устари, но, судя по названию, в прошлом находилось в пределах Порохного леса.

Все это позволяет считать локализацию надежной.

69. ПОСЕМЬЕ

Впервые упомянуто в статье 6654 (1146) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 332; ср.: Т. 1. Стб. 269), а также под 6655 (1147), 6657 (1149), 6693 (1185) гг. как географическое название, означающее район по р. Семи, принадлежащий Курску. Путивль на Сейме, Вырь к югу от Сейма в понятие Посемье не входили. Чаще всего употребляется в сочетании «Курск с Посемьем» (см. главу третью, ср.: *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 299).

70. ПСЕЛ (Песл)

Упоминается в статьях 6619 (1111), 6661 (1153) гг. Ипатьевской летописи и 6661 (1153) г. Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 266, 465.Т. 1. Стб. 340) в связи с походами русских князей на половцев, левый пр. р. Днепр.

71. ПУТИВЛЬ

От имени Путив или Путин при помощи форманта -jь (*Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. С. 345; *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 64, 82).

Впервые упомянут в Ипатьевской летописи под 6654 (1146) г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 329, 333, 335) как хорошо укрепленный центр волости, принадлежавшей Святославу Ольговичу. В XII–XIII вв. упомянут свыше десяти раз в Ипатьевской летописи и лишь один раз в Лаврентьевской летописи под 6731 (1223) г. (упомянуты путивльцы – ПСРЛ. Т. 1. Стб. 506).

Подробно о топографии города см.: *Левитский Я.* Город Путивль; раскопки Д. Т. Березовца, Б. А. Рыбакова: *Рыбаков Б. А.* Раскопки в Путивле. С. 154–156.

72. РАДИМИЧИ

Упомянуты как название территории в статье 6677 (1169) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 537). Бежавший от Дорогобужа в Суздальскую землю Владимир Мстиславич шел через «Радимичи» черниговские, так как смоленские князья были ему враждебны.

73. РАДОЩ

От довольно распространенного антропонима Радогост при помощи посессивного форманта -jь. (*Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 64–65; ошибочно указан в Смоленской области).

Упомянут в статье 6663 (1155) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 477): «у Синина мосту, у Радоща», неподалеку от Стародуба. В Книге Большому Чертежу: «против Стародуба на реке Судости городище Радогощь» (КБЧ. С. 102). Сожжен в 1535, 1563 гг. во время войн с Литвой (ПСРЛ. Т. 8. С. 287; Т. 13. С. 367; *Зимин А. А.* Состав русских городов XVI в. С. 343). Впервые отождествлен с г. Погаром Н. С. Арцыбашевым (*Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 171; *Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 31; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 229).

Подробный исторический очерк г. Погара Брянской области см.: *Ханенко А. И.* Город Погар.

Городище в урочище «Замок» (Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. С. 31. Е–5. № 1).

Не путать с Радогощем XV–XVII вв. в Севском районе Брянской области (см., напр.: *Андрияшев А. М.* Нарис історії колонізації Сіверської землі до початку XVI віку. С. 105 и 125).

74. РАТЬМИРЯ ДУБРОВА (Ратмиря дуброва)

Упомянута в статье 6635 (1127) г. Лаврентьевской летописи и статье 6636 (1128) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 296; Т. 2. Стб. 291): половцы «сташа у Ратьмире дубровы за Выремь». Возможно, речь шла не о реке Вырь, а о территории г. Вырь.

75. РЕЧИЦА

Упомянута в статье 6722 (1214) г. Новгородской первой летописи (НПЛ. С. 53, 252) как один из «городов» черниговских по Днепру.

В г. Речице Гомельской области р. Беларусь известно древнерусское городище (*Штыхов Г. В.* Археологическая карта Белоруссии. С. 121–122. № 401).

76. РОГАЧЕВ

От антропонима с посессивным формантом -ев (*Жучкевич В. А.* Краткий топонимический словарь Белоруссии. С. 323–324; *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 69–70; ср.: *Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. С. 354).

Впервые упомянут в статье 6650 (1142) г. Ипатьевской летописи как город, данный киевским князем новгород-северским князьям, под 6688 (1180) г. указан на Днепре (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 312, 621). Локализация в г. Рогачев Гомельской области р. Беларусь общепринята.

В современном Рогачеве известны городище «Замковая Гора» и курганы эпохи Киевской Руси (*Штыхов Г. В.* Археологическая карта Белоруссии. С. 125. № 444).

77. РОПЕСК

Название от «ропа» – «топкое место, грязь» с формантом -ьск. Часто встречаются гидронимы Ропа, Ропянка (*Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 67). П. В. Голубовский предполагал первоначальное название реки Ирпы – Ръпа, отсюда – Ропеск. В поздних летописях встречается написание Юропеск (ПСРЛ. Т. 25. С. 66), что объясняется слитным прочтением слов: «почтивъ ю (ее. – *А. З.*) Ропескѣ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 502).

Упомянут дважды в Ипатьевской летописи под 6667 (1159) г. – на пути к Гомию с юга. Локализация на месте с. Старый Ропск Климовского района Брянской области предложена П. В. Голубовским (*Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 32, 33; *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 175–176; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 229–230).

Известны лишь курганы в окрестностях соседнего с. Новый Ропск (Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. С. 31. Е–4. № 17).

78. РОСУСЬ (Роксусь)

Упомянута в статье 6668 (1160) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 508): Изяслав Давыдович с половцами шел, очевидно, из Выри «к Воробеине и к Росусе и туде повоевав, иде... ко Вщижу». Н. И. Надеждин и К. А. Неволин указали на р. Рассухе (лев. пр. р. Вабля, прав. пр. р. Судость) два села со сходным названием в верхнем и нижнем течении реки. (См.: *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции. Т. 4. С. 247). М. С. Грушевский (*Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 605) считал, что Изяслав повоевал поречье Судости от Воробиина до Росуси, а затем пошел назад

во Вщиж, и отождествлял летописный пункт с Рассухой в низовье реки (20 км к северо-востоку от Стародуба). Поскольку в Россухе, находившейся в верховьях реки, сохранилось городище, П. В. Голубовский (*Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 33; см. также: *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 177; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 230) предпочел этот пункт. Следует согласиться с этой локализацией (современное с. Рассуха Унечского района Брянской области), ибо маловероятно, что Изяслав мог безнаказанно приблизиться к Стародубу, не обладая значительными военными силами.

У с. Рассуха Унечского района известно древнерусское городище (Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. С. 28. Д–5. № 24).

79. РОСЬ

Иногда (*Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 230; ср.: *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 177, примечание) известие Ипатьевской летописи под 6695 (1187) г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 653), когда Кончак «почаша часто воевати по Рси в Черниговьскои волости» понимают как указание на существование левобережной р. Рось. Однако вариант Хлебниковского списка: «по Рши и в Чернѣговскои волости», – противоречит такому толкованию. В тексте Ипатьевского списка, очевидно, выпал союз «и».

80. РЫЛЬСК

От гидронима Рыло при помощи -ьск (*Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 67).

Упомянут впервые в статье 6660 (1152) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 458; см. также: Т. 1. Стб. 397; Т. 2. Стб. 638), когда Юрий Долгорукий от Чернигова пошел к Новгороду-Северскому и оттуда к Рыльску, «яко хоте поити из Рыльска Суждалю».

Городище в г. Рыльске Курской области известно в литературе давно (*Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. С. 75).

Написание Рылеск сохранялось в XVII в.: «на усть р. Рылы... на горе, на правом берегу Семи, город Рылеск» (КБЧ. С. 106, см. 102, 107 и др.).

81. РЯЗАНЬ

Краткий обзор этимологии см.: *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 30.

См.: *Монгайт А. Л.* Старая Рязань // МИА. № 49. М., 1955; *Монгайт А. Д.* Рязанская земля. М., 1961; Археология Рязанской земли. М., 1974.

82. СВЕНКОВИЧИ (Свинковичи)

Упомянуты в статье 6668 (1160) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 507) как правобережное поселение на р. Десне у переправы выше Чернигова. П. В. Голубовский нашел в описании земель Чернигова упоминание о «Свиньской переволоке» при устье р. Свини; здесь же на правом берегу Десны – д. Свинь. (*Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 12, 36; см. *Багалей Д.* История Северской земли до половины XIV столетия. С. 151; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 230).

Нельзя не учитывать патронимический характер форманта -вичи. Формально не исключена возможность происхождения названия от антропонима, а не гидронима, например, известно имя новгородца Ивач Свеневич или Свиневич, Свенич (под 6694 (1186) г.: НПЛ. С. 38, 228), т.е. *Свенко, *Свинко -вичи.

83. СВЕРИЛЕСК (Свирилеск)

От гидронима Свѣрь или Свирь (*Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 67)?

Упомянут в статье 6684 (1176) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 602) как центр волости черниговской, занятой рязанцами, неподалеку от Лопасны. Н. И. Надеждин и К. А. Неволин (*Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции. Т. 4. С. 247; см.: *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 182; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 230) указывали на речку Сиверку – прав. пр. р. Москва (ср. в: ДДГ. № 1 С. 7, 9; № 4. С. 15, 17 – р. Северсца), начинающуюся у р. Лопасня и впадающую в р. Москва выше Коломны (рязанская волость), здесь известно сходное название – с. Сиверское или Северск (современное с. Северское в 7 км к северу от г. Коломны Московской области) (см. также: *Багалей Д. И.* История Северской земли до половины XIV столетия. С. 144).

84. СВИНЬ (Свиная река)

Упомянута в статьях 6660 (1152), 6666 (1158), 6684 (1176) гг. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 456, 458, 490, 600) как находившаяся недалеко от Чернигова, между ним и р. Сновь. Большинство исследователей справедливо сопоставляют ее с р. Замглай или Свинь (*Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 182; *Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 36; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 230). На карте К. М. Бороздина р. Свинь указана между Замглаем и Стриженью.

85. СЕВЬСКО

От гидронима Сев (см. *Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. С. 375).

Упомянуто в статье 6654 (1146) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 335) как поселение между Путивлем и Болдыжем (*Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 230).

Городище в г. Севске Брянской области полностью срыто для укреплений XVI–XVII вв., но есть явные следы роменского и древнерусского поселений (*Даркевич В. П., Пудовин В. К.* Раскопки на Севском городище. С. 83–87).

86. СЕЛЬЦО СВ. СПАСА

Упомянуто в статье 6668 (1160) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 507) как лежащее на правой стороне р. Десна, выше Чернигова, ибо войска Изяслава Давыдовича переправлялись близ устья р. Свинь (см. Свенковичи) и до Чернигова не дошли. Точное положение не установлено (*Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 230; см. также Семынь).

Локализация К. М. Бороздина – с. Жолвинка у оз. Спасское на полпути от Чернигова к устью р. Белоус неудовлетворительна (см. *Погодин М. П.* Древняя русская история до монгольского ига. Т. 3. Л. 85).

87. СЕМЫНЬ

Относится в числу названий неясного происхождения (*Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 75).

Упомянута в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях под 6660 (1152) г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 338; Т. 2. Стб. 456–457) как лежащее между Гуричевым и Черниговым поселение. Отождествление его с сельцом св. Спаса не имеет достаточных оснований (*Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 37; см. *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 231), также недостаточно обосновано предположение, что Семынь – название совр. р. Стрижень (*Марков М. Е.* О городах и селениях в Черниговской губернии, упоминаемых в Несторовой летописи. С. 55; см. *Багалей Д.* История Северской земли до половины XIV столетия. С. 153). См. также *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова. С. 51.

88. СЕМЬ

Упомянута в Повести временных лет как река – один из ориентиров расселения северы (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6; Т. 2. Стб. 5), а также в статьях 6635 (1127) г. Лаврентьевской и 6693 (1185) г. Ипатьевской летописей (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 296; Т. 2. Стб. 646).

Несколько чаще употребляется название Посемье.

В Книге Большому Чертежу (КБЧ. С. 102, 107 и др.) – Семь; на карте Г. Л. Боплана – Sem (*Ляскоронский В. Г.* Иностранные карты и атласы XVI–XVII вв., относящиеся к Южной России. С. 21. Л. 1). Этимология затруднительна (*Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 3. С. 600).

Современная форма – р. Сейм (лев. пр. р. Десна) – появляется с XVII в. (*Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. С. 375–376).

89. СЕРЕНЕСК (Сереньск, Шереньск, Шернеск, Серенск)

Очевидно, название образовано с помощью топографического форманта -ьск от гидронима Серена.

Первое упоминание содержится в уникальном известии 6716 (1208) г. Летописца Переяславля Суздальского (Летописец Переяславля Суздальского // Временник Общества истории и древностей российских. М., 1851. Кн. 9. С. 108) о походе воеводы Всеволода Большое Гнездо Степана Здиловича к Серенску (см. также: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 1. С. 594; Там же. Кн. 2. С. 641). Упомянут также в статье 6740 (1232) г. Лаврентьевской летописи и статье 6739 (1231) г. Новгородской первой летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 459; НПЛ. С. 71, 280) в сообщении о походе Ярослава Всеволодовича и новгородцев на Серенск и Мосальск. Локализация общепринятая – на городище в д. Серенск Мещовского района Калужской области.

Раскопки на обширном древнерусском городище Серенска дали отличные образцы древнерусского ремесла XII–XIII вв. (*Никольская Т. Н.* К истории древнерусского города Серенска; *Она же.* Древнерусский Серенск – город вятических ремесленников; *Она же.* К исторической географии земли вятичей; *Она же.* О летописных городах в земле вятичей; и др.). По насыщенности находками культурный слой Серенска превосходит даже старую Рязань (*Никольская Т. Н.* К исторической географии земли вятичей. С. 163).

Город в XVI в. запустел, вероятно, от постоянных войн на литовских рубежах (*Зимин А. А.* Состав русских городов XVI в. С. 343). В Книге Большому Чертежу указана лишь р. Серена (КБЧ. С. 56, 119).

Иногда Серенск путают с Нериньском (напр., указатель к первым восьми томам ПСРЛ. Отд. 2. С. 423; в последнее время – *Никольская Т. Н.* К исторической географии земли вятичей С. 162). Нериньск (см. выше) в Ипатьевской летописи ясно указан на р. Оке (см. также *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 184).

90. СИНИН МОСТ

Упомянут в Ипатьевской летописи под 6663 (1155) г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 477) рядом с Радощем и Стародубом как место встречи идущего

с севера Юрия Долгорукого и Святослава Ольговича Новгород-Северского. Сюда же из Стародуба пришел Святослав Всеволодович. Положение с. Сенино в 23 км от Стародуба на дороге в Погар (летописный Радощ) вполне соответствует летописным сведениям о Синине мосте (*Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 185; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 231).

Городище на окраине с. Синин (Сенин, Сенино) на р. Вабля Погарского района Брянской области содержит древнерусский культурный слой (Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. С. 28. Д–5. № 30).

91. СЛУЧЕСК (Случьск)

От гидронима Случь с помощью форманта -ьск (см. *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 67; *Жучкевич В. А.* Краткий топонимический словарь Белоруссии. С. 251–252).

Впервые упомянут в статьях 6624 (1116) г. Ипатьевской и Лаврентьевской летописей (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 282; Т. 1. Стб. 250, 290–291) в «Дреговичах». Общепринятая локализация на городище в г. Слуцк Минской области р. Беларусь не вызывает сомнений (*Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии. С. 186–187).

Возникновение города датируется по материалам раскопок рубежом XI–XII вв. (*Лысенко П. Ф.* Города Туровской земли. 1974. С. 143–153, 150).

О принадлежности Случеска в 1142 г. князьям Черниговской земли см. главу третью. Аргументация П. Ф. Лысенко принадлежности Случеска XII в. Туровскому княжеству весьма противоречива (см. *Лысенко П. Ф.* Города Туровской земли. 1974. С. 17–18, 142).

92. СНОВЬ (Снов)

Упомянута в Повести временных лет под 6576 (1068) г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 172; Т. 2. Стб. 161, 458) и в «Хождении игумена Даниила» (1106–1108 гг.).

В современной транскрипции названия этой реки – прав. пр. р. Десна, как и в древней, употребляется и женский, и мужской род (*Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. С. 387; см. *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 24).

93. СНОВЕСК (Сновьск)

Название происходит от гидронима.

Впервые упомянут в Повести временных лет под 6576 (1068) г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 172; Т. 2. Стб. 161; см. также Т. 2. Стб. 384, 479, 772; Т. 1. Стб. 419). До конца XIX в. существовали две локализации города: З. Ходаковского,

Н. И. Надеждина и К. А. Неволина – Брусилов городок в устье р. Снови (*Ходаковский З. Д.* Розыскания о древних городищах. С. 331; см. *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 188; *Багалей Д.* История Северской земли до половины XIV столетия. С. 137), а также локализация А. Ф. Шафонского, М. Е. Маркова, М. П. Погодина – городище в Седневе Черниговской губернии (*Шафонский А. Ф.* Черниговского наместничества топографическое описание. С. 317; *Марков М. Е.* О городах и селениях в Черниговской губернии, упоминаемых в Несторовой летописи). Привлечение данных описи границы России с Литвой начала XVI в. Филаретом Гумилевским позволило надежно подтвердить локализацию А. Ф. Шафонского – на городище южнее с. Седнев Черниговской области р. Украина (*Филарет (Гумилевский)* Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. С. 110–111; *Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 38–40; см. *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 65, ср. с. 1-м изд. указ. соч.). Карты Гастальдо, XVI в. – Snuest (Чернігів і Північне Лівобережжя. С. 148). Кроме городища в с. Седневе известны селище и курганы (Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. С. 34. З–3. № 2; *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. С. 76; *Терпиловський Р. В.* Городище доби Київскої Русі в м. Седневі // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Київ, 1972. Вип. 4. С. 293).

94. СОЖ

По этимологии гидронима много славянских и балтийских гипотез (*Топоров В. Н.*, *Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. С. 208; *Жучкевич В. А.* Краткий топонимический словарь Белоруссии. С. 355).

Сож упомянут как река, по которой расселялись радимичи, во введении к Повести временных лет (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 12; Т. 2. Стб. 9).

95. СОЖИЦА (Съжица)

Упомянута в статье 6586 (1078) г. Повести временных лет (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 200; Т. 2. Стб. 191) как урочище или река в Переяславской или Черниговской землях, место битвы Олега Святославича со Всеволодом Ярославичем. Принимая ее отождествление Н. М. Карамзиным, Н. И. Надеждиным и К. А. Неволиным с Оржицей – притоком р. Сулы (*Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 103; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 231) не следует относить ее к числу географических названий Черниговской земли.

96. СОСНИЦА (Съсница)

Упомянута в статье 6642 (1134) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 772) наряду с Хоробором и Сновском как «город» на правобережье р. Десны (*Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 189; *Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 40; Чернігів і Північне Лівобережжя. С. 147–168; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 231).

В окрестностях гор. пос. Сосница Черниговской области р. Украина – два древнерусских городища, три поселения и курганы (*Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. С. 309–310; *Он же.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. С. 77; Історія міст і сіл Української РСР: Чернігівська область. С. 618; см. Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. С. 35. 3–4. № 9).

97. СПАШЬ

Название связано, очевидно, со Спасским монастырем или церковью (иначе см. *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 74).

Упомянут в статьях 6655 (1147), 6660 (1152) гг. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 342, 455) как находящийся на пути из Мценска к Крому или Глухову. На этом пути, по справедливому замечанию Н. И. Надеждина и К. А. Неволина, такое множество Спасских, что нет возможности ни на одном остановиться (*Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 189; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 231). Сузить круг поселений с этим названием можно лишь археологическим путем.

Наиболее вероятной является локализация Т. Н. Никольской – городище у д. Спасское на р. Неполодь Орловского района Орловской области (*Никольская Т. Н.* К исторической географии земли вятичей С. 11). Впрочем, сохранившееся в писцовых книгах название этого пункта «Звенигородское городище» наводит на сомнения в правильности локализации (ПКМГ. Отд. 2. 1877. С. 889). Возможно с этим Звенигородом была связана фамилия Звенигородских князей, а не со Звенигородом на р. Москве.

98. СТАРОДУБ

Упомянут в «Поучении» Владимира Мономаха в связи с событиями первого года его княжения в Чернигове (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 248), а также в статье 6604 (1096) г. Повести временных лет (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 230–231; 254; Т. 2. Стб. 220–221) как значительная крепость, способная выдержать более чем месяц осады. Около десяти раз упомянут в Ипатьевской летопи-

си до статьи 6683 (1175) г. включительно. Традиционно отождествляется с современным г. Стародубом Брянской области.

Однако в Стародубе древнерусские материалы не обнаружены, городище Стародуба относится к юхновской культуре (*Заверняев Ф. М.* Историко-археологические памятники Стародуба и его окрестностей // Брянский краевед. Вып. 2–3. Брянск, 1961. С. 36; Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. С. 28. Д–4. № 35)[1].

О. Н. Мельниковской высказано предположение, что древнему Стародубу принадлежит городище в с. Рябцеве на р. Титве (л. пр. Снови) в 12–15 км к северо-западу от Стародуба. Городище со значительными укреплениями, материалы XI–XIII вв. (иконки, пряслица с граффити, огромное количество стеклянных браслетов – доклад О. Н. Мельниковской в Институте археологии АН СССР, сектор славяно-русской археологии, май 1973 года) соответствуют характеру Стародуба, города первостепенного значения в Черниговской земле (см. также Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. С. 27. Д–4. № 23).

В «Списке городов русских, дальних и ближних» в числе литовских указан «Стародуб на Лане» (НПЛ. С. 476).

99. СТРЕЖЕНЬ

Упомянута в статье 6586 (1078) г. Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 201) как река, протекающая рядом с Черниговым, с восточной его стороны. Ныне – в черте города.

В XVII в.: «на Стрижени, от Десны 3 версты, город Чернигов; а речка Стрижень по Московской дороге течет через дорогу Стародубскую; а Стрижень пала в Десну двема устьи» (КБЧ. С. 107).

М. Е. Марков (*Марков М. Е.* О городах и селениях в Черниговской губернии, упоминаемых в Несторовой летописи. С. 55), исходя из существования понятия «стрежень» – «малый исток при большой реке», ошибочно считал, что совр. р. Стрижень называлась Семынью (см. выше).

100. ТМУТАРАКАНЬ

После вокняжения Мстислава Владимировича в Чернигове была тесно связана с Черниговским княжеством до конца XI в. (*Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 232; *Литаврин Г. Г.* Новые сведения о Северном Причерноморье (XII в.)).

---

[1] Раскопками Е. А. Шинакова 1985 г. в центре г. Стародуба обнаружены остатки древнерусского детинца (X–XIII вв.), в т.ч. слой глиняной насыпи вала. Древнерусский слой найден и на посаде детинца в итоге раскопок 1982–1987 гг. (Археологическая карта России: Брянская область. М., 1993. С. 225, 226. – *Прим. ред.*)

101. ТРУБЕЦК (Трубеч, Трубьск)

Впервые упомянут в статьях 6694 (1186) г. Ипатьевской летописи и 6693 (1185) г. Лаврентьевской летописи в связи с известным походом Игоря и Всеволода Святославичей на половцев (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 397; Т. 2. Стб. 638). Отождествление с г. Трубчевском Брянской области общепринято.

В Трубчевске известны городище и селище роменского и древнерусского времени (Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. С. 29. Д–6. № 15). В. А. Падин предполагает, что «перво-Трубчевск» находился на городище у с. Кветунь, рядом с обширнейшим курганным некрополем X–XIII вв. и перешел на современное место в начале XII в. (*Падин А. В.* О чем рассказали раскопки. С. 101; *Он же.* Трубчевск. Тула, 1975).

102. УГРА

Упомянута в статье 6655 (1147) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 342). «Верх Угры» принадлежал Смоленской земле. Р. Угра – лев. пр. р. Ока.

103. УНЕНЕЖ (Унеж – ПСРЛ. Т. 25. С. 43)

От антропонима Уненег? (*Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 65); «один из интереснейших топонимов, ожидающих исследователя» (*Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. С. 288).

Дважды упомянут в статье 6655 (1147) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 358) как находившийся вблизи Всеволожа наряду с Белой Вежей и Бохмачом, не далее однодневного перехода от Всеволожа. Отождествляется с г. Нежином Черниговской области р. Украина как с единственным пунктом в этом ограниченном районе, сохранившим созвучное название и имеющим древнерусское городище (*Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 232–233). Однако необходимо оговорить, что промежуточные звенья в преемственности Уненеж – Нежин не прослежены.

Иные локализации: Нежин – Нежатин (*Ляскоронский В. Г.* История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII ст. С. 137); Уненеж – городище Иван-город, а Нежин – «Игорев город» (вместо «брод») – (*Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 18, 41–42) справедливо отведены А. Н. Насоновым, но на его карте ошибочно Уненеж указан на левом берегу Остра.

В г. Нежине найден клад древнерусских монет XI в., известны древнерусское городище на правом берегу Остра, курганный могильник (Історія міст і сіл Української РСР: Чернігівська область. С. 423; см. АЛЮР. 1899. С. 162).

104. УПОЛОЗИ

Возможно, от «полог» (склон) или «пологий»?

Упомянуты в статье 6740 (1232) г. Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 459; ср.: НПЛ. С. 71, 280) при описании осеннего похода 1231 г. (*Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 108) похода Юрия и Ярослава Всеволодовичей с новгородцами в «черниговскую волость» – на Серенск и Мосальск. Юрий остановился на Уполози, а Ярослав пошел к Серенску. Поиск затруднен широтой ориентировочного района нахождения. Вероятно расположение Юрия близ границы Черниговской земли и Владимиро-Суздальской.

В Гжатском уезде (ныне Гагаринский район Смоленской области) на р. Воре известно было с. Выполозы, Уполозы тож. (Списки населенных мест Российской империи. СПб., 1868. Т. 11. Смоленская губерния. № 4034), что дает основание искать Уполози в селах с названием типа Выползово. В интересующем нас районе по Спискам населенных мест можно указать в Московской губ. № 4690, 4795, в Калужской губ. № 36, 757, 1153, 2833; в Юхновском уезде Смоленской губ. – № 11578 (Списки населенных мест Российской империи. СПб., 1862. Т. 24. Московская губерния; СПб., 1863. Т. 15. Калужская губерния). Это название широко распространено и за пределами отмеченной области.

Таким образом, местоположение неизвестно (ср. *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 205; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 233).

105. ХОРОБОРЬ (Хоробор)

От антропронима *Хоробор при помощи посессивного форманта -jь (*Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 65).

Упоминается в статьях 6661 (1153), 6667 (1159) гг. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 465, 502) как расположенный между Черниговом и Новгородом, Глеблем и Ропеском. Под 6642 (1134) г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 772) указан в числе черниговских городов, лежавших близ правого берега Десны. Привлечение П. В. Голубовским материалов описания границы России с Литвой привело его к выводу, что Хоробору принадлежит городище у г. Мена Черниговской губернии. Другая локализация – Короп (*Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 210) справедливо отвергнута (*Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. С. 49; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 233; см.: Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. С. 35. 3–4. № 4).

Ю. С. Виноградский (Чернігів і Північне Лівобережжя. С. 148–149) указал крупное городище на рч. Хоробор (пр. Десны) близ с. Макошино Чернигов-

ской области в 10–12 км к юго-востоку от г. Мена (Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. С. 35. 3–4. № 6). Вероятно, это городище имел в виду П. В. Голубовский. К сожалению памятник не исследован.

106. ЧЕРНАЯ МОГИЛА

Упомянута в статье 6655 (1147) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 357). Иногда ошибочно указывается в Черниговской земле и отождествляется с раскопанным Д. Я. Самоквасовым курганом Черная Могила в Чернигове (*Ярыгин А. К.* Изыскания о древнем расположении города Чернигова. С. 174). Изяслав Мстиславич стоял у Переяславля, ожидая брата Ростислава, затем он «поиде потиха, ожидая брата... и ста Изяслав, идеже есть Черная Могила». С приходом Ростислава войска отправились к Суле, чтобы предупредить вторжение черниговских войск.

Таким образом, Черную Могилу следует искать в пределах Переяславской земли (ср.: *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 212).

107. ЧЕРНИГОВ

Происхождение названия несомненно славянское, но этимология не вполне ясна структурально (*Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. С. 466–467; *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 43).

Впервые упомянут в тексте договора Руси с греками в Повести временных лет под 6415 (907) г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 31; Т. 2. Стб. 22) как второй после Киева «город».

Первая историко-топографическая карта Чернигова принадлежит К. М. Бороздину (1811 г.) (издана: *Погодин М. П.* Древняя русская история до монгольского ига. Т. 3. Л. 85. «Опыт чертежа древнего Чернигова»). Подробно древности Чернигова изучены Б. А. Рыбаковым (*Рыбаков Б. А.* Раскопки в Чернигове; *Он же.* Древности Чернигова; *Он же.* Розкопки в Чернігівському дитинці в 1946 р.; *Он же.* Древнерусский город по археологическим данным; *Он же.* Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж; и др.). См. также: Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. С. 34. 3–2. № 15.

108. ЧИЧЕРСК (Чичереск)

От гидронима Чечера (*Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 67–68).

Упомянут в статьях 6667 (1159), 6676 (1168) гг. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 498, 528) как расположенный в Черниговской земле

на пути из Киева в Смоленск. Локализация на городище в центре гор. пос. Чечерск на р. Сож Гомельской области р. Беларусь не вызывает сомнений (*Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 233).

В гор. пос. Чечерск известны древнерусское городище и селище, поблизости курганы (Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. С. 25. Д–2. № 8).

В «Списке городов русских, дальних и ближних» написание «Чечереск» (НПЛ. С. 476). В XVII в. – еще старое написание: Чичерск, город Чичерскои (ср.: *Жучкевич В. А.* Краткий топонимический словарь Белоруссии. С. 404).

109. ЯРЫШЕВ (Ярышов)

От антропонима Ярош, Ярыш (*Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. 70).

Упомянут в статье 6657 (1149) г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 376). Юрий Долгорукий здесь встретился со Святославом Ольговичем на пути к Старой Беловеже. Из Ярышева Юрий вышел 7 августа, в Беловеже ожидал некоторое время половцев (в летописи – «месяц»?), затем пошел к Супою, где встретил половцев, сюда же пришел и Святослав Всеволодович, и не позже 19 августа Юрий Долгорукий был у Переяславля (*Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 148). Таким образом, расстояние от Ярышева до Старой Беловежи не может быть велико. Вероятно, Ярышев находился в пределах Черниговской земли. Однако локализовать его в пределах «Вятичей» нет оснований (см.: *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). С. 220).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты Московского государства / Изд. Академии наук под ред. Н. А. Попова. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. (1571–1634). СПб., 1890.

2. *Бевзо О. А.* Львівський літопис и Острозький літописець. 2-е вид. Київ, 1971.

3. *Елагин Н.* Белевская вивлиофика. Собрание древних памятников об истории Белева и Белевского уезда. Т. 1–2. М., 1858.

4. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. Вып. 1–2. 2-е изд. СПб., 1908.

5. Книга Большому Чертежу / Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950.

6. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1–3. 2-е изд. Л., 1926–1928.

7. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. Т. 9–14. СПб., 1862, 1885, 1887, 1901, 1906, 1910.

8. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью // ПСРЛ. Т. 15. СПб., 1863.

9. Літопис Самовидця / Вид. підгот. Я. І. Дзира. Київ, 1971.

10. Львовская летопись // ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1–2. СПб., 1910, 1914.

11. «Мерило праведное» по рукописи XIV века. М., 1961.

12. Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949.

13. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

14. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 1–5. Сб. РИО. Т. 35, 59, 71, 137, 142. СПб., 1882, 1887, 1892; М., 1912, 1913.

15. Патерик киевского Печерского монастыря. СПб., 1911.

16. Переписні книги 1666 року / Вид.: В. О. Романовський. Археографична комісія ВУАН. Київ, 1933.

17. Повесть временных лет. Ч. 1–2. М., 1950.

18. «Слово похвальное на перенесение мощей св. Бориса и Глеба». Неизданный памятник литературы XII в. / Изд. Х. М. Лопарев // ПДПИ. № 98. СПб., 1894.

19. Смоленские грамоты XIII–XIV вв. / Подготовлены к публикации Т. А. Сумниковой и В. В. Лопатиным. М., 1963.

20. Типографская летопись // ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921.

21. *Федоренко П.* Опис Новгород-Сіверського намістництва (1779–1781). Київ, 1931.

22. *Шумаков С. А.* Сотницы, грамоты и выписи. Вып. 1 // ЧОИДР. М., 1902. Кн. 2.

***

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения Т. 21.

Ленин В. И. Государство и революция // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 33.

Ленин В. И. О государстве // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 39

Брежнев Л. И. Отчет Центрального комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС 24 февраля 1976 года. М., 1976.

1. *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля: (очерки истории Северной Белоруссии в IX–XIII вв.). М., 1966.

2. *Алексеев Л. В.* О распространении топонимов «межа» и «рубеж» в Восточной Европе // Славяне и Русь. М., 1968.

3. *Алешковский М. Х.* Структура отчин трех Ярославичей: (по данным археологии и «Повести временных лет») // Тезисы докладов Научной сессии Государственного Эрмитажа. Л., 1967.

4. *Андрияшев А. М.* Нарис історії колонізації Сіверської землі до початку XVI віку // Записки історично-філологічного відділу ВУАН. Т. 20. Київ, 1928.

5. *Антонович В. Б.* Очерк истории великого княжества Литовского до смерти в.к. Ольгерда // Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Т. 1. Киев, 1885.

6. *Александров Ю. (Липкинг Ю. А.)* Поиски древнего Рима // Знание-сила. 1968. № 8.

7. *Арсеньев Ю. В.* Дедилов и его уезд в военном отношении по неизданным актам XVII в. Киев. 1913.

8. Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М.; Л., 1941.

9. Археологічні пам'ятки Української РСР: (короткий список). Київ, 1966.

10. *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930.

11. *Арцыбашев Н. С.* Повествование о России. Т. 1. М., 1838.

12. *Багалей Д. [И.]* История Северской земли до половины XIV столетия. Киев, 1882.

13. *Багалей Д. [И.]* Ответ И. А. Линниченко на критическую оценку книги «История Северской земли до половины XIV столетия». Харьков, 1884 (Отдельный оттиск из Записок Харьковского университета).

14. *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.): материалы для историко-географического словаря России. Т. 1. Вильна, 1865.

15. *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии: география Начальной (Несторовой) летописи. 2-е изд. Варшава, 1885.

16. *Беляев И. Д.* О географических сведениях в Древней Руси // Записки РГО. Кн. 6. СПб., 1852.

17. *Бережков М. Н.* М. Е. Марков и его рукописный сборник о черниговской старине. Нежин, 1902.

18. *Бережков М. Н.* А. Ф. Шафонский и его труд: Черниговского наместничества топографическое описание: (заметки к истории Черниговской и Малороссии). Нежин, 1910.

19. *Бережков М. Н.* Михаила Егоровича Маркова разные сочинения к пояснению истории Чернигова // Труды XIV Археологического съезда. Т. 3. М., 1911.

20. *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.

21. *Бернштейн-Коган С. В.* «Путь из варяг в греки» // Вопросы географии. Сб. 20. М., 1950.

22. *Бескровный Л. Г., Гольденберг Л. А.* О предмете и методе исторической географии // История СССР. 1971. № 6.

23. *Бескровный Л. Г.* Специфика методов исследования по исторической географии // Материалы МФГО СССР: история географических знаний и историческая география. Этнография. Вып. 5. М., 1971.

24. *Бескровный Л. Г.* Атлас истории СССР // Материалы к семинару-совещанию по преподаванию исторической географии в высшей школе. М., 1974.

25. *Блифельд Д. И.* Славянские памятники Черниговщины по исследованиям последних лет // КСИА АН УССР. Вып. 2. Киев, 1953.

26. *Блифельд Д. И.* Деснянська археологічна експедиція 1949 р. // АП УРСН. Т. 5. Київ, 1955.

27. *Богусевич В. А.* Археологічні розкопки в Чернігові в 1949 та 1951 рр. // АП УРСР. Т. 5. Київ, 1955.

28. *Болтин И. Н.* Примечания на историю древния и нынешния России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным. Т. 1. СПб., 1788.

29. *Болтин И. Н.* Критические примечания генерал-майора Болтина на первый и второй томы истории князя Щербатова. Т. 2. СПб., 1794.

30. Борис Александрович Рыбаков // Материалы к библиографии ученых СССР. Серия истории. Вып. 9. 1968.

31. *Буганов В. И.* Отечественная историография русского летописания. М., 1975.

32. *Булгаков Г. И.* Курск в прошлом (X–XVIII вв.) // «Известия Курского губернского общества краеведения». Курск, 1927. № 1–2.

33. *Бурцев М. [Ф.]* О древности существования г. Белева. Тула, 1895.

34. *Валк С. Н.* О рукописи второй части «Истории Российской» В. Н. Татищева // *Татищев В. Н.* История Российская». Т. 2. М.; Л., 1963.

35. *Виноградський Ю. С.* Назви міст, сіл та річок Чернігівщини // Мовознавство. Т. 14. Київ, 1957.

36. *Витов М. В.* Приемы составления карт поселений XV–XVII вв. по данным писцовых и переписных книг // Проблемы источниковедения. Сб. 5. М., 1956.

37. *Гнучева В. Ф.* Географический департамент Академии наук XVIII в. М.; Л., 1946.

38. *Голубовский П. [В.]* История Северской земли до половины XIV столетия. Киев, 1881.

39. *Голубовский П. В.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX–XIII вв. Киев, 1884.

40. *Голубовский П. В.* Опыт приурочения древнерусской проповеди «Слово о князьях» к определенной хронологической дате // Древности: Труды Археографической комиссии Московского Археологического общества. Т. I. Вып. 3. М., 1899.

41. *Голубовский П. В., Кивлицкий Е. А.* О карте Черниговской губернии до XVI в. // Труды XI Археологического съезда. Т. 2. М., 1902.

42. *Голубовский П. В.* Где находились существовавшие в домонгольский период города: Воргол, Глебль, Зартый, Оргощ, Сновск, Уненеж, Хоробрь? // ЖМНП. 1903. № 5.

43. *Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. // Труды XIII Археологического съезда. Т. 2. М., 1908.

44. *Голубцов И. А.* Вопросы исторической географии, археографии и источниковедения: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1963.

45. *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953.

46. *Грушевский А. С.* Очерк истории Турово-Пинского княжества XI–XIII вв. Киев, 1901.

47. *Грушевский М. С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV ст. Киев, 1891.

48. *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. Львів, 1905.

49. *Грушевьский М. С.* Чернігів і Сіверщина в українській історії // Чернігів і Північне Лівобережжя. Запискі історичної секції ВУАН. Т. 23. Київ, 1928.

50. *Даркевич В. П., Пудовин В. К.* Раскопки на Севском городище // КСИИМК. Вып. 79. М., 1960.

51. *Диев М. Я.* Черниговская епархия, после Батыя, именуемая Брянскою / С предисл. А. А. Титова. По поводу 900-летнего юбилея 992–1892 гг. М., 1892.

52. *Довнар-Запольский М. [В.]* Очерк истории Кривической и Дреговической земель до конца XII ст. Киев, 1891.

53. *Домбровский В. С.* Очерк города Чернигова и его области в древнее и новое время. Киев, 1846.

54. Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.

55. Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. Археологическая карта. Погребальные обряды // САИ. Д. 1–12. М., 1962.

56. *Ефимов А. В.* Олегово поле // Труды XIV Археологического съезда. Т. 3. М., 1911.

57. *Жучкевич В. А.* Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974.

58. *Завитневич В. З.* Начальная страница из древнейшей истории Чернигова // Труды XIV Археологического съезда. Т. 3. М., 1911.

59. *Захаренко А. Г.* Черниговские князья в Новгороде // Ученые записки Ленинградского педагогического института. Т. 61. Карты истории СССР. Л., 1947.

60. *Зимин А. А.* Состав русских городов XVI в. // ИЗ. Т. 52. 1955.

61. *Зимин А. А.* Феодальная государственность и Русская Правда // ИЗ. Т. 76. 1965.

62. *Зимин А. А.* Холопы на Руси: (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973.

63. *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892.

64. *Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. Поучение детям. Письмо к Олегу и отрывки. М., 1901.

65. Історія міст і сіл Української РСР: Чернігівська область. Київ, 1972.

66. Історія міст і сіл Української РСР: Сумська область. Київ. 1973.

67. История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Первая серия. Т. 1. М., 1966.

68. *Ключевский В. О.* Терминология русской истории // *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. 6. М., 1959.

69. *Корзухина Г. Ф.* Русские клады. М.; Л., 1954.

70. *Королюк В. Д.* Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народностей славян Восточной и Центральной Европы // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972.

71. *Котляров С.* Описание города Чернигова. Чернигов, 1851.

72. *Кузнецов С. К.* Русская историческая география. М., 1910.

73. *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. М., 1965.

74. *Купчинський О. А.* До питания складання словника географічних назв України: (матеріали словника двочленних патронімних назв на -ичі) // Історичні джерела та їх використання. Вип. 6. Київ, 1971.

75. *Кучкин В. А.* «Поучение» Владимира Мономаха и русско-польско-немецкие сношения 60–70-х гг. XI в. // Советское славяноведение. 1971. № 2.

76. *Кучкин В. А.* Ростово-Суздальская земля в X – первой трети XIII в.: (центры и границы) // ИСССР. 1969. № 2.

77. *Лаппо Ф. И.* Карты и планы XVIII в. как историко-географический источник: (по материалам Курской губернии) // ИСССР. 1971. № 6.

78. *Ларионов С.* Описание Курского наместничества: из древних и новых разных о нем известий вкратце, собранное Сергеем Ларионовым, того наместничества Верхней расправы прокурором. М., 1786.

79. *Левитский Я.* Город Путивль // Труды XII Археологического съезда. Т. 3. М., 1905.

80. *Лерберг А. Х.* Исследования, служащие к объяснению древней Русской истории / Пер. Д. Языков. СПб., 1819.

81. *Лимонов Ю. А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967.

82. *Линниченко И. [А.]* Рецензия на книги Д. Багалея и П. Голубовского // ЖМНП. 1883. № 5.

83. *Липкинг Ю. А.* Порубежные роменские городища Курского «княжения» // Ученые записки Курского педагогического института. Т. 60. Курск, 1969.

84. *Литаврин Г. Г.* Новые сведения о Северном Причерноморье (XII в.) // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972.

85. *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. – Л., 1947.

86. *Ловмяньский Г.* Основные черты позднеплеменного и раннегосударственного строя славян // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972.

87. *Лысенко П. Ф.* Города Туровской земли: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Минск, 1971.

88. *Лысенко П. Ф.* Города Туровской земли. Минск, 1974.

89. *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». М., 1975.

90. *Любавский М. К.* Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909.

91. *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства // МИА. № 74. М.; Л., 1958.

92. *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа // МИА. № 104. М.; Л., 1961.

93. *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // МИА. № 152. М.; Л., 1968.

94. *Ляскоронский В. [Г.]* История Переяславской земли. Киев, 1897.

95. *Ляскоронский В. Г.* Иностранные карты и атласы XVI–XVII вв., относящиеся к Южной России. Киев, 1898.

96. *Ляскоронский В. [Г.]* История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII ст. Киев, 1903.

97. *Мавродин В. В.* Очерки истории Левобережной Украины (до XIV в.). Л., 1940.

98. *Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945.

99. *Майков Л.* Заметки по географии Древней Руси. По поводу сочинения Н. П. Барсова // ЖМНП. 1874. № 2.

100. *Маркевич Н. А.* Чернигов. История и статистическое описание. Кафедральные черниговские монастыри Ильинский, Елецкий и Борисоглебский (с приложением нескольких неизданных сочинений св. Дмитрия и многих грамот). Киев, 1860.

101. *Марков М. Е.* О городах и селениях в Черниговской губернии, упоминаемых в Несторовой летописи. Чернигов, 1814.

102. *Марков М. Е.* О городах и селениях в Черниговской губернии, упоминаемых в Несторовой летописи // Периодические сочинения Министерства народного просвещения за 1815 г. № 40. СПб., 1815.

103. *Марков М. Е.* О достопамятностях Чернигова // Периодические сочинения Министерства народного просвещения за 1815 г. № 41. 1815.

104. *Марков М. Е.* О достопамятностях Чернигова // ЧОИДР. 1848. Т. 1.

105. *Марков М. Е.* О достопамятностях Чернигова. Чернигов, 1882.

106. *Маслов Н. М.* Льговский клад // КСИИМК. Вып. 23. М.; Л., 1948.

107. *Маштаков П. Л.* Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913.

108. *Милюков П. Н.* Русская историческая география и атлас проф. Замысловского // Русская мысль. 1888. № 8.

109. *Монгайт А. Д.* Рязанская земля. М., 1961.

110. *Моргунов Ю. Ю.* Новый вариант печати Владимира Мономаха // КСИА. Вып. 144. М., 1975.

111. *Надеждин Н. И.* Предначертание исторически-критического исследования древнерусской системы уделов // Труды и летописи общества истории. Ч. 5. Кн. 1. М., 1830.

112. *Насонов А. Н.* Монголы и Русь: (история татарской политики на Руси). М.; Л., 1940.

113. *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

114. *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века: очерки и исследования. М., 1969.

115. *Никитин А. В.* Оборонительные сооружения Засечной черты XVI–XVII вв. // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 3. МИА. № 44. М., 1955.

116. *Никитин Н. П.* Виктор Корнельевич Яцунский. Жизнь и научная деятельность // ВГ. Сб. 83. М., 1970.

117. *Никольская Т. Н.* Древнерусские городища на территории Вятичей // Археологические открытия 1965 г. М., 1966.

118. *Никольская Т. Н.* К вопросу о феодальных «замках» в земле вятичей // Культура древней Руси. М., 1966.

119. *Никольская Т. Н.* К истории древнерусского города Серенска // КСИА. Вып. 113. М., 1968.

120. *Никольская Т. Н.* Древнерусский Серенск – город вятических ремесленников // КСИА. Вып. 125. М., 1971.

121. *Никольская Т. Н.* К исторической географии земли вятичей // СА. 1972. № 4.

122. *Никольская Т. Н.* О летописных городах в земле вятичей // КСИА. Вып. 129. 1972.

123. *Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. М., 1966.

124. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М., 1955.

125. *Павлов Н. М.* Город Тешилов и Лопасня // Наше переходное время. Приложение к «Русскому архиву». М., 1888.

126. *Падин В. А.* О чем рассказали раскопки // Памятники истории и культуры Брянщины. Брянск, 1970.

127. *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

128. *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959.

129. *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси // *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

130. *Пашуто В. Т.* Историческое значение периода феодальной раздробленности на Руси // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши в XII–XIV вв. М., 1974.

131. *Пархоменко В. О.* Князь Чорний: (до питання про добу сіверянської колонізації Подесення) // Юбілейний збірник на пошану акад. Д. И. Багалія. Т. 1. Київ, 1927.

132. *Пархоменко В. О.* Питання про слов'янську колонізацію Лівобережжя в домонгольску добу // Записки Дніпропетровського Інституту народной освіти. Т. 1. 1927.

133. *Пархоменко В. О.* Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство // Ученые записки Ленинградского государственного университета. № 73. Вып. 8. Л., 1941.

134. *Плетнева С. А.* О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время // КСИА. Вып. 99. М., 1964.

135. *Погодин М. [П.]* Розыскания о городах и пределах древних русских княжеств с 1054 по 1240 г. Ч. 2. Черниговское княжество. СПб., 1848.

136. *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции. Т. 4. М., 1850.

137. *Погодин М. [П.]* Древняя русская история до монгольского ига. Т. 3. Атлас исторический, географический, археологический. М., 1871.

138. *Поленов Д. В.* Описание Бороздинского собрания рисунков к его археологическому путешествию по России с гг. Ермолаевым и Ивановым в 1809–1810 гг. // Труды I Археологического съезда. Т. 1. М., 1871.

139. *Поппе А. В.* Учредительная грамота Смоленской епископии // АЕ за 1965 г. М., 1966.

140. *Потулов А. А.* Почвенная карта территории находок пахотных орудий // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1956. (Тр. ГИМ. Вып. 32.)

141. *Потулов А. А.* Ретроспективная карта залесненности территории Северо-Западной и Северо-Восточной Руси // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1956. (Труды ГИМ. Вып. 32.)

142. *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси. СПб., 1909.

143. *Присёлков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940.

144. *Присёлков М. Д.* Киевское государство второй половины X в. по Византийским источникам // УЗ ЛГУ. № 73. Вып. 8. Л., 1941.

145. *Равдина Т. В.* О времени возникновения Брянска // КСИА. Вып. 135. М., 1973.

146. *Раппопорт П. А.* Укрепления раннемосковских городищ // КСИИМК. Вып. 71. М., 1958.

147. *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель в X–XIV вв. // МИА № 140. М.; Л., 1967.

148. *Роспонд С.* Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов (имена) // ВЯ. 1965. № 3.

149. *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М., 1972.

150. *Рубинштейн Н. Л.* Топографические описания наместничеств и губерний XVIII в. – памятники географического и экономического изучения России // ВГ. Сб. 31. М., 1953.

151. *Русанова И. П.* Курганы полян X–XII вв. // САИ. Вып. Е1–24. М., 1966.

152. *Русов А. А.* Описание Черниговской губернии. Т. 1. Чернигов, 1898.

153. *Рыбакоў Б. А.* Радзімічы // Працы сэкцыі археолёгіі. Т. 3. Менск, 1932.

154. *Рыбаков Б. А.* Поляне и северяне: (к вопросу о размещении летописных племен на Среднем Днепре) // СЭ. 1947. № 6–7.

155. *Рыбаков Б. А.* Раскопки в Чернигове // КСИИМК. Вып. 21. М., 1947.

156. *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова // МИА. № 11. М.; Л., 1949.

157. *Рыбаков Б. А.* Раскопки в Звенигороде (1943–1945) // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 2. МИА. № 12. М.; Л., 1949.

158. *Рыбаков Б. О.* Розкопки в Чернігівському дитинці в 1946 р. // АП УРСР. Т. I. Київ, 1949.

159. *Рыбаков Б. А.* Древнерусский город по археологическим данным // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1950. Т. 7. № 3.

160. *Рыбаков Б. А.* Раскопки во Вщиже в 1948–1949 гг. // КСИИМК. Вып. 38. М., 1951.

161. *Рыбаков Б. А.* Вщиж – удельный город XII в. // КСИИМК. Вып. 41. М., 1951

162. *Рыбаков Б. А.* Древние русы // СА. 1953. № 17.

163. *Рыбаков Б. А.* Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж // По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953.

164. *Рыбаков Б. А.* Раскопки в Любече в 1957 г. // КСИИМК. Вып. 79. М., 1960.

165. *Рыбаков Б. А.* Спорные вопросы образования Киевской Руси // ВИ. 1960. № 9.

166. *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963.

167. *Рыбаков Б. А.* Любеч – феодальный двор Мономаха и Ольговичей // КСИА. Вып. 99. М., 1964.

168. *Рыбаков Б. А.* Тезисы докладов советской делегации на международном конгрессе славянской археологии (сентябрь 1965 г.). М., 1965.

169. *Рыбаков Б. А.* Раскопки в Путивле // АО 1965 г. М., 1966.

170. *Рыбаков Б. А.* Политическое и военное значение южной «Русской земли» в эпоху «Слова о полку Игореве» // ВГ. Сб. 83. М., 1970.

171. *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.

172. *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

173. *Рыбаков Б. А.* Русские карты Московии XV – начала XVI в. М., 1974.

174. *Самоквасов Д. [Я.]* Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908.

175. *Сахаров И. П.* Памятники Тульской губернии. СПб., 1851.

176. *Свердлов М. Б.* Відомості про Київ у хроніці Тітмара Мерзебурзького // Український історичний журнал. 1971. № 8.

177. *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли // МИА. № 92. М., 1960.

178. *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА. № 163. М., 1970.

179. *Седов В. В.* Ранние курганы вятичей // КСИА. Вып. 135. М., 1973.

180. *Седов В. В.* Смоленская земля // Древнерусские княжества. М., 1975.

181. *Семенов П. [П.]* Географическо-статистический словарь Российской империи. Сост. П. Семенов. Т. 1–5. СПб., 1863–1885.

182. *Сенаторский Н. П.* К истории заселения северо-западного района Курского края // Известия Курского губернского общества краеведения. № 4. Курск, 1927.

183. *Сергеевич В. [И.]* Русские юридические древности. Т. 1–2. СПб., 1890–1893.

184. *Середонин С. М.* Историческая география. Лекции профессора С. М. Середонина. Пг., 1916.

185. *Симоненко В. Д.* Чернігівська область. Київ, 1958.

186. *Смирнов И. И.* Очерки социально-экономических отношений Руси XII–XIII вв. М.; Л., 1963.

187. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1959. Кн. 1; 1960. Кн. 2.

188. *Соловьева Г. Ф.* Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII–XIV вв. н.э.: (вятичи, радимичи, северяне) // СА. 1956. № 25.

189. *Соловьева Г. Ф.* О восточной границе дреговичей // КСИА. Вып. 110. М., 1967.

190. *Соловьева Г. Ф.* Радимичская экспедиция // АО 1967 г. М., 1968.

191. *Соловйова Г. Ф.* Замок рогачівських князів // Слов'яно-руські старожитності. Київ, 1969.

192. *Соловьева Г. Ф.* Славянские курганы близ г. Рогачева Гомельской области // КСИА. Вып. 129. М., 1972.

193. *Спицын А. А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. 1899. № 8.

194. *Спицын А. А.* Русская историческая география. Пг., 1917.

195. *Татишев В. Н.* Избранные труды по географии России. М., 1950.

196. *Татишев В. Н.* История Российская. Т. 1–4. М., 1962–1964.

197. *Тихомиров М. Н.* Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // СЭ. 1947. № 6–7.

198. *Тихомиров М. Н.* Список городов русских дальних и ближних // ИЗ. Т. 40. М., 1952.

199. *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956.

200. *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

201. *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М., 1953.

202. *Уварова П. С.* Городища и курганы. Выборка из дел Черниговского статистического комитета // Труды Московского предварительного комитета по устроительству XIV Археологического съезда. Вып. 1. М., 1906.

203. *Успенская А. В., Фехнер М. В.* Поселения Древней Руси. Указатель к карте «Поселения и курганные могильники Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X–XIII вв.» // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1956. (Труды ГИМ. Вып. 32.)

204. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. 2; 1971. Т. 3.

205. *Фель С. Е.* Картография России XVIII в. М., 1960.

206. *Филарет (Гумилевский).* Историко-статистическое описание Харьковской епархии. М., 1858.

207. *Филарет (Гумилевский).* Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 1–7. Чернигов, 1873–1874.

208. *Формозов А. А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961.

209. *Хабургаев Г. А.* Этнический состав древнерусского государства и образование трех восточнославянских народностей // СЭ. 1972. № 1.

210. *Ханенко А. И.* Город Погар. Историко-статистический очерк. Чернигов, 1871.

211. *Ходаковский З. Д.* Розыскания касательно русской истории // Вестник Европы. 1819. Октябрь. № 20.

212. *Ходаковский З. Д.* Пути сообщения в древней России // РИС. Т. 1. Кн. 1. М., 1837.

213. *Ходаковский З. Д.* Историческая система Ходаковского // РИС. Т. 1. Кн. 3. М., 1838.

214. *Ходаковский З. Д.* Розыскания о древних городищах // РИС. Т. 7. М., 1844.

215. *Холостенко Н. В.* Исследования Борисоглебского собора в Чернигове // СА. 1967. № 2.

216. *Черепнин Л. В.* К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X – начала XIII в. // ИЗ. Т. 89. М., 1972.

217. *Черепнин Л. В.* Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XIV вв. // *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма: (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972.

218. *Черепнин Л. В.* Пути и формы политического развития русских земель XII – начала XIII в. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши в XII–XIV вв. М., 1974.

219. Чернігів і Північне Лівобережжя // Записки історичної секції ВУАН. Т. 23. Київ, 1928.

220. *Шарлемань Н. В.* Где был Путивль, упомянутый в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 17. 1961.

221. *Шафонский А. Ф.* Черниговского наместничества топографическое описание. Киев, 1851.

222. *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916 // ЛЗАК. Вып. 29.

223. *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938.

224. *Шаскольский И. П.* Историческая география // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968.

225. *Шаскольский И. П.* О начальных этапах формирования Древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972.

226. *Швець Г. І.* и др. Каталог річок України. Київ, 1957.

227. *Шеломанова Н. Б.* Образование западной части территории России в XVI в. в связи с ее отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971.

228. *Шеломанова Н. Б.* Комарицкая волость и Севский уезд в первой половине XVII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в.: очерки по исторической географии XVII в. М., 1974.

229. *Шеломанова Н. Б.* Трубчевский уезд в XVII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в.: очерки по исторической географии XVII в. М., 1974.

230. *Ширинский С. С.* Курганы полян у с. Седнев // АО 1967 г. М., 1968.

231. *Ширинский С. С.* Курганы X в. у дер. Пересаж // КСИА. Вып. 120. М., 1969.

232. *Ширинский С. С.* Объективные закономерности и субъективный фактор в становлении Древнерусского государства // Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.

233. *Штыхов Г. В.* Археологическая карта Белоруссии // Памятники железного века эпохи феодализма. Вып. 2. Минск, 1971.

234. *Щапов Я. Н.* Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича // АЕ за 1962 год. М., 1963.

235. *Щапов Я. Н.* О социально-экономических укладах в Древней Руси XI – первой половины XII в. // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970.

236. *Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939.

237. *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1957.

238. *Ярыгин А. К.* Изыскания о древнем расположении города Чернигова // Труды XII Археологического съезда. Т. 3. М., 1905.

239. *Яцунский В. К.* Историко-географические моменты в трудах В. И. Ленина // ИЗ. Т. 27. М., 1948.

240. *Яцунский В. К.* Историческая география как научная дисциплина // ВГ. Сб. 20. М., 1950.

241. *Яцунский В. К.* Историческая география. История ее возникновения и развития в XIV–XVIII вв. М., 1955.

242. *Яцунский В. К.* Историческая география // СИЭ. Т. 6.

243. *Arumaa P.* Sur les principes et méthodes d'hydronymie russe. Les noms en gost' // Scando-Slavica. T. 6. Copenhagen, 1960.

244. *Chodakowski Z. D.* O słowiańszyźnie przed chrześcijaństwem. Warszawa, 1967.

245. *Kuczyński S. M.* Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936.

246. *Łowmiański H.* Paczątki Polski. T. 2. Warszawa, 1963.

247. *Svoboda J.* Statoceska osobni jména a nase prijmeni. Praha, 1964.

СТАТЬИ

ПОДМОСКОВНЫЕ УПОЛОЗЫ 1231 г.

Статья опубликована в сборнике «Проблемы исторической географии России». М., 1982. Вып. 1: Формирование государственной территории России

О МАЛОИЗВЕСТНЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ ПОДМОСКОВЬЯ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII в (ГОЛУБИНО, ВОЛОЧОК И УПОЛОЗЫ)

Статья опубликована в сборнике «Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования». М., 1989

ГДЕ НАХОДИЛИСЬ ВЛАДЕНИЯ КНЯЗЯ ЛИПОВИЧСКОГО, УПОМИНАЕМОГО В ЛЕТОПИСЯХ ПОД 1283–1284 гг.?

Статья опубликована в сборнике «Липецк: начало истории». Липецк, 1996

ПОДМОСКОВНЫЕ УПОЛОЗЫ 1231 г.

Историко-географический аспект исследования проблем феодальной раздробленности в Северо-Восточной Руси является одним из важнейших и довольно сложных. Значительное место здесь принадлежит локализации географических объектов, упомянутых в древнейших письменных источниках. Такая локализация способствует более точной пространственной характеристике исторических явлений.

С этой точки зрения представляет интерес определение местонахождения Уполоз, впервые упоминаемых под 1231 г. Надо сказать, что юго-западная часть современной Московской области в XII–XIII вв. была местом соприкосновения границ ростово-суздальских, новгородских, смоленских, черниговских, а также границ Рязанского княжества. Границы эти были в основном определены русскими историками уже к концу XIX в., не вызывали серьезных сомнений и в уточненном виде нашли отражение в фундаментальном исследовании А. Н. Насонова[1]. Положение изменилось с конца 60-х гг., когда началась работа над академическим «Атласом истории СССР». Современные достижения источниковедения, археологии и топонимики обусловили ревизию целого ряда прежде принятых локализаций древних поселений, нередко сделанных лишь по внешнему сходству названий. Изображение на исторических картах XII–XIII вв. указанного стыка границ стало проблематичным, так как более половины локализаций древнерусских топонимов этого района вызывает ныне разноречивые суждения (Добрятино, Доброчков, Бобровницы, Путтин, Беницы – 1136 г., Лопасна, Сверилеск –1175 г.)[2].

Уполозы до сих пор относились к тем древним географическим объектам, местонахождение которых неизвестно. Считается, что они находились

---

[1] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 64–65, 160–161, 184–185 (вклейки).

[2] Ср.: *Алексеев Л. В.* Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализация Смоленской земли // Słowianc w dzicjach Europy. Poznań, 1974. С. 104–105 (вклейка); *Он же.* Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1960, С. 41. Рис. 4, 44–46, 52, 60–62; *Седов В. В.* Смоленская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975, С. 250–251, 255–257; *Кучкин В. А.* Ростово-Суздальская земля в X – первой трети ХШ вв.: (центры и границы) // ИССР. 1969. № 2. С. 64, 78, 92; *Зайцев А. К.* Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. С. 80–81 (вклейка); *Юшко А. А.* О некоторых волостях и волостных центрах Московской земли XIV в. // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 282–284.

в Черниговской земле, «на пути из Владимира-Залесского в Серенск»[3]. Единственное уточнение было предложено И. А. Голубцовым: «Уполозы, в вел. Новгор. земле, м.б. = дер. Уполозы под Порховом»[4]. Это замечание ценно как первое указание на существование топонима, аналогичного летописному, но ошибочно в определении района нахождения, так как из летописного текста вполне ясно, что Уполозы были расположены где-то в области чернигово-суздальского пограничья.

Уполозы упоминаются в связи с событиями осени 1231 г.[5] Последние описаны во владимирском и новгородском летописании, причем Уполозы фигурируют только в первом рассказе. «В лѣто 6740 поиде князь великыи Гюрги к Сереньску; и стоявъ станом на Уполозѣх, и възвратися в Володимерь. Ярослав же и Констянтиновичи, идоша к Сереньску, град пожгоша, людем избѣгшим; ино же много воеваша, възвратишася въ своя си»[6]. Новгородская I летопись описывает те же события под 6739 г.: «Тои же осени ходи Ярославъ ратию на Цьрниговѣскую волость с новгородци и съ всѣо властью своею на Михаила, и пожьже Шереньскъ; и стоявъ подъ Мосальскомь [Мосаискомъ], и въспятися въспять, истративъ обилия мъного. Ту же подъ городомь застрѣлиша Олдана подвоискаго, и без мира отъидоша»[7].

Местонахождение древних Мосальска и Серенска не вызывало сомнения, хотя их локализация никем не была аргументирована. Н. М. Карамзин, указав нахождение Серенска в Калужской губернии («на реке Серене, ныне село»), о том, где находился Мосальск, даже не упомянул, считая, вероятно, это общеизвестным[8]. Приблизительно так же поступали историки и в дальнейшем. Например, А. Н. Насонов в сводке «Поселения, урочища и реки Черниговской земли» о Мосальске писал так: «...город "Черниговской волости". Мосальск ныне – районный центр Калужской области на р. Можайке». Серенск в этой сводке пропущен)[9]. В силу достаточной известности этих городов в XV–XVII вв. историческая преемственность городов XIII и поселений XIX вв. казалась вполне очевидной.

Однако подобного рода ретроспективная связь может оказаться ошибочной. Можно привести пример Воротынска, упомянутого в домонгольское

---

[3] *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 233.

[4] Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949, С. 446.

[5] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963, С. 108.

[6] Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Вып. 2. Л., 1926. Стб. 459.

[7] НПЛ. М.; Л., 1950. С. 71, 280. В скобках указан вариант Комиссионного, Академического и Троицкого списков НПЛ младшего извода.

[8] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. 5-е изд. И. Эйнерлинга. Кн. 1. Т. 3. СПб. 1842. Стб. 158. Прим. 337.

[9] *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 227; ср.: *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. 4. М., 1850. С. 253–254; *Барсов Н. П.* Материалы для историко-географического словаря России: географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). Вильна, 1865. С. 127, 184.

время единственный раз в связи с событиями 1155 г. в тексте, не содержащем указаний на район нахождения города[10]. Воротынск, хорошо известный в XIV–XVII вв., точно указанный С. Герберштейном в 3 милях выше Калуги недалеко от Оки[11], в XIX в. был уже заштатным городком Перемышльского уезда Калужской губ.[12] Однако ни у Н. М. Карамзина, ни у позднейших исследователей отождествление Воротынска 1155 г. с современным им Воротынском не вызывало сомнений (ныне д. Воротынск, Перемышльский район Калужской обл., в 21 км к юго-западу от Калуги)[13]. В Воротынске известно средневековое городище на правом берегу р. Выссы (левый приток Оки), но оно не было достаточно изучено. Исследовавший укрепление Воротынского городища П. А. Раппопорт пришел к выводу, что городище не имеет слоя XII в., и предложил считать древнерусским Воротынском XII–XIII вв. крупное древнерусское городище у с. Спас на левом берегу Оки, в 2 км выше устья Угры. На новое место Воротынск был перенесен, по мнению исследователя, в XIV в.[14] Однако раскопки 1954 г. были небольшими, новая локализация не была подтверждена топонимическими данными, и на исторических картах XII–XIII вв. Воротынск оставался на прежнем месте[15]. Более обширные раскопки 1975 г. подтвердили выводы П. А. Раппопорта, но руководившая раскопками Т. Н. Никольская, допуская возможность того, что древнерусский слой мог быть уничтожен при строительстве укреплений XIII–XIV вв., не решилась отказаться от общепринятой локализации[16] . Вместе с тем проверка исторической преемственности Воротынска XII в. и Воротынска послемонгольского времени показывает, что еще в конце XV в. были известны «два Воротынска, старой да новой», сожженные Ахматом при отступлении от Угры[17]. Это дает надежное осно-

---

[10] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 479.

[11] *Рыбаков Б. А.* Русские карты Московии XV – начала XVI в. М., 1974. С. 87–88, 93, 97–102, 110–111.

[12] Списки населенных мест Российской империи (далее: СНМ). Т. 15. Калужская губерния. СПб., 1863. С . 3.

[13] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. 1. Т. 2. Стб. 163; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 223.

[14] *Раппопорт П. А.* Укрепления раннеславянских городищ // КСИИМК. Вып. 71. М., 1958. С. 16; *Он же.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 105. М.; Л., 1961. С. 33, 65–66,102–104, 344 (№ 35).

[15] *Зайцев А. К.* Черниговское княжество. С. 80–81; *Он же.* Домагощ и границы «Вятичей» XII в. // Историческая география России XII – начало XX в. М., 1975. С. 28. Недалеко от Воротынского городища на правом берегу Выссы был известен древнерусский клад (*Маслов Н. М.* Льговский клад // КСИИМК. Вып. 23. М.; Л., 1948. С. 105–107), что давало некоторые основания ожидать при более обширных раскопках выявление древнерусских слоев.

[16] *Никольская Т. Н.* Воротынск // Древняя Русь и славяне. С. 120, 126–127; *Она же.* Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М., 1981. С. 63, 164–167, 175–176.

[17] Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. М.; Л., 1959. С. 273. О «Повести о прохождении Ахмата» в составе этой летописи см.: *Тихомиров М. Н.* Русское летописание.

вание считать, что Воротынское городище оставлено Новым Воротынском. Вопрос о местоположении Старого Воротынска следует считать открытым, так как гипотеза П. А. Раппопорта о городище у с. Спас (Спас-Городок) пока не находит топонимического подтверждения.

Приведенный пример заставляет обратить внимание на возможные уязвимые места локализаций Мосальска и Серенска, ибо они являются основными ориентирами для определения района нахождения Уполозов.

Существует мнение, что в 1231 г. был осажден не Мосальск, а Можайск (ныне районный центр Московской обл.), который якобы принадлежал Черниговскому княжеству. Возникновение ошибки объясняется тем, что для рассмотрения событий 1231 г. бралась Никоновская летопись XVI в. или еще более поздние своды, а не древнейшая, сохранившаяся до наших дней харатейная Новгородская I летопись старшего извода, где интересующие нас события изложены в той ее части, что написана почерком XIII в. Текст Никоновской летописи «и пожже Шернескъ и стоявъ под Можаискомъ, паки возвратися вспять...» вполне очевидно восходит в конечном счете к Новгородской I летописи младшего извода, в списках которой читалось «под Мосаиском» (см. выше). Этот вариант легко трансформировался в «Можайском»[18]. Указанная ошибка впервые фиксируется в «Истории» В. Н. Татищева и повторяется затем в краеведческой[19] и справочной литературе[20], причем в некоторых авторитетных справочных изданиях первое летописное упоминание Можайска и Мосальска датируется одинаково 1231 г.[21] В исторической и историко-географической литературе, начиная от Н. М. Карамзина, это ошибочное мнение не разделялось[22].

М., 1979. С. 149, 152–153; *Назаров В. Д.* Конец золотоордынского ига // ВИ. 1980. № 10. С. 111–112.

[18] ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Л., 1928. Стб. 512; Т. 4. 2-е изд. Вып. 4. 1. Пг., 1915. С. 212; Т. 10. СПб., 1885, С. 102–103. Ср. *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 3. М.; Л., 1964. С. 227; Т. 4. М.; Л., 1964. С. 370; *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 153–156.

[19] *Власьев Н. И.* Можайск в его прошлом // Можайский уезд Московской губернии. Можайск, 1925. С. 4; *Косточкин В. В.* Старым Смоленским трактом. М., 1972. С. 24–26; *Федорова О. В., Ушаков В. К., Федоров В. Н.* Можайск. М., 1981. С. 3 (книга издана к 750-летию Можайска).

[20] Все Подмосковье. Географический словарь Московской области. М., 1969. С. 177; СИЭ. Т. 9. С. 548.

[21] *Семенов П. П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 3. СПб., 1867. С. 284, 314; БСЭ. 3-е изд. Т. 16. Стб. 1223; Т. 17. Стб. 2.

[22] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. 1. Т. 3. Стб. 158. Прим. 37; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 2. Т. 3–4. М., 1960. С. 125; *Барсов Н. П.* Материалы для историко-географического словаря России. С. 125, 127; Указатель к первым восьми томам ПСРЛ. Отд. 2. СПб., 1907. С. 205, 238; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 166; *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 42.

Вместе с тем обращает на себя внимание то, что Мосальск стоит на р. Можайке (вариант: Можай), правом притоке р. Рессы (правый приток Угры) так же, как и Можайск на Можайке (варианты: Можай, Можая), правом притоке р. Москвы, т.е. по формальному признаку следует считать это название образованным от названия реки при помощи суффикса -ьскь. В. А. Никонов приводит два объяснения топонима «Можайск» из балтских языков: одно связывает название города с литовским mažas – «малый», другое, более правомерное, по мнению исследователя, – с латышским «mežs» – «лес»[23]. Учитывая то, что в бассейне Оки есть еще одна речка Можайка (Можай), правый приток Оки (ниже устья Упы)[24], более верным представляется связать название всех трех небольших речек с литовским mažas. Возможно, ошибка «Мосаиск» была не случайной, а отражала реальный вариант произношения названия Мосальска.

Нет необходимости останавливаться на многих упоминаниях Мосальска в XV–XVII вв. Отметим лишь, что Книга Большому Чертежу указывает «Мосалеск» не на Можайке, а на Рессе. Это указание, очевидно, вызвано тем, что запись сделана с карты, на которой Можайка названа Рессой, а современная Ресса (приток Угры) обозначена как Серпея (левый приток Рессы, выше Можайки): «река Реса течет в реку в Серпею...», «а под Серпеиским река Серпея, потекла река Серпея в ночь в реку в Угру»[25].

Культурный слой Мосальского городища, расположенного на левом берегу Можайки, был значительно нарушен при строительстве Пятницкой церкви, городище не было достаточно изучено[26]. Археологическое подтверждение локализации Мосальска дали раскопки 1978 г., когда была вскрыта часть укреплений города, найдена древнерусская керамика и обломки стеклянного браслета[27].

Расположенный приблизительно в 35 км к юго-востоку от Мосальска Серенск, в отличие от Мосальска, упоминается летописью еще до 1231 г. Однако именно с вопросом о первом упоминании Серенска связаны некоторые разногласия среди исследователей.

Во-первых, до сих пор за Серенск принимается Нериньск черниговского фрагмента статьи 6655 г. Ипатьевской летописи[28]. Это происходит в тех случаях, когда в качестве основного источника приниматеся текстуально

---

[23] *Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. М., 1966,

[24] *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки. М., 1976. С. 45 // ИЗ. Т. 132.

[25] Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950, С. 56, 119.

[26] *Никольская Т. Н.* Земля вятичей... С. 153–155.

[27] *Фролов И. К., Стусова И. Е., Пеньковиков В. И.* Работа Среднерусской экспедиции // АО 1978 г. М., 1979. С. 103.

[28] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 340–341; *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. с. 106.

сходный рассказ Воскресенской летописи, где вместо «Нериньску» стоит: «Серенску». Однако это несомненно поздняя ошибка, так как в аналогичном тексте использованного при составлении Воскресенской летописи Московского свода 1479 г. читается «к Нериньску», «у Ниреньска»[29]. Н. С. Арцыбашев, принимая вслед за Н. М. Карамзиным чтение «Серенску» в статье 1147 г., отмечал, что этот Серенск, в отличие от Серенска 1231 г., следует искать на Оке[30], т.е. предполагал существование двух Серенсков. Правильное чтение было указано М. П. Погодиным. Н. И. Надеждин и К. А. Неволин отметили упоминание Нериньска в «Списке городов русских дальних и ближних» и предложили искать Нериньск в устье Нары[31]. А. Н. Насонов верно определил положение этого городка в правобережье Оки, однако точно локализовать этот пункт пока не удается[32]. В последнее время чтение Воскресенской летописи принято в работах Т. Н. Никольской. Однако, приводимая аргументация внутренне противоречива. Например, признается локализация Нериньска на правом берегу Оки и, вместе с тем, принимается чтение «Серенску» вместо «Нериньску»[33].

Во-вторых, действительно первое летописное упоминание Серенска было упущено из виду историками-географами, в том числе первоначально и автором этих строк [34]. Оно находится в Летописце Переяславля Суздальского под 6716 г. при описании событий 1207 г., когда по приказу Всеволода Большое Гнездо Серенск был сожжен[35].

---

[29] Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. 7. СПб., 1856, С. 38–39; Т. 25. С. 39–40.

[30] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. 1. Т. 2. Прим. С. 127. Прим. 302; *Арцыбашев Н. С.* Повествование о России. Т. 1, кн. 2. М., 1838, С. 100. Прим. 649.

[31] *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции по русской истории. С. 226; НПЛ, С. 476. В устье р. Нары, на левом берегу городище обнаружить не удалось: *Никольская Т. Н.* Земля вятичей... С. 136. Прим. 55.

[32] *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 268. Топоним «Нериньск» образован от гидронимической основы балтского происхождения Нер-, Нор-, Нар-, при помощи топографического суффикса -ьскъ (*Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 66. Неринск ошибочно указан на Волыни). Ближайшим к переправе близ устья Протвы топонимическим ориентиром поиска является расположенное на правом берегу Оки, ниже устья Нары оз. Нерпетское, Нерепское, Неревское (*Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки. С. 141). Это озеро расположено в довольно густозаселенном в XII–XIII вв. районе. Ближайшие к нему городища – Спас-Тешилово и Леоново (см., например, карты: *Никольская Т. Н.* Земля вятичей... Рис. 1, 1а, № 190, 206, вклейка между С. 10–11).

[33] *Никольская Т. Н.* К исторической географии земли вятичей // СА. 1972. № 4. С. 159. Рис. 1; 161–162; *Она же.* Земля вятичей... С. 136–137. Прим. 137.

[34] *Зайцев А. К.* Черниговское княжество. С. 111. Ср.: *Он же.* Черниговское княжество X–XIII вв.: (историко-географическое исследование): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976. С. 23.

[35] Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII века / Изд. М. Оболенским. М., 1851. С. 108; *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 349; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 1. М., 1959. С. 594; Кн. 2. С. 641).

Образованное от балтийского по происхождению гидронима «Серена»[36] (левый приток Жиздры), название «Серенск» не уникально, что несколько осложняет локализацию. На картах XIX в. можно встретить с. Сиренск (чаще: Сиренское, Серенское)[37] на правом берегу Протвы, в 7 км ниже г. Вереи (ныне Наро-Фоминский район Московской обл.). Это сельцо известно с 1536 г. как Серенское (владение московского Симонова монастыря)[38]. Однако Протва хорошо обследована, и близ с. Серенского нет городища. Известны также р. Серена (Серененка, Серенейка) – правый приток Беспуты и р. Серена (Серенга) – левый приток Мутенки (впадает в Оку справа после Беспуты, выше г. Каширы)[39].Однако они далеко отстоят от Мосальска и представляют интерес лишь как топонимические параллели.

Главным подтверждением локализации Серенска являются результаты довольно обширных работ Верхнеокской экспедиции на городище в д. Серенске (правый берег Серены, общая площадь городища 4 га). Серенск был незаурядным ремесленным центром (кузнечное, ювелирное ремесла, мастерская по изготовлению стеклянных браслетов)[40]. Серенск, как выясняется, был одним из наиболее значительных городов в черниговских «Вятичах», что и объясняет походы на него. Овладение Серенском реально угрожало центральным владениям Черниговского княжества. Во всяком случае, походы на Серенск дают основания предполагать, что в первой трети XIII в. достаточно ясно наметился путь через Серенск, известный в XVI в.: Москва – Боровск – Ярославец – Калуга – Воротынск – Серенск – Брянск – Почеп и далее «до тех городов до Северских» (Стародуб, Новгород-Северский и др.)[41].

Очевидно, где-то в начале этого пути и следует искать интересующие нас Уполозы.

При определении района нахождения Уполозов важно выяснить обстоятельства начальной стадии событий осени 1231 г. Чем было вызвано «стояние» в Уполозах и как объяснить возвращение Юрия Всеволодовича

С. М. Соловьев справедливо считал, что этот поход был предпринят в отместку за изгнание Ярослава Всеволодовича из Переяславля-Русского Всеволодом Чермным.

[36] Топоров В. Н. «Baltica» Подмосковья // Балто-славянский сборник. М., 1972. С. 274.

[37] СНМ. Т. 24. Московская губерния. СПб., 1862. № 1516.

[38] *Ивина Л. П.* Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV – первой половины XVI *в.* Л., 1979. С. 153, 194.

[39] *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки. С. 31, 145, 147.

[40] Основные сведения и литературу по археологии Серенска см.: *Никольская Т. Н.* Земля вятичей... С. 138–141, 219–224, 226–229 и др.

[41] Грамота Ивана IV 1564 г. с подтверждениями 1569 и 1598 гг., где указан этот путь, в последний раз упоминает о Серенске как о более или менее значительном городе.

В XVII в. путь «от Калуги до Брянска через Брынский лес» (160 верст) отклоняется к Мещевску // АФЗХ. Ч. 3. М., 1961. С. 359; Книга Большому Чертежу. С. 56 (Серенск Книге Большому Чертежу уже неизвестен).

во Владимир? Здесь возможны лишь в разной степени гипотетические суждения. При этом некоторый интерес представляет собой факт участия в походе новгородцев, засвидетельствованный Новгородской I летописью. Он позволяет предполагать, что, скорее всего, Уполозы – место соединения союзных дружин. Возможно, участие новгородцев в походе и количество представленных Новгородом сил вызывало сомнения у владимирских князей (Новгород в 1231 г. перенес жестокий голод), с прибытием же новгородцев Юрий мог позволить себе вернуться во Владимир. Вероятно, участив Юрия в походе было демонстративным, ибо именно он мирил своего шурина Михаила с Ярославом в конце 1230 г. Нельзя исключить и возможность новой вспышки разногласий между Юрием, с одной стороны, Ярославом и ростовскими Константиновичами, с другой[42].

Южным пределом района нахождения Уполозов следует считать границы Черниговской земли, так как промедление в начале военных действий дало бы возможность черниговцам приготовиться к обороне. С севера район поиска нужно ограничить полосой сообщения Москвы и Волока Ламского, ибо новгородцы шли, скорее всего, через Торжок на Волок (это путь Михаила Всеволодовича из Брына на Торжок в марте 1229 г. и его сына Ростислава из Торжка в Чернигов в декабре 1230 г.); не исключено и продвижение новгородцев Селигерским путем: так шел Святослав Трубчевский в 1232 г.[43]

Таким образом, район поиска включает в себя почти весь юго-западный сектор нынешней Московской обл. Топонимы, тождественные летописному, сохранились в писцовых книгах XVI–XVII вв. – их два. Первый (погост Уполозы на Клязьме, в волости Вохна, восточнее современного г. Павловский Посад) находится восточнее района поиска[44]. В нашем районе обнаруживается с. «Уполозы на р. Москве», «село Уполозье, Архангельское тоже» (две трети его принадлежали в 1584 г. А. И. Уполотцкому) в Горетовском стане Московского уезда. Ныне это музей-усадьба Архангельское, где известны следы древнерусского поселения[45]. В ином случае подобные

---

[42] Напомним, что в 1225 г. именно по решению Юрия в Новгороде впервые вокняжился Михаил; в 1229 г. назревал конфликт между Юрием и Ярославом, разрешившийся примирением на княжеском съезде 7 сентября 1229 г.; в сентябре 1230 г. Михаил Всеволодович намеревался выступить с новгородцами в поход на Ярослава (шел спор из-за Волока Ламского) и, возможно, Юрий гарантировал мир Михаила с Ярославом, также готовившимся к походу на Михаила. НПЛ. С. 64, 268; 70, 278; ПСРЛ. Т. 1. С. 451–452, 455–456.

[43] НПЛ. С. 67, 274; 70, 278; 71, 278; 76, 288.

[44] ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. СПб., 1877. С. 89, 288.

[45] Там же. С. 141; *Холмогоровы В. И. и Г. И.* Исторические материалы о церквах и селах XVI–XVIII ст. Вып. 3. Загородская десятина. М., 1868. С. 109–111; *Веселовский С. Б. и др.* Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV–XIX вв. М., 1962. С. 248; *Успенская А. В., Фехнер М. В.* Указатель к карте «Поселения и курганные могильники

данные были бы достаточны для надежной локализации, но обширность ориентировочного района нахождения обязывает охарактеризовать все поселения со сходными названиями. Объяснение наименования «Уполозы» в литературе не встречено. Возможно, это топонимизированный местный географический термин, связанный с рельефом местности, от «полог» – «склон»[46], образованный по типу топонима «Услони» XVIII в. (современное с. Услонь, Подольский район Московской обл.) от «услон, усклонь» – «небольшой спуск», «подъем, покатость»[47]. Во всяком случае, славянский характер топонима «Уполозы» не вызывает сомнения, так как он встречен в различных регионах восточнославянской территории. Известны Упалосская дорога около Рыльска, на Сейме; Уповзний потік (левый приток Черного Черемоша, в Карпатах)[48]. Предполагаемое объяснение соответствует положению Архангельского на высоком берегу р. Москвы.

Бесспорные однокоренные параллели есть неподалеку от района поиска. На р. Воре, в 37 км от Гжати (ныне г. Гагарин) встречаем «с. Выполозы, Уполозы тож»[49], а в Брянском уезде (1596 г.) – р. Уполозну (Полозну), левый приток Рессеты[50]. Следовательно, нельзя исключить возможность трансформации летописных Уполозов через Выполозы или Полозы в Выползово – Полозово. В нашем районе нахождения по источникам XVI в. обнаруживаются с. Полозово на р. Молодильне (левый приток Москвы, Рузский район) и пустошь Выползова на р. Рудице (правый приток Малгуши, Истринский район)[51]. По данным же XIX в. известны: д. Летова-Выползово (по писцовым книгам – Летова, Глухово, Численное) и с. Выползово (ныне в черте г. Подольска). По археологическим публикациям в этих пунктах древнерусские поселения не обнаружены. Поэтому локализацию летописного селения Уполозы на левом берегу Москвы-реки (Архангельское) можно считать верной. Учитывая близость Уполозов к Москве, их несомненно следует относить к территории Владимиро-Суздальского княжества.

Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X–XIII вв.» // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1956. (Труды ГИМ. Вып. 32.) С. 166. № 163.

[46] Ср.: на р. Вопи, притоке Днепра, к юго-востоку от с. Духовщины – с. Пологи; «фольварк на Пологах» был завещан П. Могилой Печерскому монастырю: *Новицкий И. П.* Указатель имен географических: (материалы для исторической географии Южной и Западной России). Т. 2. Киев, 1882. С. 636.

[47] *Горбаневский М. В.* Опыт составления топонимического словаря Московской области // Проблемы восточнославянской топонимии. М., 1979. С. 108.

[48] *Ефременко С. Н.* Топография Рыльского уезда XVII в.: (по архивным материалам Курского Губмузея) // Известия Курского губернского общества краеведения. № 6. 1927 г. Курск, 1928. С. 66; Словник гідронімів України. Київ, 1979. С. 580.

[49] СНМ. Т. 11. Смоленская губерния. СПб., 1868. № 4034.

[50] *Шумаков С. [А.]* Сотницы, грамоты и выписи. Вып. 1 // ЧОИДР. 1902. Кн. 2. С. 192, 194; *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки. С. 33.

[51] ДДГ. М.; Л., 1950. С. 386; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. СПб., 1872. С. 103.

О МАЛОИЗВЕСТНЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ ПОДМОСКОВЬЯ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII в. (ГОЛУБИНО, ВОЛОЧОК И УПОЛОЗЫ)

Историко-географический аспект исследования проблем феодальной раздробленности в Северо-Восточной Руси является одним из важнейших и сложных в изучении формирования русской народности и ее государства, консолидировавшегося вокруг Москвы. При этом значительное место принадлежит вопросам локализации древних населенных пунктов, так как определение границ древнерусских княжеств исходит в первую очередь из «привязки» географической номенклатуры наших древнейших письменных источников к археологическим памятникам путем определения района нахождения древнего поселения и посредством выявления основных промежуточных звеньев этой связи по поздним источникам, несущим достаточную географическую информацию. Юго-западная половина современной Московской области в XII – первой трети XIII в. была местом соприкосновения крупнейших государственных образований Руси: Ростово-Суздальской, Новгородской, Смоленской, Черниговской земель, а также менее сильного Рязанского княжества. Границы были в основном определены отечественными историками уже к концу XIX в., не вызывали значительных сомнений и в несколько уточненном виде были отражены в фундаментальном исследовании А. Н. Насонова[1]. Положение изменилось с конца 60-х годов, когда началась работа над академическим Атласом истории СССР. Выяснилось, что принимавшиеся прежде локализации были сделаны без достаточно строгой методики, нередко лишь по внешнему созвучию названий. К их ревизии обязывал исследователей и значительный опыт изучения древнерусских поселений, накопленный советской археологией. Изображение на исторических картах XII–XIII вв. указанного стыка границ стало проблематичным, так как более половины локализаций древнерус-

[1] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. Вклейки между с. 64 и 65, 160 и 161, 184 и 185.

ских поселений на его территории вызывает ныне разноречивые суждения (Добрятино, Доброчков, Бобровницы, Путтин, Беницы – 1136 г., Лопасна, Сверилеск – 1175 г.)[2]. В связи с этим следует обратиться к локализации поселений, которые не привлекали достаточного внимания: Голубино, Волочок – 1209 г., Уполозы – 1231 г.

Под 6717 (1209) г. Московский летописный свод 1479 года рассказывает, как, воспользовавшись отсутствием сыновей Всеволода Большое Гнездо, ушедших в поход на новгородцев, рязанские князья Изяслав Владимирович и Михаил Всеволодович пришли к Москве. Не зная, что Всеволодовичи уже вернулись, рязанцы стали «воевати села около Москвы». Всеволод срочно («вборзѣ») послал против них сына Юрия. «Пришедшу же ему на Голубино вечеръ и посла сторожи пытати рати; и бысть ему вѣсть, оже Изяславъ стоитъ на Мерьскѣ, а Кюръ Михаилъ на Литовѣ...» Юрий пошел «черес ночь противу Изяславу на Мерьску, тои бѣ ему напреди, и бывъ на Волочцѣ и оттолѣ ряди сторожевыи полкъ за рѣку Клязму. ...И в раньню зорю срѣтошяся сторожеве их, и погнаша Юрьевы сторожи Изяславлих...» Юрий, следуя за ними, «приде к рѣцѣ Дрозьднѣ и ту удари на Изяслава, онъ же побѣже... чрес рѣку, и многа дружина истопоша около его». Сражение произошло 26 марта 1209 г. Узнав о нем, бежал и Михаил Всеволодович со своим полком[3].

Из географических ориентиров похода Юрия Всеволодовича хорошо известны: отправной пункт – Владимир, промежуточный – р. Клязьма и цель похода – окрестности Москвы. Мерьска, дважды до этого упоминавшаяся летописью и неоднократно в источниках последующего времени, надежно отождествляется с левым притоком р. Москвы – р. Нерской[4]. Между Клязьмой и верховьем Нерской, почти параллельно последнему

---

[2] Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 142; ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 602; ср.: *Алексеев Л. В.* Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли // Słowiane w dziejach Europy. Posnań, 1974. Вклейка между с. 104–105; *Он же.* Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980. С. 41 (Рис. 4), 44–46, 52, 60–62; *Седов В. В.* Смоленская земля и Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 250– 251, 255–257; *Кучкин В. А.* Ростово-Суздальская земля в X – первой трети XIII в.: (центры и границы) // ИССР. 1969. № 2. С. 64, 78, 92; *Зайцев А. К.* Черниговское княжество // Древнерусские княжества... Вклейка между с. 80–81; *Юшко А. А.* О некоторых волостях и волостных центрах Московской земли XIV в. // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 282–284.

[3] ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 107–108 (ср.: Там же. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1. Стб. 434); *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 101. Восходя к великокняжескому владимирскому летописанию Юрия Всеволодовича, статья 1209 г. имела в основе современную событиям запись либо устные сообщения очевидца *(Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII в. М., 1969. С. 217–218).

[4] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 379, 433 (ср.: Т. 25. С. 86, 106); ДДГ. М.; Л., 1950. С. 7–9 и др.; ПКМГ. СПб., 1872. Ч. 1. Отд. I. С. 480, 501; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 183–184; *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки: (Список рек и озер). М., 1976. С. 110.

(в 17–20 км) течет р. Дрезна, известная по писцовым книгам как Дрозна[5]. По незначительной величине Дрезны нужно полагать, что сражение, в котором рязанцы «истопоша» в реке, происходило в ее низовье, где-то около современного г. Дрезны. Принимая во внимание время года (конец марта) и суток (с вечера до утра), расстояние марша от Голубина до р. Дрозьдны должно быть не менее 25 км и не более 50 км (вполне очевидно, поход был конным). Так как Дрозьдна по отношению к летописным Волочку и Голубину находилась за Клязьмой, последний пункт следует искать на карте между дугами, проведенными из пуансона г. Дрезны в левобережье Клязьмы с радиусами в 25 и 50 км.

В отмеченном районе известна по сотнице с Переяславских книг 1562 г. в Борисоглебском стане Марининской волости «деревня Голубино на реке на Шередаре», купля Благовещенского Киржацкого монастыря[6]. Уже в книгах 1592–1593 гг. – это пустошь сельца Халино, и таковой она фигурирует в последующее время (1599– 1764 гг.) до упразднения монастыря. Халино (Холино) располагалось на р. Утроке (Утрепке), нижнем правом притоке р. Шередарь (левый приток р. Киржач), в 10 верстах к юго-востоку от Киржацкого монастыря[7]. К сожалению, в археологическом отношении Шередарь не изучена. Точное археологическое обнаружение Голубина возможно с привлечением материалов Генерального межевания. По этим данным пустошь Голубино находилась на правом берегу Шередари. Примечателен факт, что ее название сохранилось до настоящего времени как название урочища, хорошо известное жителям близлежащих сел Холино и Хмелёво (Киржацкий район Владимирской области)[8].

Расположенный на пути из Голубина к Дрозьдне Волочок обнаруживается в дворцовой волости Кунья. Это с. Волочок-Зуев, старое название

---

[5] ПКМГ. Ч. 1, отд. I. С. 88, 89, 91, 254, 289; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 183, 184; *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки. С. 225.

[6] *Токмаков И. Ф.* Историко-статистическое описание города Киржача (Владимирской губернии). М., 1884. С. 108; *Шумаков С.* Обзор «Грамот Коллегии экономии». М., 1917. Вып. 4. С. 557 (№ 8927).

[7] ПКМГ. Ч. 1. Отд. I. С. 838; *Токмаков И. Ф.* Историко-статистическое описание города Киржача. С. 119, 130, 275; *Шумаков С. [А.]* Обзор «Грамот Коллегии экономии». Вып. 4. С. 464, 551 (№ 1283, 1521); *Смирнов М. И.* Прошлое Переяславль-Залесской деревни. Феодальные владения Троице-Сергиева монастыря в Переяславль-Залесском уезде XV–XVIII вв. // Тр. Переяславль-Залесского историко-художественного и краеведного музея. Переяславль-Залесский, 1928. Вып. 6/7. С. 46–152.

[8] Был составлен «Геометрический специальный план Борисоглебского стана» (11 июня 1774 г., межевал капитан Ф. Квашнин-Самарин) (*Токмаков И. Ф.* Историко-статистическое описание города Киржача. С. 313–314; ЦГАДА. Ф. 1355. № 54. Л. 31). В 1980 г. вместе с владимирским археологом В. П. Глазовым автор осмотрел это урочище. Пустошь почти полностью заросла лесом, а прибрежная ее часть повреждена сельскохозяйственными работами. Поэтому археологических следов летописного Голубика обнаружить не удалось.

левобережной части современного г. Орехово-Зуево (на р. Клязьме)[9]. Учитывая положение села в месте, где отсутствует потребность в волоке (т.е. транспортировке судов по водоразделу), название его, вероятно, следует связывать со словом «волок» – вид невода (ср.: «волочище» – место, где ловят рыбу волоком[10]). В черте города, на левом берегу известны древнерусские курганы, а к юго-западу близ него – поселение того времени[11]. При редком характере названия локализация Волочка представляется надежной.

Зная, что Михаил Всеволодович находился далее от Голубина, чем Изяслав («той бе ему напреди»), можно теперь ограничить район поиска неизвестного урочища или реки Литовы. Для этого, принимая условно окрестности современной ст. Куровское за местонахождение Изяслава на Нерской, нужно от Голубина провести дугу радиусом до Куровского. Таким образом, Литову следует искать в полосе около 60 км шириной, идущей по Москве-реке от Москвы почти до устья р. Северки. Надежные топонимические ориентиры пока не обнаружены[12].

На то, что Голубино и Волочок следует искать на левом берегу Клязьмы, верно указали Н. И. Надеждин и К. А. Неволин в дополнениях к «Розысканиям о городах и пределах русских княжеств» М. П. Погодина. Последний, однако, отождествлял Голубино с подмосковным с. Голубино[13] (ныне в черте Москвы, Голубинская ул. в Ясеневе). Выявляя чернигово-суздальский рубеж, А. Н. Насонов предложил иное – с. Голубино на р. Выдре, правом притоке Северки (Домодедовский район)[14]. Как от того, так и от другого пункта до низовья Дрезны по прямой свыше 80 км. После дневного перехода такой ночной марш в условиях весенней слякоти или гололеда маловероятен. Итак, локализация Голубина не может служить уточнению суздальской границы.

Вместе с тем рассмотренные известия могут служить для определения района восточного пограничья территории, тянувшей в начале XIII в. непосредственно к Москве. Мы знаем, что Изяслав Владимирович и Михаил Всеволодович «воевали волость Всеволожю... около Москвы»,

---

[9] Московский и Серпуховской уезды XVI–XVII вв. по писцовым книгам: Карта / Сост. С. Б. Веселовский и В. Н. Перцов // Архив АН СССР. Ф. 620.

[10] Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1976. Вып. 3. С. 6, 12.

[11] *Успенская А. В., Фехнер М. В.* Указатель к карте «Поселения и курганные могильники Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X–XIII вв.» // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1956. (Труды ГИМ. Вып. 32.) С. 179 (№ 179-а), 236 (№ 1041).

[12] Обнаружена лишь д. Летова (она же Выползово, Глухово, Численное) в 25 км к югу от Москвы, близ старой Калужской дороги, к востоку от р. Ликова (Лекова, Титова), но, возможно, это лишь случайное созвучие.

[13] *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции. М., 1850. Т. 4. С. 285–286.

[14] *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 184.

следовательно, район р. Дрозьдны (Дрезны), где стоял Изяслав, относился к московской волости. Судя по характеру действий Юрия Всеволодовича в районе Голубина и Волочка (начало военных действий– высылка сторожи, а затем и сторожевого полка), указанные пункты находились в пограничье земель Москвы и, очевидно, Переяславля-Залесского и Владимира.

Очевидно, близ чернигово-суздальских рубежей находились Уполозы, упомянутые Лаврентьевской летописью при описании осеннего похода 1231 г. в «Черниговскую волость» Юрия и Ярослава Всеволодовичей с ростовскими князьями и новгородцами: «поиде князь великыи Гюрги к Сереньску и стоявъ станом на Уполозех и възвратися в Володимерь». Ярослав же с союзниками «идоша к Сереньску», сожгли его и возвратились после осады Мосальска[15]. Поход к Серенску (городок XII–XVI вв. на Серене, левом притоке Жиздры) шел, очевидно, через броды на нижней Угре. Участие в нем новгородцев заставляет предполагать, что войска шли путем, связывавшим Торжок (через Волок Ламский) с бассейном средней Десны и верхней Оки. Это маршруты Михаила Всеволодовича Черниговского в марте 1229 г., Ростислава Михайловича 1230 г., Святослава Трубчевского 1232 г.[16] Южный предел района нахождения Уполоз формально определяется минимальным расстоянием дневного перехода, дугой радиусом в 30 км к северо-востоку от Серенска. С севера он ограничивается полосой сообщения Москвы и Волоколамска, включая в себя почти весь юго-западный сектор Московской области и северную треть Калужской. Тождественные топонимы сохранились в писцовых книгах – их два. Первый (погост Уполозы на Клязьме, в волости Вохна, восточнее современного г. Павловский Посад) находится восточнее района поиска[17]. В нем обнаруживается другое название – «с. Уполозы на р. Москве» (часть его принадлежала А. И. Уполотцкому) в Горетовском стане. Ныне это усадьба-музей Архангельское, где известны следы древнерусского поселения[18]. В ином случае подобные данные были бы достаточны для надежной локализации, но обширность ориентировочного района нахождения обязывает обратиться к топонимическому анализу.

Бесспорные однокоренные параллели есть неподалеку от района поиска, в Смоленской и на юге Калужской областей. На р. Воре, в 37 км

---

[15] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 459; Т. 25. С. 125; ср.: НПЛ. М.; Л., 1950. С. 71, 280; *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 108.

[16] НПЛ. С. 67, 274; 70, 278; 71, 278; 76, 288.

[17] ПКМГ. СПб., 1877. Ч. 1, отд. II. С. 89, 288.

[18] Там же. С. 141; Подмосковье: Памятные места в истории русской культуры XIV–XIX вв. М., 1962. С. 248; Все Подмосковье: Географический словарь Московской области. М., 1967. С. 14.

от Гжати (ныне г. Гагарин) встречаем «с. Выполозы, Уполозы тож»[19], а в Брянском уезде (1595 г.) – р. Уполозну (Полозну), левый приток Рессеты[20]. Следовательно, нельзя исключить возможность трансформации летописных Уполозов через Выполозы или Полозы в Выползово – Полозове. В нашем районе нахождения по источникам XVI в. обнаруживаются с. Полозове на р. Молодильне (левый приток Москвы, Рузский район) и пустошь Выползова на р. Рудице (правый приток Малгуши, Истринский район)[21]. По данным же XIX в. известны упомянутая д. Летова-Выползово (по писцовым – Летова, Глухово, Численное), с. Выползово (ныне в черте г. Подольска) и Якшино-Выползово на р. Яченке (левый приток Оки) в 5 км от Калуги[22]. По археологическим публикациям в этих пунктах древнерусские поселения не обнаружены. Поэтому локализацию летописного селения Уполозы на левом берегу Москвы-реки (Архангельское) можно считать верной. По близости к Москве следует считать Уполозы поселением Ростово-Суздальского княжества[23].

Подводя итоги предпринятых локализаций Волочка (на Клязьме), Голубина (на Шередари) и Уполозов (на р. Москве), необходимо заметить, кроме указанных выше ошибочных сопоставлений, и некоторые другие, встречающиеся в указателях к изданиям летописей.

Вполне очевидна ошибочность сопоставления Волочка с Волоком-Ламским и Уполозов с новгородскими Уполозами под Порховом[24]. Менее очевидна ошибка, связанная с упомянутой выше Дрозьдной.

В Ермолинской летописи, протограф который имел общий со Сводом 1479 г. источник – общерусский свод около 1474–1477 гг.[25], рассказ о событиях 1209 г., как и многие другие, сокращен, причем единственное сохранившееся географическое название было искажено. В Ермолинской летописи и соответственно в сводах 1497 и 1518 гг., Львовской летописи, Тверском сборнике и в некоторых других летописях Дрозьдна названа Тростной. В результате издатели спутали Дрозьдну 1209 г. с р. Тростной

---

[19] Списки населенных мест Российской империи. СПб., 1868. Т. XI. Смоленская губерния. № 4034.

[20] *Шумаков С. [А.]* Сотницы, грамоты и выписи. М., 1902. Вып. 1. С. 192, 194; *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки. С. 33.

[21] ДДГ. С. 386; ПКМГ. Ч. 1, отд. I. С. 103.

[22] Списки населенных мест... СПб., 1862. Т. 24. Московская губерния. № 4690, 4795; СПб., 1863. Т. 25. Калужская губерния. № 36.

[23] Более подробно локализация Уполозов рассмотрена мной в статье «Подмосковные Уполозы 1231 г.» // Проблемы исторической географии России. М., 1982. Вып. 1: Формирование государственной территории России. С. 31–44. Ротапр.

[24] ПСРЛ. Т. 25. С. 432, 446.

[25] *Насонов А. Н.* История русского летописания. С. 261, 264–265, 268–274; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 156–165.

(левый приток Нары), упомянутой в связи с нападением Ольгерда на Москву 1368 г.[26]

Конкретизируя наши представления о юго-западной части Ростово-Суздальской земли, предложенные здесь локализации приближают к завершению карту ее поселений, упомянутых до вторжения Батыя. На этой карте не нашел своего места лишь небольшой городок Петров, в котором Всеволодом Большое Гнездо были заключены рязанские князья (1207 г.)[27].

[26] ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 62, 115, 237; М., 1963. Т. 28. С. 45, 75, 202, 237, 396; СПб., 1910. Т. 20, ч. 1. С. 146, 192; Пг., 1914. Ч. 2. С. 678; ср.: Т. 25. С. 445; *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 149–150.

[27] Когда данный сборник находился в издательстве, вышла в свет статья А. А. Юшко «О междукняжеских границах в бассейне р. Москвы в середине XII – начале XIII в.» (СА. 1987. № 3. С. 86–97), где автор, применяя несколько иную методику, предлагает локализацию Голубина, близкую к рассмотренной выше, а Волочек верно отождествляет с Волочком-Зуевом. В статье Юшко отмечается особо значительная для Подмосковья концентрация древнерусских поселений к югу от Москвы, т.е. как раз в том районе, где фиксируется указанный выше топоним «Летова» (см. примеч. 12). Несомненно, этот район был наиболее привлекателен для грабительского похода рязанцев 1209 г. Поэтому «Летова» представляется теперь надежным ориентиром поиска летописной Литовы.

ГДЕ НАХОДИЛИСЬ ВЛАДЕНИЯ КНЯЗЯ ЛИПОВИЧСКОГО, УПОМИНАЕМОГО В ЛЕТОПИСЯХ ПОД 1283–1284 гг.?

Заголовок данной статьи перекликается с названиями двух основных работ, посвященных рассматриваемой теме. Во-первых, потому, что названия статей А. И. Бунина и П. В. Голубовского не вполне точны: Липецк в рассказе об Ахмате не упоминается[1], не упоминается в домонгольское время и Воргол[2]. Во-вторых, основное внимание здесь будет посвящено определению района нахождения упомянутых летописью населенных пунктов и вопросу надежности, научной достоверности их локализаций.

Для исторической науки вопрос локализации, т.е. определения местонахождения географических объектов, известных по письменным источникам – это установление исторического факта. Поэтому к вопросам локализации приложимы все основные требования методики исторического исследования.

Локализации обычно относятся к ряду вспомогательных функций исторической географии. Это справедливо, как в целом справедливо мнение о том, что историческая география, будучи самостоятельной исторической дисциплиной, «сохраняет и свое вспомогательное значение, связанное с пространственной локализацией событий»[3].

Однако для самой исторической географии и исторической картографии вопросы надежной, т.е. научно аргументированной локализации, являются фундаментальными, ибо локализация – это основа пространственной ориентации исследователя. Определение расположения исторических географических объектов дает ту основу, на которую накладывается специальное содержание исторических карт. От надежности локализации зависит

---

[1] Известия XI Археологического съезда в Киеве. Киев, 1899. С. 56; *Бунин А. И.* Где находились города Липецк и Воргол, а также и другие места, упоминаемые в летописях под 1283–1284 гг.? // Труды XI археологического съезда. Т. II. М., 1902. С. 72–79.

[2] *Голубовский П. В.* Где находились существовавшие в домонгольский период города Воргол, Глебль, Зартый, Оргощ, Сновск, Уненсж, Хороборь? // ЖМНП. 1903. № 5. С. 111–135.

[3] *Яцунский В. К.* Историческая география. М., 1955. С. 10; *Жекулин В. С.* Историческая география: предмет и методы. Л., 1982. С. 10–11, 13–25.

научная достоверность выводов историко-географических исследований и собственно исторических работ. Значительна и вспомогательная роль локализаций в археографической практике в археологических, топонимических и некоторых других исследованиях.

Большие расхождения в изображении на исторических картах границ территорий (например, карты Смоленской земли XII–XIII вв. В. В. Седова и Л. В. Алексеева[4], ошибки в географических указателях публикаций источников или даже в самих публикациях (см., например, публикацию грамоты Олега Ивановича Рязанского Богородицкому монастырю в академических «Памятниках украинского языка»: издатели спутали Переяславль Рязанский с Переяславлем Южным[5]); географические ошибки в топонимических исследованиях и ряд других наблюдений показывают, что вопросам локализации, точнее ее методике, уделяется в настоящее время недостаточное внимание.

Изучение существующих специальных методик локализации населенных пунктов в первую очередь методики ретроспективного анализа и комплексного привлечения источников М. В. Витова[6], а также опыт ряда приемов, использующихся в историко-географических исследованиях, показывает, что надежная локализация обеспечивается комплексной методикой, объединяющей три, чаще всего взаимопересекающихся, пути исследований: 1. Исторический (анализ источников; определение ориентировочного района нахождения; выявление источников, упоминающих сходные топонимы этого района и т.п.); 2. Топонимический (этимологизация общая и «глубинная»; выявление преемственности и тождества топонимов древнего и современного и др.; 3. Археологический (подтверждение факта существования исторического географического объекта в искомом месте, его датировка и характеристика поселения как городского, сельского и др.).

При определении мест сражений необходим еще и четвертый, палеогеографический путь исследований (реконструкция древних ландшафтов, изменение направлений русел рек и т.п.), который со временем, по накоплении данных, может послужить и локализации отдельных топонимов,

---

[4] *Седов В. В.* Смоленская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 250. Рис. 2; *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980. С. 41. Рис. 4.

[5] Грамоти XIV ст. Київ, 1974. С. 32–33, 228–229; 118.

[6] *Витов М. В.* Приемы составления карт поселений XV–XVII вв. по данным писцовых и переписных книг // Проблемы источниковедения. Сб. 5. М., 1956; *Бескровный Л. Г.* Специфика методов исследования по исторической географии // Материалы МФГО СССР. История географических знаний и историческая география. Вып. 5. М., 1971. С. 48–51; *Лаппо Ф. И.* Карты и планы XVIII в. как историко-географический источник (по материалам Курской губернии) // Там же. С. 54–56; *Добродомов И. Г., Кучкин В. А.* Этимология и старые географические объекты // ВГ. Сб. 110. М., 1979. С. 157–163.

определению границ заселенных территорий и истории их хозяйственного освоения.

Естественно, что локализации предшествует выявление топонимов или гидронимов в текстах источников, что само по себе не всегда решается однозначно.

Первыми результатами такого рода наблюдений должны быть выводы о достаточности информации письменных источников, суммы топонимических данных, степени археологической, а желательно, палеогеографической изученности рассматриваемой территории.

Всякую локализацию, не удовлетворяющую хотя бы одному из трех основных требований правильной, надежной методики локализации следует считать лишь ориентировочной или условной. При этом необходимо отмечать ту или иную недостаточность в аргументации. Например, недостаточную информативность письменного источника для определения района нахождения, недостающие звенья доказательства топонимической преемственности, слабую археологическую изученность предполагаемого местоположения населенного пункта. Недостаточно точные, определенные приблизительно, условные или ориентировочные локализации на исторических картах следует особо оговаривать в легендах, указывая их со знаком вопроса или особым условным знаком[7].

Пренебрежение источниковедческой и историко-географической методикой приводит иногда к курьезным и грубым ошибкам: на основании данных Никоновской летописи, например, Можайск отпраздновал в 1981 г. 750-летие г. Мосальска как свое собственное – не был принят во внимание исходный текст харатейной Новгородской I летописи старшего извода, говорящий о Мосальске, не проанализирован маршрут похода и т.п. (впрочем, отнесение Можайска на основании этих данных Никоновской летописи к Черниговской земле – старая ошибка краеведов, попавшая и в солидные справочные издания)[8].

Обстоятельный источниковедческий анализ интересующих нас летописных текстов дан в этой книжке В. А. Кучкиным[9]. Уточнения хронологии событий, предложенных А. Н. Насоновым и Н. Г. Бережковым[10],

---

[7] *Витов М. В.* Приемы составления карт поселений... С. 245.

[8] Подробнее см.: *Зайцев А. К.* Подмосковные Уполозы 1231 г. // Проблемы исторической географии России. М., 1982. Вып. 1. С. 34–35; ср.: *Федорова О. В. и др.* Можайск. М., 1981. С. 3.

[9] *Кучкин В. А.* Летописные рассказы с упоминанием князя Святослава Липовичского: историография, древнейшие тексты, хронология и география событий // Липецк: начало истории. Сборник статей. Липецк, 1996. С. 7–39.

[10] *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 70; *Он же.* История русского летописания XI – начала XVIII в. М., 1969. С. 193; *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 115.

сделаны В. А. Кучкиным весьма аргументированно, поэтому следует сразу обратиться к вопросу определения района нахождения географической номенклатуры летописного рассказа 1283–1284 гг. Лаврентьевской и Симеоновской летописей.

Источник недвусмысленно сообщает, что события происходили «в княжении Курскиа области», Ахмат был баскаком «Курьского княжениа». Он поставил две слободы «в отчине Олга князя Рылского и Ворголского... насилие творяху христианам, сущим Курскыя волости, около Воргола и около Рылска пусто сътвориша»[11]. После нападения Святослава Липовичского на ахматовых братьев жители баскаческих слобод бежали «к Курьску»[12]. Именно так понял имевшиеся в его распоряжении тексты составитель Никоновской летописи, назвав свое изложение «О Курском княжении». Будучи хорошо осведомлен о рязанской истории и географии и встретив в тексте знакомые по воронежским делам «Вороножьскыи леса», он счел необходимым внести уточнение: «...побежа въ Резань, въ лесы въ Вороножскиа»[13].

Основные этапы истории и контуры границ Курского княжества XII – начала XIII в. достаточно установлены[14], причем следует оговорить то, что восточные границы Курского княжества приведены довольно условно с учетом «буферной зоны» с Половецкой степью. Возможно, основная заселенная (по археологическим данным) часть княжества располагалась, как показывает А. В. Кашкин, несколько западнее указанной границы[15].

Во второй половине XIII в. северными и северо-восточными соседями курских князей были Ольговичи старшей ветви черниговских князей – князья глуховские и новосильские, а также карачевские и козельские. Последним принадлежало и выделившееся позже Елецкое княжество, расположенное по реке Сосне и ее притокам. Южные границы Курского княжения определить на это время трудно, ибо значительные области южнорусских княжеств, соседствующие с Половецким Полем, отошли под непосредственное управление Орды (Поросье, например, Переяславль-Русский, часть черниговских и рязанских земель по верхнему Дону и Оке)[16].

По сути дела, степной коридор, поднимающийся к северу почти до Тулы между верхней Окой и Доном, был восточной границей как Курского, так и Верховских княжеств Поочья и контролировался ханами Золотой

---

[11] ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 79.

[12] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 482.

[13] ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 162–163, 165; ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 482; Т. 18. С. 79.

[14] *Зайцев А. К.* Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 89–96. Вклейка между с. 80–81.

[15] *Кашкин А. В.* О локализации древнерусского города Липовичска // Липецк: начало истории. С. 52–59.

[16] *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 37–43.

Орды[17]. Стратегической осью этого коридора был путь, шедший с юга по водоразделу верхней Оки и верхнего Дона к среднему Поочью, освоенный еще половцами XII в. и известный в XVI–XVII вв. как Муравский шлях.

До недавнего времени вся географическая номенклатура интересующего нас рассказа, за исключением Рыльска, не имела надежной локализации. Лишь в 1989 г. В. В. Енукову удалось обнаружить участок сохранившегося слоя древнерусского городища в Курске и город тоже получил достоверную локализацию.

Курск и Рыльск довольно часто встречаются в летописных сообщениях XII–XIII вв. и известны в дальнейшем[18]. Воргол, Вороножский лес, Туров и Липовичск (о последнем см. ниже) упоминаются только в рассматриваемом рассказе. Летопись не приводит названий указанных выше слобод.

Летописный рассказ (Лаврентьевский и Симеоновский тексты) не содержит достаточно конкретных указаний ни на расположение этих пунктов, ни на маршруты военных действий, которые нередко дают надежные ориентиры локализации. Ясно лишь то, что Воргол и Рыльск были в одном княжеском владении и неподалеку от них находились слободы Ахмата, откуда исходило опустошение округи Воргола и Рыльска[19]. Рать Ахмата пришла в Воргол («къ городу Варгулу») и уже оттуда вела карательные операции «воююче по всему княжению». Туров упомянут на обратном пути Ахмата: «поидоша от Воргола и пришедше в село в Туровъ... и тако поидоша прочь»[20], т.е. Туров находился ближе к южным границам Курского княжества. Владения Святослава Липовичского располагались неподалеку от ахматовых слобод, так как князь имел возможность внезапно напасть на оставшихся в слободах братьев Ахмата. Притом есть основания думать, что и сами Воронежские леса были достаточно близки для того, чтобы вести «разбойные» (т.е. противозаконные с точки зрения ордынских правителей) действия против баскаковых слобод. Олег Рыльский обвиняет липовического князя в том, что тот бежал в леса для разбоя: «...остал еси в Руси, избывъ в Вороножьскых лесехъ, того деля, что розбити»[21].

---

[17] *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. Карта 1.

[18] Курск, вероятно, с конца XIII в. запустел и вновь построен в 1596 г. В Рыльске практически не прерывалась оседлая жизнь русского населения. См.: *Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. С. 16–18.

[19] Слова Симеоновской летописи о том, что ахматовы люди «около Воргола и около Рылска пусто сътвориша» дополнены в Никоновской словами «и около Липетцка», а в Московском своде 1479 г. – «и около Курьска» (ПСРЛ. т. 18. С. 79; Т. 10. С. 162; Т. 25. С. 154). Основным является в данном случае текст Симеоновской летописи (см. статью В. А. Кучкина в этом сборнике).

[20] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 481; Т. 18. С. 79.

[21] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 482.

Можно предполагать, что в Рыльское княжество рать Ахмата пришла известной в XVI–XVII вв. Свиной дорогой, которая была продолжением Бакаева шляха. Об этом пути сообщает Книга Большому Чертежу: приходили «от Днепра Белгороцкие татаровя на Рыльские и на Карачевские и на Орловские и на Волховские уезды; хаживал Бакай мурза, как не было Польских городов». Эта дорога начиналась бродом «ниже Курска верст с 40, и на той дороге ныне деревни Рыльского уезду»; а «на Свиную дорогу лежит дорога от Днепра Бакаев шлях»[22].

Топонимические ориентиры несколько облегчают поиск Воргола, Вороножского леса и Турова, ибо это довольно редкие топонимы. Единственный ориентир летописного Воргола (вариант Лаврентьевской летописи – Ворогл) в пределах Курского княжества указал архиепископ Филарет Гумилевский – это с. Воргол на правом берегу р. Клевень (правый приток Сейма). Тогда же этот район был обследован Д. Я. Самоквасовым, проводившим здесь у Воргола раскопки древнерусских курганов. Он считал, что «Воргольская волость обозначена 21 городищем»[23]. Городище у с. Воргол (уроч. Вишневая Гора) раскаплывалась Д. Т. Березовцом и неоднократно обследовалось другими археологами, отмечавшими наличие древнерусских материалов[24]. Городище стоит недалеко от устья р. Воргол[25]. В настоящее время известен еще только один Воргол – левый приток Сосны, однако эта река протекает в пределах Елецкого княжества и представляет для нас интерес лишь как гидроним-аналог. К сожалению, городище недостаточно изучено[26], неясна и этимология названия. Поэтому локализацию Воргола следует признать условной, хотя и очень вероятной.

Редким топонимом является и Воргольский лес. Ориентир впервые был надежно указан также Филаретом Гумилевским[27]. Это местечко Воронеж, ныне пос. и железнодорожная станция в Шосткинском районе Сумской области (приблизительно в 10 км к югу от Шостки) у истоков р. Осота (правый

---

[22] Книга Большому Чертежу. М., 1950. С. 114.

[23] *Филарет (Гумилевский).* Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Чернигов, 1874. С. 323; *Самоквасов Д. Я.* Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908. С. 30, 40, 112–113.

[24] *Березовець Д. Т.* Дослідження слов'яньских пам'яток на Сеймі в 1959–1950 рр. // Археологічні пам'ятки у УРСР. Т. 5. Київ, 1955. С. 58–61; *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства // МИА. № 152. Л., 1965. С. 62.

[25] В «Словаре гидронимов Украины» р. Воргол ошибочно указана как левый, а не правый приток реки Клевень (Словник гідронімів України. Київ, 1979. С. 121; там же указан и левый приток Клевени – р. Турочка, гидронимический ориентир Турово Лаврентьевской летописи; известна и указанная А. И. Буниным речка Туровка (Туровец) в верховьях Псла.

[26] *Приймак В. В.* О локализации летописного города Липовицка // Теория и методика исследований археологических памятников лесной зоны. Липецк, 1992. С. 195–197.

[27] *Филарет (Гумилевский).* Историко-статистическое описание Черниговской епархии. С. 338.

приток р. Реть, впадающей слева в Десну). Редко встречающиеся топонимы могут служить надежным ориентиром для локализации лесных массивов. Ближайший пример – с. Порохонь или Порохня (от «порохно» – древесная труха) XVIII–XX вв. – бортные Порохонские ухожаи и Парахонский лес XVI–XVII вв. – Порохный лес статьи 6654 (1146) г. Ипатьевской летописи (приблизительно в 75 км к северо-западу от пос. Воронеж, в верховьях р. Знобовка (Средино-Будский район Сумской области)[28]. Сопоставление Вороножского леса с пос. Воронеж было принято Р. В. Зотовым, А. М. Лазаревским, П. В. Голубовским и И. С. Абрамовым, проводившим здесь раскопки древнерусских курганов[29].

Следует заметить, что при такой локализации Вороножского леса мы выходим за очерченные выше пределы Курского княжения. Пос. Воронеж находится приблизительно в 35–37 км к северо-западу от Глухова. Конечно, судя по контуру сохранившихся лесов этого района, можно думать, что Вороножские леса обходили Глуховское княжество с юго-запада и юга к нижнему течению р. Эсмань (правый приток р. Клевень) и к левому притоку Клевени р. Обеста, в которую впадает р. Воронок[30]. Описывая территорию Воронежской сотни Нежинского полка (городок Воронеж был построен в первой половине XVII в.), А. М. Лазаревский отмечал, что она занимала пространство, ограниченное Десной и ее притоками Шосткою и Османью. «Местность представляет почти сплошные пески, поросшие сосновым и отчасти лиственным лесом при истоке Осоты находится значительная площадь серой земли»[31]. Однако для решительного суждения необходима географическая разработка, реконструкция залесенности. Поэтому Вороножские леса можно нанести на карту лишь условным контуром со знаком вопроса, как ориентировочную локализацию.

Ориентировка поиска Турова – вблизи южных, неизвестных нам для XIII в. границ Курского княжения весьма широка: на пути из Воргола в степь, к югу от Сейма. Этот путь нам неизвестен и таких маршрутов могло быть несколько вариантов. Указанный А. И. Буниным гидроним р. Туровка (Туровец) удовлетворяет этому требованию, однако для более

---

[28] *Зайцев А. К.* Порохный лес и окрестности Новгорода Северского в XII в. // История географии и историческая география. М., 1975. С. 15–18.

[29] *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время //ЛЗАК за 1882–1884 гг. СПб., 1893. С. 200–201; *Лазаревский А. М.* Описание Старой Малороссии. Материалы для истории заселения землевладения и управления. Т. 2. Полк Нежинский. Киев, 1893. С. 345; *Голубовский П. В.* Где находились существовавшие в домонгольский период города Воргол...; *Абрамов І. С.* Літописний Вороніж на Чернігівщині // Юбілейний збірник на пошану акад. Д. Й. Багалія. Т. 1 / Всеукраїнська академия наук. Збірник істор.-филол. від. № 51. Київ, 1927. С. 462–465.

[30] Словник гідронімів України. С. 122

[31] *Лазаревский А. М.* Описание Старой Малороссии. С. 324.

точной локализации мы не располагаем ни промежуточными топонимическими, ни археологическими данными.

Очевидно, что не следует сейчас локализовать Ахматовы слободы – археологические аргументы не могут быть убедительными без топонимических данных, которыми мы не располагаем. Но и существующие археологические аргументы локализации Ахматовых слобод (в 10 и 20 км к востоку от Курска, селище у с. Лебяжье и Бесединское городище)[32] недостаточны, т.к. вся аргументация сводится к наличию довольно большого количества золотоордынских материалов в культурном слое. К настоящему времени не выработаны археологические критерии для выявления такого вида поселения, как слобода. В указанных пунктах могли находиться, например, резиденции — дворы баскаков или других ордынских чиновников. Слобода же могла быть заселена почти полностью русскими, как и свидетельствует летописный текст. Однако, в первую очередь, эти локализации не отвечают требованиям основного летописного текста: Лебяжье селище и Бесединское городище находятся слишком далеко от Рыльска, Воргола и Вороножского леса. Предложенные В. В. Енуковым возражения против этой позиции исходят из ошибочных хронологических выкладок, по которым между бегством Святослава Липовичского и его нападением на ахматовых братьев «Прошло более года, включая две зимы»[33].

Особое место в нашей теме занимает вопрос о г. Липецке, который возник благодаря «Истории» Н. М. Карамзина. Историк, сопоставив Воргол с одноименным притоком Сосны, а Вороножские леса Никоновской летописи с современным Воронежем, отождествил стольный город Святослава Липовичского с г. Липецком – модным в ту пору курортом[34]. Эта локализация была принята критиком Н. М. Карамзина — Н. С. Арцыбашевым, а также и Н. П. Барсовым. Впрочем, позиция последнего была несколько противоречивой[35]. Однако уже С. М. Соловьев справедливо считал, что рас-

---

[32] *Липкинг Ю. А.* Порубежные роменские городища Курского княжения // Ученые записки Курского педагогического института. Т. 60. С. 187; *Александров-Липкинг Ю. А.* Далекое прошлое соловьиного края. Воронеж, 1971. С. 112–117; *Енуков В. В.* Славянский комплекс на р. Рать // Археология и история Юго-востока Руси. Курск, 1991. С. 39–41; *Он же.* О слободах Ахмата и городе Ратне // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д. Я. Самоквасова. Чернигів, 1993. С. 49–52.

[33] *Енуков В. В.* К вопросу о локализации древнего Липецка // Роль міських центрів в становленні Київської Русі. Суми, 1993. С. 32.

[34] Авторитет замечательного историографа не помешал установить в 1839 г. в Липецке «усердием купца Павла Небученого» памятник Петру I как «основателю нашего города, указавшего в нем новые целебные источники и новые средства богатства народного». Уже в наше время эта надпись была заменена на лаконичную: «Петру I. Сооружен в 1839 г.»

[35] *Арцыбашев Н. С.* Повествование о России. Т. 2. М., 1838. С. 54. Прим. 408; *Барсов Н. П.* Географический словарь русской земли (IX–XIV ст.). Вильна, 1865. С. 113. Ср.: *Он же.* Очерки русской исторической географии. 2-е изд. Варшава, 1885. С. 167–170.

сматриваемые события происходили в районе Рыльска и Курска, но не смог предложить убедительных локализаций[36]. К концу прошлого столетия в исторической литературе довольно прочно сложилось правильное мнение, что указанные события происходили в районе Рыльска и Курска (Филарет Гумилевский, Р. В. Зотов, А. М. Лазаревский); установлено достаточно точно для того времени местоположение Воргола и Вороножского леса (Бунин и Голубовский), высказаны хотя и менее убедительные предложения по локализации «Липецка» (так в силу недостаточной разработки источников предполагалось название стольного города князя Липовичского).

В основных источниках этот город прямо не называется. Известен лишь князь «Липовичьскыи» (Лаврентьевская летопись), «Липовичьскии»; добро «липовичское», «Липецкии» князь (Симеоновская летопись). В последнем случае параллельный текст Московского свода 1479 г. дает написание «Липовецкой», а карамзинская выписка из Троицкой летописи – «Липовецкои», поэтому за основное принимается написание «Липовичскыи» (по Лаврентьевской летописи). Это написание происходит, по-видимому, от названия города «Липовическ»[37], которое, в свою очередь, образуется либо от названия реки, либо местности типа «Липович» или «Липовица». Такие гидронимы известны и в пределах Курского княжества и в прилегающих к ним территориях.

Обилие топонимов и гидронимов с корнем лип- чрезвычайно велико в границах рассматриваемой территории. Достаточно привести примеры: р. Липиновая Снова (к северо-востоку от Курска) и р. Липовый Донец (к юго-востоку от Курска), названия Липового города в верховьях р. Ромен[38] и Липинского городища в 20 верстах от г. Сумы (по А. И. Бунину), Липинского городища (в XIX в. д. Липина Пустошь, в 33 верстах к западу от Курска на Сейме (совр. д. Липина), руч. Липовый колодезь (к югу от г. Дмитриев Льговский) и т.п.[39]

Археологические данные позволяют представить несколько городищ древнерусского времени в качестве кандидатур на стольный город князя Липовичского. Следует подчеркнуть, что в предложенных за последнее

---

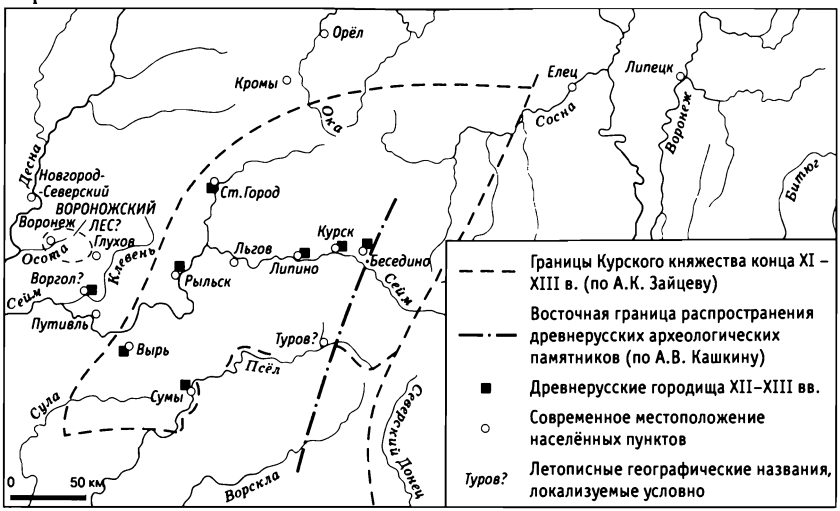
[36] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 2. М., 1960. С. 213–214, 338–339. Историк допускал возможность прочтения (по В. Н. Татищеву) «Святослав Ливецкий», т.е. Ливенский. Это нашло отражение в том что первое упоминание г. Ливны относится к интересующему нас рассказу. Оно отражено в известном издании: Россия. Полное географическое описание нашего отечества / Под ред. В. П. Семенова. Т. 2. СПб., 1902. С. 515, 570–571, 587.

[37] На этот факт впервые обратил внимание Р. В. Зотов: «Липецк или Липовичьск... не может быть ни Липецком тамбовским, ни Ливнами орловскими, так как оба города очень далеки от Рыльска и от Воргола» (*Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику… С. 200–201).

[38] Книга Большому Чертежу. С. 62, 109–110.

[39] СНМ. Т. 20. Курская губерния. СПб., 1868. № 140 (Липина пустошь), 219 (с. Липовец), 581 (оз. Липец), 584 (д. Липовая Балка), 886 (д. Верх Липового колодезя Ендовище тож при Липовом колодце), 989 (уроч. Липовка), 1651 (с. Липовец), 3178 (с. Липовчик) и др.

Карта 5



время археологами локализациях вполне справедливо особое внимание уделяется социально-исторической типологии древнерусских городищ. Вместе с тем недостаточное внимание обращается на источниковедческий анализ письменных данных и данных топонимики (Липинское городище, городище у бывш. с. Тополи)[40]. Наиболее вероятная по географическому положению привязка Липовичска к городищу у с. Старый Город[41] нуждается в дополнительных археологических и топонимических разработках.

При широком распространении топонимов с корнем -липов- особое значение имеют историко-географические разработки данных XVI–XVII вв. Для такого исследования существуют интересные материалы, указанные Г. Н. Анпилоговым и частично им опубликованные. Это: список с Пугивльской переписной книги 1594 г. И. С. Вохрамеева[42], переписная книга путивльским оброчным бортным ухожеям 1628–1629 гг. П. Мусорского, его же писцовая книга Рыльского уезда того же года, книги Посольского приказа (Польские дела 1592–1593 гг.) и некоторые другие[43].

Особый интерес представляют списки с Путивльской переписной книги 1594 г., где упомянуты «ордынские волости Путивльского уезда на р. Ве-

[40] *Приймак В. В.* О локализации летописного города Липовицка.

[41] *Кашкин А. В.* О локализации древнерусского города Липовичска // Липецк: начало истории. Липецк, 1996. С. 52–59.

[42] *Анпилогов Г. Н.* Новые документы о России конца XVI – конца XVII в. М., 1967.

[43] *Он же.* Бортные знамена как исторический источник: (по Путивльским и Рыльским переписным материалам конца XVI и 20-х гг. XVII в.) // СА. № 4. 1964. С. 151–152.

ри» (р. Вырь); «ордынская волость Иевлевская на р. Семи»; «ордынская волость на р. Берюхе» (левый приток Клевени), где упоминается Юрьево городище[44]. Там же неподалеку от Берюхи упоминаются р. Липица, речка Липица, Липецкой, Липитский ручей, ручей Липицы, Липцы, Липицкий Верх, Липицкий лог (верхний и нижний), Липецкая дубрава, Липецкой лесок, средняя Липитская дорога[45]. Здесь же проходит Рыльская дорога. К сожалению, на всю изучаемую территорию мы не располагаем опубликованными писцовыми материалами.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что мы не располагаем к настоящему времени достаточными данными для надежной локализации стольного города Святослава Липовичского, однако, несомненно, что владения этого князя находились в пределах Курского княжения, скорее всего, в бассейне р. Сейм. Следовательно, нет никаких оснований сопоставлять летописные известия Лаврентьевской и Симеоновской летописей 6791–6792 (1283–1284) гг. с территорией бассейна р. Воронеж, бывшей в XII–XIII вв. южной окраиной Рязанского княжества и искать в этих известиях первое упоминание современного нам г. Липецка.

К сожалению, Липецкая область в археологическом отношении заметно хуже изучена, чем верхнедонские земли Тульской и Рязанской областей, с одной стороны, и Курской и Воронежской – с другой. Так называемое Липецкое городище следует тщательно изучать и сохранять, как и другие археологические памятники города и области. Эта работа позволит раскрыть историю хозяйственного освоения территории области с древнейших времен до нового времени.

---

[44] *Антилогов Г. Н.* Новые документы... С. 130–142.

[45] Там же. С. 267, 209, 300; 207, 210, 300, 271; 233, 271, 267; 207, 210; 267.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЛЮР – Археологическая летопись Южной России

АЕ – Археографический ежегодник

АМГ – Акты Московского государства

АО – Археологические открытия (ежегодник)

АП УРСР – Археологічні пам'ятки УРСР

АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв.

ВГ – Вопросы географии

ВИ – Вопросы истории

ВУАН – Всеукраинская академия наук

ВЯ – Вопросы языкознания

ГИМ – Государственный Исторический музей

ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранным и изданным археографическою комиссиею

ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.

ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

Записки РГО – Записки Русского географического общества

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

ИИЕТ РАН – Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук

ИЗ – Исторические записки

ИРИ РАН – Институт российской истории Российской академии наук

ИСССР – История СССР

КБЧ – Книга Большому Чертежу

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР

КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР

ЛЗАК – Летопись занятий Археографической комиссии

Материалы МФГО СССР – Материалы Московского филиала Географического общества СССР

МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов

ПВЛ – Повесть временных лет

ПДПИ – Памятники древней письменности и искусства

ПКМГ – Писцовые книги Московского государства. Изд. РГО

ПРП – Памятники русского права

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей, изданное Археографической комиссией

РГО – Русское географическое общество

РИС – Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских

СА – Советская археология

САИ – Археология СССР. Свод археологических источников

Сб. РИО – Сборник Русского исторического общества

СИЭ – Советская историческая энциклопедия

СНМ – Списки населенных мест Российской империи

СЭ – Советская этнография

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР

Тр. АС – Труды Археологических съездов

ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

ТРУДЫ

1974

1. До питання про формування території давньоруських князівств у XII ст. // Український історичний журнал. 1974. № 5. С. 43–53.

1975

2. Черниговское княжество // «Древнерусские княжества» X–XIII вв. М., 1975. С. 57–117.

3. Домагощ и границы «вятичей» XII в. // Историческая география России. XII – начало XX в. М., 1975.

4. Порохний лес и окрестности Новгорода Северского в XII в. // История географии и историческая география. М., 1975. С. 15–18.

1981

5. Дублирующие друг друга известия в статьях 6682, 6683 и 6698, 6701 гг. Ипатьевской летописи // Летописи и хроники: 1980 г. В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 69–78.

1982

6. Подмосковные Уполозы 1231 г. // Проблемы исторической географии России. М., 1982. Вып. 1: Формирование государственной территории России. С. 31–44.

1985

7. *В соавторстве с: Гоняный М. И., Маркина Е. Д., Фоломеев Б. А.* Куликово поле и его археологические памятники // Археологические памятники Европейской части РСФСР. Методические материалы к своду памятников истории и культуры. М., 1985. С. 48–56.

1986

8. *Статьи:* Альта; Азовское море; Белая; Белобережье; Белое Озеро; Березина; Бежичи; Болоховская земля; Буг Южный; Буг Западный; Белогород-Днестровский // Enzyklopädie zur Frühgeschichte Europas. (Энциклопедия раннеисторической Европы. Академия наук ГДР). Т. 1. Berlin.

1987

9. Историко-географический аспект изучения Куликова поля // Тезисы докладов и сообщений научной конференции «XXVII съезд КПСС и во-

просы взаимодействия общества и природы на различных исторических этапах». М., 1987. С. 68.

1988

10. К исторической географии южного пограничья Рязанского княжества в XII–XIV вв. // Научные чтения. Археология Рязанской земли: тезисы докладов. Рязань, 1988. С. 46–47.

1989

11. О малоизвестных поселениях Подмосковья первой трети XIII в. (Голубино, Волочок и Уполозы) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. М., 1989. С. 64–70.

1990

12. *В соавторстве с: Фоломеев Б. А., Хотинский Н. А.* Проблемы междисциплинарного изучения Куликова поля // Куликово поле. Материалы и исследования // Труды ГИМ. Вып. 73. М., 1990. С. 3–9.

13. *В соавторстве с: Гоняный М. И.* Предварительные итоги и задачи изучения древнерусских памятников районов Куликова поля // VI Международный конгресс славянской археологии. М., 1990. С. 149–150.

1993

14. [Предисловие к кн.:] *Шеков А. В.* Верховские княжества (Краткий очерк политической истории. XIII – середина XVI в.) // Труды Тульской археологической экспедиции. Вып. 1. Тула, 1993. С. 4–5.

15. *В соавторстве с: Маркина Е. Д.* [Аннотация к карте: Mondglobus; Fertige Vriante einer ethnographishen Sibirienrarte // Focus Behaim Globus. T. 2. Nüernberg, 1993. S. 564, 827–828.

1994

16. [Статьи]: Анты, Владимир Мстиславич, Владимир Рюрикович, Всеволод Ольгович, Всеволод Святославич, Восточные славяне, Вятичи // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. Т. I. М., 1994. С. 96, 406, 407, 467–468, 477, 501. В соавторстве с: *Шеков А. В.* Курское княжество // Там же. Т. 3. 2000. С. 236.

1996

17. Где находились владения князя Липовичского, упоминаемого в летописях под 1283–1284 гг. // Липецк: начало истории. Липецк, 1996. С. 40–51.

1997

18. *В соавторстве с: Гоняный М. И., Александровский А. Л., Гласко М. П., Янович Я. Д.* Проблемы музеефикации и разработки зон охраны Куликова поля в свете междициплинарных исследований // Археологический фактор в планировочной организации территории: Материалы семинара Российского НИИ культурного и природного наследия. М., 1997. С. 120–145.

19. [Аннотации к картам] // Россия: стратегия развития в XXI веке. Ч. 1. Фонд им. Вернадского. М., 1997. С. 1–4.

20. Письмо Н. В. Рязанову из АН СССР (1982) // Курск (Документы, воспоминания, статьи). Курск, 1997. С. 94–96.

21. Редактирование и предисловие к кн.: *Куза А. В.* Древнерусские городища X–XIII вв. Свод памятников. М., 1996. С. 3–5.

22. *В соавторстве с: Булатов В. Э., Маркина Е. Д., Соловьева Н. Ю.* Атлас Архипелага и рукописные карты Первой Архипелагской экспедиции русского флота 1763–1774 гг. М.: Индрик, 1997.

23. [Аннотации к картам] // Незабываемая Россия. Русские и Россия глазами британцев XVII–XIX век. М.: Трилистник, 1997. С. 89–90.

24. [Аннотации к картам] // Katharina die Grosse, Erasburg, Minerva, 1997. S. 146, 148–150, 192–194.

1998

25. *В соавторстве с: Маркина Е. Д., Соловьева Н. Ю.* [Аннотации] // Петр Великий в Москве. Каталог выставки. М., 1998. № 27, 75, 96.

1999

26. *В соавторстве с: Гоняный М. И., Гриценко В. П.* Задачи сохранения и использования археологического наследия Куликова поля // Музей-заповедник «Куликово поле»: концепция развития. М.: Тула, 1999. С. 27–32.

27. *Zaytsev A.* The First Maps of Sevastopol Harbour. Abstracts of the 18th International Conference on the History of Cartography. Athens, 1999.

2000

28. *Alexey K. Zaytsev.* The Three Earliest Charts of Akhtiar (Sevastopol') Herbour. *Imago Mundi*, Vol. 52. 2000. P. 112–123.

29. Тезисы «Специфика контроля за состоянием и использованием памятников археологии на территории музея-заповедника «Куликово поле» // Мониторинг археологического наследия и Земельный кадастр (Материалы семинара 1998–1999 гг.). М., 2000. С. 187–188.

2001

30. Первая карта Советской России // Доклады II Всероссийской научной конференции по картографии. М., 2001. Т. 2. С. 633–637.

31. *В соавторстве с: Маркина Е. Д.* История и карта. Три века российской картографии. Век восемнадцатый. Век девятнадцатый. Век двадцатый (Буклеты – малотиражное издание ГИМ).

2002

32. О протографе летописной «Повести о Донском побоище» и рассказа 1380 г. Новгородской I летописи // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России: Сб. статей в 2 т. Т. 2. Тула, 2002. С. 30–44.

2003

33. Помянник Черниговских князей, «Слово о князьях» // Письменные памятники истории Древней Руси. СПб., 2003. С. 107–109, 187–190.

2004

34. Где находилось «место, рекомое Березуй» «Сказания о Мамаевом побоище»? // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История: Сб. статей в 2 т. Т. 2. История. Этнография. Искусствоведение. Тула, 2004.

2005

35. Памятники Куликовского цикла и Летописная повесть «О побоище иже на Дону» // Куликово поле и Донское побоище 1380 г. // Труды ГИМ. М., 2005. Вып. 150. С. 31–60.

36. Историко-географическое исследование района Куликова поля // Куликово поле и Донское побоище 1380 г. // Труды ГИМ. М., 2005. Вып. 150. С. 181–208.

37. Некоторые итоги // Куликово поле и Донское побоище 1380 г. // Труды ГИМ. М., 2005. Вып. 150. С. 345–348.

38. Река Меча в летописных памятниках Куликовского цикла. Неисчерпаемость источника. К 70-летию В. А. Кучкина. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 226–232.

Доклады на научных конференциях

1. Специфические черты формирования границ средневековой Руси. – Научно-практическая конференция, посвященная 100-летию Отдельного корпуса пограничной стражи России. 29.10.93.

2. Где находились владения князя Липовичского, упоминаемого в летописях под 1283–1284 гг.? – Заседание Ученого совета истории России РАН, посвященное истории г. Липецка. 30.09.93.

3. Доклад на юбилейных чтениях ГИМ (в соавторстве с М. И. Гоняным) «Исследования ГИМ на Куликовом поле» (1997).

4. Доклад «Структура государственной территории древней Руси» на Историко-географическом семинаре при Институте географии РАН (1997).

5. Проведено 4 совещания в Москве и Туле по организации археологических работ полевого сезона 1997 г. и по организационной структуре и концептуальной направленности деятельности вновь образованного военно-исторического природного заповедника «Куликово поле».

6. Результаты исследования и опыт изучения Куликова поля (в соавторстве с Гоняным М. И. и Гласко М. П.). На конференции «Концептуальные вопросы деятельности музеев-заповедников». Ясная поляна, 26–29 апреля 1998.

7. Топография Куликовской битвы. Там же.

8. Мониторинг археологических памятников Куликова поля (совместно с Гоняным М. И. и Гриценко В. П.). Там же.

9. Работа Исторического музея на Куликовом поле. Конференция краеведов России. 11–12 декабря 1998 г.

10. Место Донского сражения 1380 г. На конференции «Куликово поле – уникальная культурно-историческая территория». Сентябрь 1999.

11. «Сын его И. А. Ганнибал...» – картографический комментарий к пушкинским строкам. На Пушкинской конференции музея А. С. Пушкина 24 февраля 1999 г.

12. The first maps of the Sevastopol habour. Афины, 18-я международная конференция по истории картографии. Июль 1999.

13. Три первые карты Севастопольской бухты. К истории формирования картографического фонда ГИМ. Забелинские чтения, 1999 г.

14. Первая карта Советской России. На II Всероссийской конференции по картографии. Москва, 2–5 октября 2001 г.

15. Локализация Донского побоища 1380. Ученый совет ГИМ, март 2002.

16. К вопросу об источниках Летописной повести о Донском побоище. Доклад в Центре истории Древней Руси ИРИ РАН, апрель 2002.

17. О протографе Летописной повести о Донском побоище и рассказа 1380 г. Новгородской I летописи. Конференция «Исторический ландшафт. Природа. Археология. История Куликова поля». Тула, сентябрь 2002.

18. Атлас Российской империи 1796 г. как исторический источник и музейный предмет. Забелинские чтения. 2002 г.

19. Где находилось «место, рекомое Березуй» «Сказания о Мамаевом Побоище»? IV чтения памяти Н. И. Троицкого. Тула, сентябрь 2003.

20. Доклад на совместной конференции ГИМ и Музея-заповедника «Куликово поле и юго-восточная Русь в XII–XIV вв.» на тему «Маршрут войск Дмитрия Донского на Куликово поле 1380 г.», ноябрь 2004.

Отзывы, отчеты, справки

1. Отзыв на реферат докторской диссертации А. К. Станюковича «Скрытые объекты историко-культурного наследия», ИстФак МГУ, 1995. 3 с.м.п.

2. Отзыв ГИМ (ведущей организации) на кандидатскую диссертацию А. В. Кашкина (Институт археологии РАН) «Археологическая карта Брянской области», 1995. – 6 с.м.п.

3. Отзыв на дипломную работу студентки Российского ин-та переподготовки работников искусства и культуры Гриценко Т. А. «Теоретические основы и практические методы для создания научно-фондовой концепции историко-археологического музея “Тульские древности”». — 2,5 с.м.п.

4. Отчет о раскопках в Козельске 1997–1998 (ИА РАН).

5. Археологический сборник к 90-летию М. В. Фехнер – 1999 (ГИМ).

6. *Григорьев А. В.* Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000 (музей-заповедник «Куликово поле»).

7. Оппонент дисс. к.и.н. Ю. А. Моргунова «Посульская укрепленная линия» – 1998 (ИА РАН).

8. Отзыв на канд. дисс. А. В. Шекова «Верховские княжества» – 1998 (Истфак МГУ).

9. Отзыв на канд. дисс. К. И. Комарова «Археологическая карта России. Ивановская область» – 1999 (ИА РАН).

10. Отзыв на канд. дисс. О. Л. Прошкина «Освоение территории Верхнего Поочья в древнерусский период» – 2001 (ИА РАН).

11. Рец. на книгу В. М. «Орел изначальный XVI–XVIII вв.». Орел, 2001–2003 (Макарьевские премии).

12. Отзыв на реферат канд. дисс. О. А. Александровской «Русская географическая традиция» – 2003 (ИИЕТ РАН).

13. Отзыв на реферат О. В. Двуреченского (Отдел комплексных исследований ГИМ) «Комплекс вооружения и снаряжения коня и всадника из козачьих слобод Епифанского уезда».

14. Справка о дате основания Древнерусского государства для МК РФ.

15. Справка по заданию дирекции «К юбилею 225-летия образования Тульской губернии».

СПИСОК КАРТ

Карта 1. Киевская Земля (включая волости Берестейскую и Турово-Пинскую), Черниговская Земля и Переяславская Земля (по А. Н. Насонову) ..... после 66
Карта 2. Племенные и государственные границы Черниговской Земли ..... после 66
Карта 3. Черниговская Земля в XII – первой половине XIII в. ..... после 130
Карта 4. Границы «Вятичей». Ход военных действий в Черниговской Земле (декабрь 1164 – лето 1147 г.) ..... после 130
Карта 5. Курское княжество 215
Карта 6. Черниговская земля и ее соседи в XII в. (историко-географическая реконструкция В. Н. Темушева) ..... после 218

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕРНИГОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО X–XIII вв.

Введение 8
Глава первая.
Историография и источники историко-географического изучения Черниговской земли 15
Глава вторая.
Формирование ядра Черниговской земли и его место в процессе образования территории Древнерусского государства 45
Глава третья.
Формирование территории Черниговского княжества (вторая половина XI – середина XII в.) 60
Глава четвертая.
Черниговская земля во второй половине XII – первой половине XIII в. 115
Заключение 131
Дополнение «Поселения, реки и урочища Черниговской земли» 135
Список литературы 175

СТАТЬИ

Подмосковные Уполозы 1231 г. 190
О малоизвестных поселениях Подмосковья первой трети XIII в. (Голубино, Волочок и Уполозы) 199
Где находились владения князя Липовичского, упоминаемого в летописях под 1283–1284 гг.? 206

Список сокращений 217

Труды 219

Список карт 225

Научное издание

Алексей Константинович Зайцев

ЧЕРНИГОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО
X–XIII вв.

Избранные труды

Редактор *А. В. Шеков*
Художественный редактор *А. Ю. Никулин*
Корректор *Н. Н. Грибенюк*
Верстка *О. В. Красильников*
Подготовка карт *В. Н. Темушев*

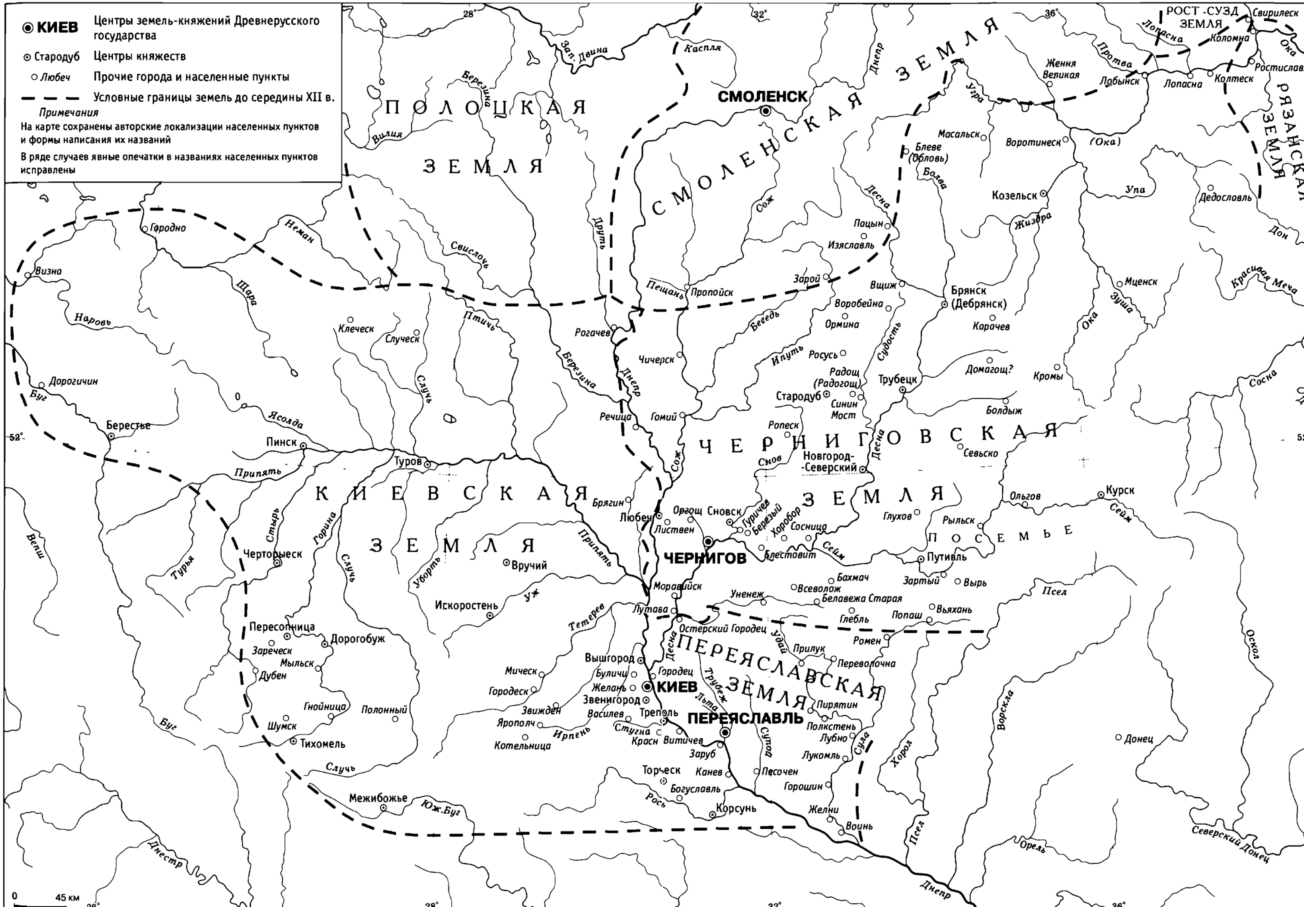
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 14. Тираж 1000.
Заказ В-1546.

Издательство «Квадрига»
Издатель С. Т. Корнеев

ISBN 978-5-91791-006-2

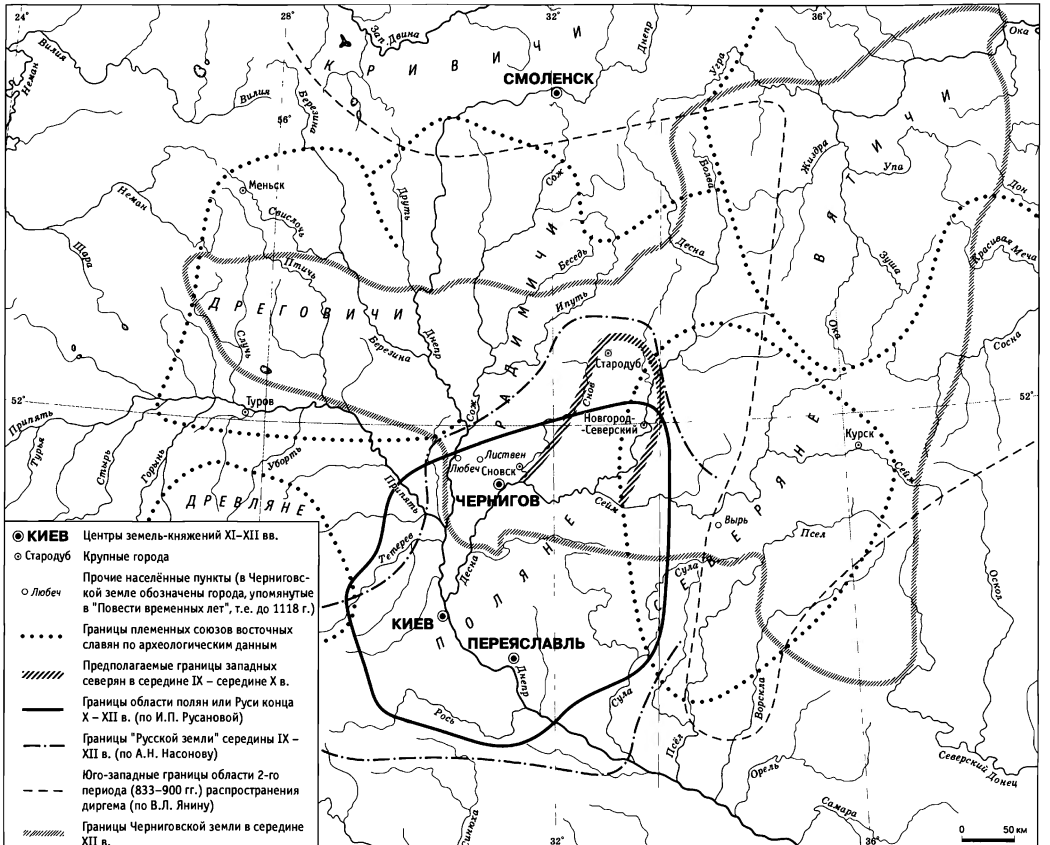
Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии ОАО ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

Карта 1



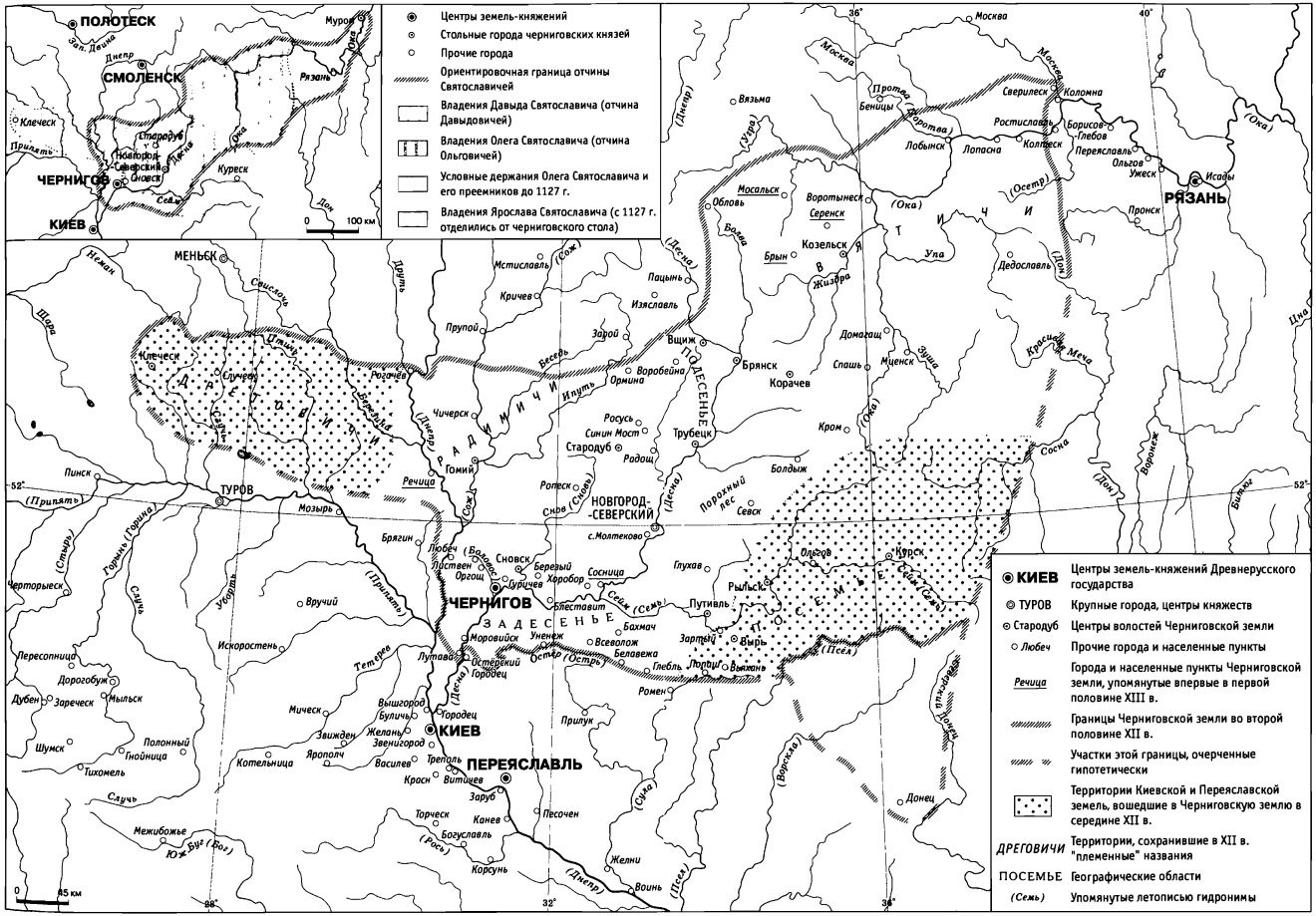
КИЕВСКАЯ ЗЕМЛЯ (включая волости Берестейскую и Турово-Пинскую), ЧЕРНИГОВСКАЯ ЗЕМЛЯ И ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ ЗЕМЛЯ (по А. Н. Насонову)

Карта 2



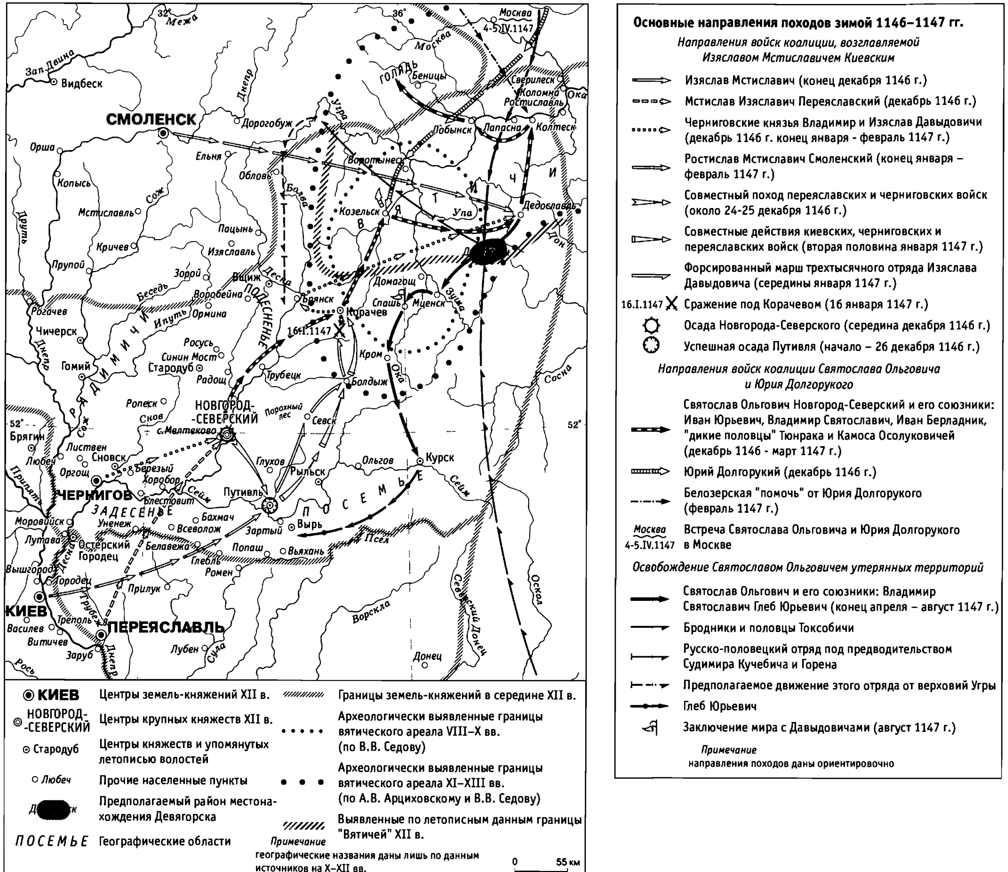
ПЛЕМЕННЫЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ГРАНИЦЫ ЧЕРНИГОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Карта 3



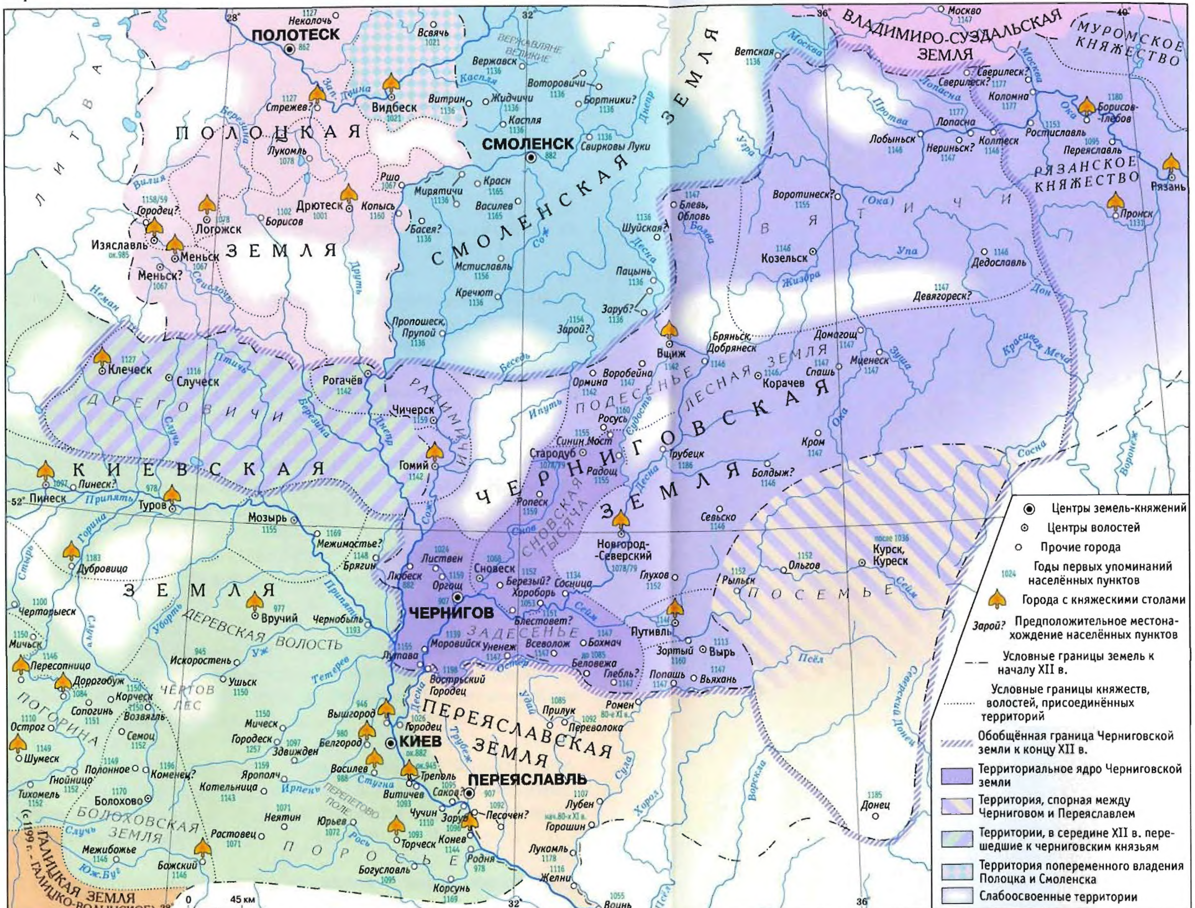
ЧЕРНИГОВСКАЯ ЗЕМЛЯ в XII – первой половине XIII в.

Карта 4



ГРАНИЦЫ «ВЯТИЧЕЙ». Ход военных действий в Черниговской Земле (декабрь 1164 – лето 1147 г.)

Карта 6



ЧЕРНИГОВСКАЯ ЗЕМЛЯ И ЕЕ СОСЕДИ в XII в. (историко-географическая реконструкция В. Н. Темушева)